6 ИЮНЯ 1990 г.
№ 23 (5297)
ЦЕНА 20 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

1

ГАЗЕТА ОСНОВАНА В 1830 г. ПРИ УЧАСТИИ А. С. ПУШКИНА. ИЗДАНИЕ ВОЗОБНОВЛЕНО В 1929 г.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ДОСТОЙНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Результаты встречи Горбачева и Буша значительно превосходят то, что ожидалось у нас и особенно в США. Таково общее мнение участников встречи, советников и комментаторов. Больше того, многие считают, что это самая продуктивная встреча за всю историю советско-американских отношений в послевоенный период. Поскольку мне довелось косвенно или прямо, в качестве консультанта или журналиста наблюдать встречи на высшем уровне руководителей двух держав с конца 50-х годов, я могу только подтвердить эту оценку. Читатели уже знают о достигнутых соглашениях. И я хотел бы привлечь внимание к психологическим аспектам сотрудничества двух лидеров, от которых зависит спокойствие и безопасность едва ли не всех людей, живущих на земле. Я был в Америке в период избирательной кампании Президента Буша, слушал его выступления, прогнозы его политики со стороны специалистов. Джорджа Буша представляли человеком, застегнутым на все пуговицы, не очень «удобным партнером» для такого активного и раскованного деятеля, как Горбачев. Морской летчик в период войны, руководитель ЦРУ, умеренный деятель Республиканской партии, осторожный и даже суховатый дипломат — так говорили многие мои друзья, конгрессмены и ученые, главным образом из числа демократов, предсказывая неизбежный спад в советско-американских отношениях. Я встречался сейчас с некоторыми из них, они в один голос повторяют: к счастью, мы ошиблись. А я думаю о том, какую гигантскую эволюцию проделали лидеры двух великих ядерных держав за последние десятилетия!

Париж 1959 года. Хрущев и Эйзенхауэр скрываются друг от друга в своих резиденциях. Де Голль пытается примирить двух супердержавных властителей, за спиной у которых множество ядерных бомб. И Айк, и Никитушка были похожи на пришельцев с разных планет, которые совершенно не понимают друг друга. Каждый из них видел в своем партнере какого-то империалистического разбойника (даже терминология была схожей!), который вынашивал мечту нанести ядерный удар по противнику и разрушить дотла враждебную систему.

Хельсинки 1975 года. Форд и Брежнев подписывают Хельсинкский акт. Но количество оружия возросло в несколько раз. Остается острое недоверие и подозрение друг к другу. Прошло несколько лет. Америка едва избавилась от вьетнамского шока, а СССР находился накануне афганской авантюры. Идеологическое противостояние и гегемонизм были оплачены ужасной ценой: каждая из стран накопила тысячи ядерных боеголовок, вероятно, в расчете на уничтожение не только земного шара, но и других планет нашей Солнечной системы.

И вот Женева 1985 года. Рейган приехал туда с твердым убеждением, что ему предстоит встреча с представителем чудовищной «империи зла». Но у нас к тому времени уже произошел переворот в сознании, который получил название нового мышления. Этот немолодой уже деятель под воздействием своих встреч с Горбачевым сумел совершить подлинный скачок в своих взглядах. Это позволило сделать первые важные шаги и в Рейкьявике, и в Вашингтоне.

Почти год все мы ждали встречи Горбачева с Джорджем Бушем. Нам думалось: ну что американцы тянут время, неужели опять волнообразное развитие наших отношений упадет до нижней отметки? Но мы не понимали нового президента. Мы не понимали его стиля, того, что пришла не третья администрация Рейгана, а первая администрация Буша. Этот стиль отличает меньшая торопливость, но большая надежность, меньшая аффектация, но большая эффективность, твердая защита национальных интересов своей страны и понимание государственных интересов партнера. Стиль президентов двух наших стран отличают откровенность и внутренняя теплота. Изменилось время, изменилась психология наших лидеров.

Конечно, у нас есть большой соблазн приписать успех встречи исключительно личной дипломатии Горбачева, который обрел за пять лет уникальный опыт переговоров с руководителями западного мира. Это тем легче сделать потому, что элита американской науки и культуры — в их числе я встретил своих давних знакомых историка А. Шлезингера, экономиста Дж. Гэлбрейта, многих сенаторов — высоко и искренне оценила вклад руководителя нашей страны в изменение облика современного мира. В ответ на это Горбачев даже заметил: слушаю я, и мне кажется, что все это говорят не обо мне... Но воздадим должное и президенту США. Лично меня поразили и обрадовали три решения, где Буш проявил большое мужество и ответственность.

Первое — торговое соглашение. Я уже писал в «ЛГ» о настроениях среди американских сенаторов и конгрессменов. Очень многие из них выступали за увязку этого соглашения с литовской проблемой и законом о выезде из СССР и въезде в СССР. Буш подписал это соглашение, оговорив, правда, что оно может быть ратифицировано в случае утверждения в Верховном Совете СССР упомянутого закона.

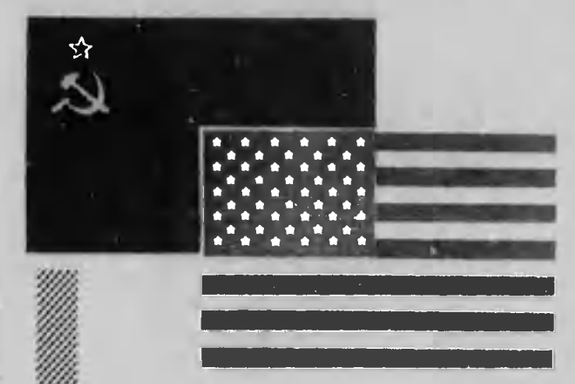
Второе — оценка перестройки. Президент США не поддался советам воспользоваться трудностями переживаемого нами периода и оказать давление на Горбачева. «Фактор Ельцина» пропал впустую на переговорах. Не воспринял Буш и предложение содействовать «распаду СССР» для ослабления его мощи. Куда более серьезное впечатление здесь производит противоположное мнение. Ответственные политики боятся дезинтеграции нашей страны, думают о том, кто мог бы завладеть гигантским ядерным потенциалом в таких условиях.

Джеймс Биллингтон, директор Библиотеки конгресса, прекрасный знаток нашей истории, говорил, что Россия уже не раз переживала смутное время и выходила окрепшей и обновленной. Во время моих выступлений в университетах США американские специалисты ссылались на периоды смутного времени в своей стране — и во время испытаний гражданской войной в прошлом веке, и в период кризиса в 30-х годах. Странно звучит, но в Америке смотрят с большим оптимизмом на судьбу нашей перестройки, чем у нас. Они знают и верят в значение демократических институтов, экономической свободы, инициативы и прав человека. Особенно они ценят все большую открытость нашего общества.

Третье — проблема объединения Германии. Здесь позиции двух держав пока еще сильно расходятся. Но я видел, как Буш прислушивался к доводам Горбачева, какое впечатление на него произвели цифры о жертвах наших народов в период войны. Мне показалось, что в выступлениях американского президента стала сильнее звучать нота европейской безопасности в контексте германской проблемы. Конечно, Буш не говорит, подобно некоторым американским советологам, о Европе от Калифорнии до Владивостока. Но понимание естественных различий общественного мнения и национальных интересов двух стран возрастает. Среди американских политиков все чаще можно слышать рассуждения о лимитах вооруженных сил Германии, об ее отказе навечно от ядерного оружия, о взаимосвязанности процесса сокращения военного присутствия обеих держав на германской территории, об эволюции НАТО. Но это только начало процесса сближения позиций двух держав.

И последнее. Договоренность о постоянных встречах двух лидеров. Возникает стабильный механизм сотрудничества, который — кто знает? — может перерасти в истинную дружбу. Уже в этом году Буш, вероятно, приедет в СССР. Это будет крупным событием для нашей страны. Мы помним, сколько было сорвано визитов американских президентов к нам. Этот визит состоится.

Семь лет назад я написал статью «СССР—США: соперники, партнеры, враги?». Тогда это было выражением надежд, которые казались иллюзиями. Сейчас мы находимся в таком историческом периоде, когда можно твердо сказать: мы уже не враги, все еще соперники в ряде важных сфер международной политики, но больше всего мы становимся партнерами в поисках новой системы всеобщей безопасности, открытости, благополучия народов.



Мы прошли большой путь... Я точно не знаю, как это определить, но 20 лет назад были бы немыслимы такие переговоры, какие состоялись в эти дни с Президентом Горбачевым.

Дж. БУШ

Фото спец. корр. ТАСС И. МАЛЫШЕВА и Л. ПАХОМОВОЙ

ВЗГЛЯД ИЗ ПАРТЕРА

БЫТЬ В ОППОЗИЦИИ ПРОЩЕ?..

Тайм-аут на I Съезде народных депутатов РСФСР объявляется часто. В понедельник Б. Н. Ельцин попросил его еще раз, чтобы вновь обсудить кандидатуры своих заместителей — и после раздумий выставил на дополнительный тур... тех же претендентов. Причем опять без альтернативы.

Трудностей у Ельцина много, и, полагаю, не только у него. Противоборство сторон, сложившееся на Съезде, в момент избрания Председателя достигло кульминации, и все мы, влекомые маятником, качнувшимся в другую сторону, почувствовали вдруг, что высшая точка амплитуды была не только пунктом противодействия, но и равновесия, и что это шаткое, с трудом установившееся равновесие рушится. Ни одна из кандидатур заместителей, предложенных Председателем, не проходит с первого раза.

Не знаю, как у других депутатов, но у меня после второго тура выборов заместителей возникло тревожное чувство: вместо того чтобы избрать такие руководящие органы республики, которые были бы в состоянии обеспечить коренные преобразования в социально-экономическом положении России, мы подбираем фигуры, которые устраивали бы всех. Но будут ли работоспособными парламент и правительство, если и дальше идти по такому пути?

Из уст представителей группы «Коммунисты России» в адрес Председателя Верховного Совета РСФСР прозвучали откровенные угрозы: отзовем. Блок «Демократическая Россия» тоже, мне кажется, на грани каких-то критических решений, поскольку, немало способствовав выдвижению Ельцина, он теперь игнорируется полностью, не может провести в руководящие органы ни одного из своих представителей.

Так давайте задумаемся, что происходит, чего хотят одна и другая стороны? Каковы все же реалии?

Пусть с запасом прочности всего в четыре голоса, но Ельцин избран Председателем, и, если с этим считаться, остается одно из двух. Первое — дать ему возможность к нему в оппозицию, признать за ним право проводить в жизнь программу, с которой в ходе выборов он шел открыто и победил. И тогда оппозиция должна быть конструктивной, а не блокирующей. Или второе — разрушая шаткое равновесие, игнорировать этот факт, не давать возможности программе, одобренной большинством Съезда, осуществиться.

К сожалению, события конца прошлой недели показали, что «Коммунисты России» и поддерживающие их группы, похоже, начали идти по второму пути. В последнее время мы немало слышим предостережений об опасности для КПСС стать партией парламентского типа. Но если судить не по теории, а по тому, что происходит в жизни, в том числе и на нашем Съезде, опасность, мне кажется, скорее, в другом — в отсутствии навыков парламентской борьбы, прежде всего умения и желания, отбросив идеологическую гордыню, видеть реальную расстановку сил, считаться с ней, находить союзников и не тыскивать там, где их нет, противников.

К сожалению, эта линия — на объединять, а размежевывать — прослеживается все время, и те, кто ее проводит, в немалой степени способствовали тому, что главное направление принятой повестки дня — вначале обсуждение доклада прежнего правительства, принятие декларации о суверенитете, о новом союзном договоре, механизме народовластия, а затем выборы Председателя и членов Верховного Совета — не выдерживается.

То есть мы работаем, не сформировав наши основные «наказы», сердцевину программы парламента и его Председателя.

В. ФОМИН,
народный депутат РСФСР,
соб. корр. «ЛГ»
по Северному Кавказу

6 июня — день рождения ПУШКИНА

«...Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил»

ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

«Веселое имя: Пушкин», — написал Блок. Веселое имя Пушкина объединило вновь людей в наше совсем невеселое время. В первое воскресенье июня в Святогорском монастыре дети и взрослые, пожилые и не очень, приехавшие издалека и живущие в ближнем селе читатели Пушкина положили цветы к его могиле.

А в полдень начался традиционный Пушкинский праздник. О подготовке «Пушкинской энциклопедии» рассказали представители возрожденного недавно Всесоюзного Пушкинского общества, приехавшие из Москвы и Львова. Выступали гости из Венгрии, Вьетнама, Болгарии, Южной Кореи, Югославии, Кубы, Монголии, ЧСФР.

— Если люди идут к Пушкину, значит, сохраняется стремление к тому доброму, что оставил поэт, к красоте, к совести, — сказал председатель Всесоюзного Пушкинского комитета поэт Владимир Костров. — Это, наверное, главное.

Пушкинский праздник поэзии не замкнут так же, как и мир его творчества: Болдино, Владикавказ, Полотняный Завод, Захарово, Чехов, Тирасполь, где незадолго до пушкинских дней был открыт памятник поэту... Но праздник не завершен и во времени. Пушкин приходит к нам всегда, когда мы нуждаемся в нем...

Два приложения к «ЛГ»

Вышли в свет два очередных выпуска приложения к «Литературной газете» — «ЛГ-Досье». Один из них — «Мир Пушкина» — приурочен к Пушкинским дням и посвящен жизни и творчеству поэта.

Другой выпуск «ЛГ-Досье» под названием «В начале было Слово» посвящен Новому завету. Здесь публикуется «Согласование» трех евангелий — от Матфея, Марка и Лука, выполненное священником о. Леонидом Лутковским, евангелие от Иоанна и некоторые комментарии.

Царское Село

На 1-й и 8-й стр. фото Евгения КАССИНА.

ПУЛЬС

ТЕМПЕРАТУРА НЕДЕЛИ

СОГЛАСИЕ— *альтернатива для всех?*

Пик политических событий года, не исключено, пришелся как раз на минувшую неделю. Разумеется, до очередного января стране еще жить да жить, и вероятность новых экспансий теоретически остается. Теоретически... Но, согласитесь, логика нашей нынешней жизни подсказывает: рубикон пройден. Демократия и конституированный теперь плюрализм, похоже, все интенсивнее реанимируют общественные силы. Обозначились не просто их расстановка и противостояние в митинговых и парламентских спорах. Начинается, мне кажется, более осознанный поиск политических коалиций и компромиссов.

Чем характерны в этом смысле дни последней недели?

Верховный Совет СССР бурно обсуждал правительственную программу перехода к рынку. Вопрос вопросов почти предрешен: переходить, по мнению большинства, надо, и как можно быстрее. Выяснилось, однако, что революционный для отечественной экономики шаг вызвал множество отрицательных эмоций. Спрашивать, почему, вряд ли есть смысл. Огрехи программы очевидны. Лично мне больше всего бросается в глаза просто вопиющее противоречие: мы декларируем рыночные отношения — и тут же, вне всякой связи с природой рынка, планируем заявить о повышении розничных цен, причем без достаточной социальной компенсации. Ради чего снова все переворачивается с ног на голову? Где те условия, которые должны дать свободу предпринимателю и производителю? Или опять, забывая собственный опыт, хотим слукавить и очередной «административной командой» списать на несуществующий еще рынок издержки давно существующего инфляционного процесса?

Реакция на сессии в Кремле и среди населения, по-моему, схожа. Часть членов Верховного Совета настаивала объявить правительству Рыжкова вотум недоверия, а в Союзе повсеместно сдетонировал спрос на продукты и потребительские товары. Моссовет и поставщики столицы, российский Съезд и украинский парламент по-своему остро отреагировали на спровоцированную нештатную ситуацию. Эффект, похоже, превзошел прогнозы абалкинской команды. Возник кризис и по вертикали, и по горизонтали. Вчера Верховный Совет СССР должен был принять «рыночные» постановления, и там возможно, уже намечены сроки первого в стране всенародного референдума. Но я убежден, что в нынешнем виде правительственные программы явно проигрывают общественному мнению.

Следить за ходом сессии, признаюсь, становилось труднее и труднее по мере того, как закипали страсти на Съезде депутатов России. События здесь, на мой взгляд, далеко выходят за рамки республиканского масштаба. Тут свой подтекст. Своя политическая интрига, резонирующая во всей союзной структуре. Демократически избранный Моссовет во главе с Г. Поповым и С. Станкевичем, затем Ленсовет с А. Собчаком и вот теперь, после нескольких туров голосования — российский Верховный Совет во главе с Б. Ельциным.

Я не стал бы, как некоторые обозреватели, делить нынешнего Председателя на «Ельцина до Съезда» и «Ельцина во время Съезда». Якобы в процессе выборов на пост главы республики он помягчел, не стал углублять конфронтацию и провозгласил курс на сотрудничество. Потому-то его, дескать, в конце концов и выбрали в Председатели. Не хочу упрощать ни положение Ельцина, ни наше собственное. Мы все устали от нескончаемых боев за суверенитет и рынок, конституционные права и плюрализм. У нас, ожесточившихся, не всегда, увы, хватает терпения и такта, чтобы распорядиться своим голосом по справедливости, найти лучшее продолжение. И если Борис Николаевич оказался разумнее других, сумел отойти от обид и групповых амбиций, то честь ему и хвала за способность отдать приоритет делу и авторитету России.

Если так, то... А коли по-другому? Не одного меня во время пресс-конференции Ельцина пугала, задевала жесткость формулировок (к примеру, о Москве как столице РСФСР и Союза), а потом, на заседаниях Съезда, и излишняя, как показалось, замкнутость на себе, несвобода от личностных пристрастий в оценках проблем. Авторитарность, впрочем, не всегда недостаток. В какие-то моменты обществу нужна «дисциплинированная демократия», нужна надежная организация жизни. Вспомним дискуссии в «ЛГ» о «железной руке». Но я немного о другом. Все мы — люди, включая президентов и председателей, и нам не избежать ошибок. Бывает, нервничает и глава государства. Случается, проявляет нетерпение самый терпеливый. Так давайте не забывать об этом. Зачем возводить в абсолют проскользнувшую ненароком слабость или в принцип — понятное всем минутное раздражение на оппонента?

На фоне перестройки, и тем более в условиях реальной теперь многопартийности, меняется цена на политический товар. Совершенно иным представляется рейтинг государственного деятеля — он, этот рейтинг, не может уже оставаться величиной постоянной. У них там естественны меняющиеся оценки Буша или Тэтчер в зависимости от политической конъюнктуры: не всегда выгодной для престижа лидера (кто следит за опросами западных социологов, это прекрасно знает). И такими же естественными наверняка есть и будут колебания оценок у нас — чего ж тут бояться!? Я к тому, что мы только привыкаем к нормальной политической жизни и должны учиться не только демократии, но и терпимости, взаимной приязни.

Нестандартная ситуация: мы не готовы воспринимать разные позиции лидеров такого масштаба, как Горбачев и Ельцин. А они сами — готовы? Мне очень хотелось бы, чтобы их готовность была выше нашей. И когда я вспоминаю, в какой тональности отвечал Борис Николаевич на пресс-конференции, когда оцениваю темпераментное выступление Михаила Сергеевича на российском Съезде еще до выборов Председателя ВС РСФСР и его же более спокойный канадский комментарий к результатам этих выборов, то поневоле чувствую, насколько важен был бы сегодня их диалог. В тот час пик, который требует уйти от крайностей в позициях, а в конечном счете — от угрозы распада нашей государственности.

Прошедшая неделя заставляет снова задуматься о мире и согласии в стране. Ведь если мы критически посмотрим на баталии российских депутатов, идущих стенка на стенку у стола президиума Съезда, если столь же пристрастно глянем на беспрецедентное состязание сторон на выборах Председателя в Верховном Совете Украины, соотнесем увиденное с событиями в Прибалтике, Молдавии, Грузии, где уже пытаются создавать—причем от имени разных, противостоящих сил — параллельные структуры власти, с разгулом страстей в Армении, где идет эскалация вооруженных конфликтов с участием непонятно чьих боевиков, то... То убедимся: мы у черты, за которой ни добровольного мира, ни согласия уже нет.

Так будем искать согласия или обострять конфронтацию? Я предложил бы задать именно этот вопрос всесоюзному референдуму. Чем хуже, тем лучше — не тот принцип, за который мне хотелось бы отдавать свою жизнь. Или ради которого стоять в километровой очереди за куском хлеба с котлетой «от Макдональдса».

Да, мы вышли на пик политических событий. Но «скатиться» с крутой их горки хорошо бы к согласию, а не в пропасть. Другой альтернативы нам, увы, не простят.

Юрий ЗАРЕЧКИН

Введено ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ *положение*

ПЕРВОЕ В КИРГИЗИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «КЫРГЫЗСТАН» РОДИЛОСЬ В НЕПРОСТОЙ АТМОСФЕРЕ.

Оно как бы вобрало в себя разрозненные силы тех, кто до этого стихийно выражал недовольство ростом нищеты, требовал радикальных реформ.

Я встретился с одним из сопредседателей Движения писателем Казатом Акматовым. Меня прежде всего интересовало, насколько велик национальный момент в новой организации?

— Нации напоминают мне смотрящих друг на друга склоны ущелья,— сказал Акматов.— У них свои родники интересов, но эти родники все-таки сбегаются в общую реку, которая течет по дну долины. При всем моей симпатии к тому, что происходит в Прибалтике, я понимаю: в наших условиях противостояние национальных фронтов может обернуться страшной трагедией.

— И все-таки, если честно, чему ты отдаешь предпочтение — национальному или интернациональному?

— Первому. Ибо без него не быть и второму.

Примечательно, что в числе пяти сопредседателей Движения не оказалось ни одного представителя из многих некоренных национальностей, искони живущих в республике.

Национальный момент в подходе к любой проблеме — кадровой, социальной или экономической — при малейшем перекосе вызывает детонацию. Не дай бог забывать об этом. В конце прошлой недели вспыхнули страсти «вокруг земли» в городе Оше, где немало бездомных. Горожанам-киргизам были выделены участки на землях соседнего колхоза, а здешнее узбекское население возмутилось: почему нам тоже не дали, почему нас обделили? Раздавались требования о создании в Ошской области узбекской автономии. Тысячи людей с той и другой стороны пошли, как говорится, стенка на стенку. Только вмешательство омоновцев, подразделений внутренних войск, спасло от серьезного столкновения. Три дня в Оше и его окрестностях сохранялось положение, близкое к взрыву. Имеются жертвы. Вечером 4 июня введено чрезвычайное положение.

А. ИВАНОВ,
соб. корр. «ЛГ» по Киргизии

Поосмотреть... не бороться за чистоту

Фото: М. КЛИМОВА

Форум «ДИССИДЕНТОВ»

ЕЩЕ ВЧЕРА ЗА ПРИЧАСТНОСТЬ К ХЕЛЬСИНКСКОМУ ДВИЖЕНИЮ САЖАЛИ В ТЮРЬМЫ И ПСИХУШКИ, А СЕГОДНЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ХЕЛЬСИНКСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ (МХФ) ПРОВЕЛА В МОСКВЕ СВОЕ ЕЖЕГОДНОЕ СОБРАНИЕ, И ВЧЕРАШНИЕ ЗЭКИ ИЗВЕСТНЫЕ ПРАВОЗАЩИТНИКИ Ю. ОРЛОВ, С. КОВАЛЕВ, Л. ТИМОФЕЕВ И ДРУГИЕ СИДЕЛИ В ПРЕЗИДИУМЕ...

Это движение, включающее правозащитников двух десятков стран, родилось 14 лет назад у нас дома, как водилось тогда — на московских кухнях. Первую хельсинкскую группу организовал физик Юрий Орлов. Для контроля за исполнением обязательств по охране прав человека, которые взяло на себя правительство СССР, подписав в 1975 году Заключительный акт хельсинкских соглашений.

Сначала их было всего 11 смельчаков (П. Григоренко, Е. Боннэр, А. Гинзбург, Л. Алексеева и другие), решившихся через самиздат и «голоса» информировать мировую общественность о непрекращающихся фактах грубого произвола над личностью в СССР. Возникшие в поддержку зарубежные хельсинкские комитеты объединились в 1982 году в федерацию с центром в Вене.

Председатель МХФ К. Шварценберг отметил, выступая, немалую заслугу хельсинкского движения в том, что нынешние революции в Восточной Европе и в СССР носят мирный характер. «Мы законники, а не политики»,— подчеркивали многие. Со стороны они виделись одинаково — «диссиденты», а внутри было, оказывается, разделение: на тех, кто смысл борьбы понимал в ниспровержении режима, и на тех, кто не ставил вопроса о власти, а превыше всего считал защиту прав личности, поскольку это фундамент, на котором только и может строиться правовое государство.

«Законники делали то, что и должна делать интеллигенция,— строили идеалы»,— сказал народный депутат РСФСР С. Ковалев, лишь недавно реабилитированный «узник совести». (Увы, случаи единичный — репрессированных правозащитников не реабилитировали до сих пор.) И с горечью заметил сегодня на фоне бурной политизации общества правозащитное движение переживает кризис. Человек с его насущными проблемами стал песчинкой, затертой между разными «фронтами» и партиями. Борьба за права человека никогда не приносила сиюминутных результатов, а сегодня, уже не требуя риска, она лишена и ореола героизма. Но сколько же горящих дел у «законников»!

Съехавшиеся из разных республик и городов нашей страны делегаты хельсинкских групп и «Мемориала» предъявили международному форуму массу вопиющих фактов нарушения прав человека. По-прежнему требуют общественного контроля лагеря и тюрьмы. Злоупотребления в психиатрии все еще не изжиты. Продолжается «дедовщина» (в зал заседаний пришла делегация матерей, сыновья которых погибли в армии). А бесправные беженцы! А исстрадавшиеся «чернобыльцы», чья судьба решена пока лишь на бумаге!

Правозащитное движение, остыв от политической эйфории, должно стать массовым. А то получится, что все мы дружно строим здание демократии... на песке. Проработав четыре дня в Москве, собрание МХФ перемещается сегодня, 6 июня, в Копенгаген, где информация будет передана официальным делегациям стран—участниц очередной правительственной встречи по гуманитарным проблемам.

Л. ГРАФОВА, Г. ЦЕЛМС

«Оживление АРХИВЫ»

Рисунки Николая I, часть Пражского архива, собравшего множество источников о русской культурной эмиграции и о белом движении, прошения о помиловании в ЦИК СССР и Президиум Верховного Совета СССР, написанные за считанные часы до казни Л. Каменевым, Г. Зиновьевым, Н. Бухариным и А. Рыковым, автограф Л. Троцкого — все это богатство представлено в павильоне «Советская культура» ВДНХ СССР.

Большинство этих документов еще совсем недавно сгрывалось за семью государственными печатями. Теперь мы можем их увидеть (хотя бы на выставке, потому что к некоторым архивным фондам нам все еще путь заказан). А главное — эта выставка впервые за десятилетия создавалась ВНЕ идеологической пресса. Ее инициатором стал советско-американский фонд «Культурная инициатива», а участие в ней приняли шесть центральных государственных архивов и два общественных — архив «Мемориала» и Центр документации «Народный архив».

Последний призван запечатлеть народную жизнь во всей ее совокупности. Не случайно именно он взял на себя миссию собирать документы неформальных организаций — от Демократического союза до общества «Память». Только в этом архиве будущие историки найдут неформальную печать эпохи перестройки.

Елена ЯКОВИЧ

СТАВКА *на аренду*

«В ОДИНОЧКУ МОЖНО ПОПАСТЬ ТОЛЬКО В «ОДИНОЧКУ»,— ЗАЯВИЛ, ОТКРЫВАЯ 1-й СЪЕЗД СОЮЗА АРЕНДАТОРОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ СССР, ЕГО ПРЕЗИДЕНТ ПАВЕЛ БУНИЧ, И ЭТО ВЕРНО, ИБО ДО САМОГО ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ УПОМИНАНИЕ О ЧАСТНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОДЕРЖАЛОСЬ ТОЛЬКО В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ...

И все же складывается впечатление, что именно арендаторы обласканы правительством. Судите сами: главный идеолог аренды П. Бунич недавно награжден орденом. Накануне съезда с арендаторами встречается М. Горбачев. Чуть позже он посылает приветствие съезду. Уже на самом съезде руководители таких важных ведомств, как Госкомтруд и Минфин, обещают арендаторам облегчение. А министр финансов даже приносит извинения за не всегда компетентные действия своего аппарата. Из президиума съезда напутствует арендаторов секретарь ЦК КПСС Е. Строев: «В добрый путь, первопроходцы новых экономических отношений!»

На месте арендаторов я бы забеспокоился «минуй нас пуще всех печалей...»

Но вот что странно. В докладе руководителя союза приводятся цифры, которые не могут не тревожить. Только 8,5 процента арендаторов стали собственниками своих фондов развития производства. А 83 процента не стали и, главное, не собираются становиться... Так что с разгосударствлением-то дело пока не очень хорошо. Не здесь ли собака зарыта? На словах никто не отказывается от идеи аренды как переходного, промежуточного этапа на пути к приватизации. Вместе с тем уже говорят, что в будущем сохранится самостоятельный, устойчивый, достаточно обширный арендный сектор. Уж не переедатый ли это государственный, со всеми вытекающими отсюда последствиями? Не потому ли правительство ставит на арендаторов, а не на кооператоров, что арендаторы-то пока как раз «менее рыночные», более зависимые от системы производителя?

Впрочем, время покажет, кто «самый рыночный».

М. ЛОГИНОВ

Кто будет ПАТРИАРХОМ?

На этот вопрос должен ответить Поместный собор Русской православной церкви, который откроется завтра в Трапезной церкви Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Согласно уставу Архиерейский собор, который заседает сегодня в Свято-Даниловом монастыре, должен обсудить и предложить для тайного голосования намеченные кандидатуры. В принципе вдовствующий патриарший престол может занять каждый из 92 епископов Русской церкви, кроме тех, кому нет еще сорока и у кого нет советского гражданства. Возможных кандидатов сегодня 75. Это де-юре, а де-факто, утверждают пессимисты, в список будет внесен один-единственный кандидат и знакомой процедуре будет придан вид голосования. Ситуация не новая для страны, плохо, если традицию продолжит церковь. Так или иначе, но Поместный собор вправе вносить любые изменения, и оптимисты полагают, что все события развернутся как раз 7 и 8 июня. Журналистам остается только гадать о них: пресса будет допущена лишь на открытие собора, далее все будет проходить при закрытых дверях. Нельзя сказать, чтоб это сообщение нас взбодрило: мы все уже привыкли к тому, что даже наиболее важные в жизни страны решения обсуждаются гласно.

11 июня — сороковой день кончины патриарха Пимена — Русская православная церковь встретит с новым верховным главой. Такую торопливость некоторые склонны объяснять желанием руководителей церкви быстро произвести рокировку и занять пустующую патриаршую кафедру удобным кандидатом, чтобы не нарушить традицию устоявшейся жизни. Если это действительно так — церкви, кажется, не миновать раскола: нарастающий гул тектонических потрясений доносится до слуха общественности. Тех, кто связывает с церковью надежды на обновление общества, не может не беспокоить то, что процессы демократизации, кажется, споткнулись о церковный порог. Сумеет ли и захочет ли новый патриарх распахнуть перед ними двери?

И. М.

Право на ЭМИГРАЦИЮ

Заместитель министра иностранных дел В. ПЕТРОВСКИЙ комментирует проект нового закона

Еще несколько лет назад сама мысль о том, что советский человек может получить возможность уезжать и возвращаться в свою собственную страну без всякого разрешения со стороны властей, а просто по паспорту, показалась бы не то что фантастической, а бредовой. Однако вот я держу в руках проект закона «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР». Доработанный проект, готовый ко второму чтению в Верховном Совете страны. Однако... до сих пор не только не принятый, но и до конца не обсужденный.

Право слово, жизнь полна парадоксов.

Конечно, с принятием этого закона можно было бы и подождать. Во-первых, слишком уж он необычен для нашего и сегодня не слишком открытого общества. А во-вторых, экономические проблемы сегодня безусловно приоритетны. Однако, как стало известно во время встречи американского и советского президентов, многие ее участники связывали ее успех в том числе и с принятием этого закона. Ведь до сих пор никто не отменил известную поправку Джексона—Вэника, впрямую увязывающую разрешение свободной эмиграции из Советского Союза с принципом наибольшего благоприятствования в торговле.

Что ж, закон не принят, и, значит, пройдет еще какое-то время, прежде чем наша страна полностью выполнит взятые на себя в Женеве и Хельсинки обязательства. Самое дорогое сегодня — темп — упущено.

Так что же в законе? Об этом мы беседуем с заместителем министра иностранных дел Владимиром Федоровичем ПЕТРОВСКИМ.

— Итак, судя по проекту закона, СССР приблизился к большинству цивилизованных стран. Тем не менее в тексте еще остаются неясные места. Например, в проекте сказано, что заграничный паспорт является достаточным основанием для поездок во все страны мира. Означает ли это, что, имея на руках паспорт, советский человек может сразу отправляться в кассу за билетом?

— Из законопроекта следует, что теперь гражданину СССР не нужно будет никакого специального разрешения или какой-то специальной выездной визы. Он получит паспорт на 5 лет.

— В чем же тогда будут заключаться функции ОВИРов?

— Работы у них будет достаточно, хоть, я думаю, очередей не будет. ОВИРы будут выдавать паспорта, регистрировать пошлину, оформлять иностранцев. Нужно сказать, что и техническая сторона деятельности ОВИРов, согласно закону, соответствует положениям хельсинкских и венских договоренностей. Сокращены сроки оформления выезда, ответов в письменной форме на заявления, порядок обжалования отрицательных решений.

— Представим, закон принят. Тысячи наших сограждан захотят отправиться за рубеж по разным соображениям: на работу, учебу, к родным и близким на постоянное место жительства, невероятно расширится туризм. Закон изменяет в лучшую сторону, делает более свободной жизнь миллионов людей. Достаточно ли будет в стране валюты, чтобы обменять ее на трудовые рубли, и хватит ли транспорта, чтобы перевезти всю эту массу желающих из СССР в различные точки мира? Кроме того, можно ли будет сохранить свою собственную квартиру в СССР, а также место работы?

— Поставленные вами вопросы свидетельствуют о том, что возникнет огромное количество социальных и экономических проблем. Все это требует квалифицированной проработки, возможно, изменения основ законодательства. В то же время нужно раз и навсегда понять, что контакты между людьми жизненно необходимы для нашего развития, становятся основой того нового мира, который создается сегодня.

Однако не может не беспокоить и проблема утечки мозгов.

— В последнее время было очень много дискуссий по этому поводу. Высказывалась точка зрения о том, что лучшие умы страны, получив лучшие условия для личного развития, уедут из страны.

— Хотелось бы отметить два момента. Во-первых, в течение долгих десятилетий мы, произнося тысячи слов о патриотизме, подходили к вопросам выезда из страны исходя из, если можно так выразиться, «презумпции измены». Считая, что наши способные люди обязательно захотят остаться навсегда за рубежом, мы только обедняем себя.

Кстати, тут есть немаловажный экономический аспект. Во многих странах, граждане которых выезжают за рубеж, в том числе на работу, переводы их зарплаты являются существенным источником валютных поступлений. Важно только разумно распорядиться этой возможностью через экономические рычаги — разумную налоговую политику, современное банковское законодательство. И второе. Это не только чисто советская проблема. Она касается многих других развитых стран. Даже в США раздаются озабоченные голоса в отношении выезда специалистов в Японию. Значит, и решать ее нужно сообща, совместными усилиями всех государств. Но идти необходимо не назад, к «крепостному праву», а вперед, по известной формуле «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Почему бы международному сообществу не задуматься над разработкой таких правовых и иных норм, которые способствовали бы свободному переливу идей, научно-технических знаний? Плодотворна, в частности, итальянская идея «открытой» лаборатории. Главное же — перенимать и совместно совершенствовать международный опыт создания в каждой стране максимально благоприятных условий для творчества, в том числе научно-технического, внедрения открытий и т. д. Думаю, в этом ключ и к решению наших проблем. И международный диалог по этим вопросам был бы полезен как для нашей страны, так и для других государств.

— Вернемся все-таки к валюте и транспорту.

— Государство должно обеспечить некоторое количество валюты для обмена. Нормы и порядок обмена должны устанавливаться Верховным Советом СССР по предложению Совмина СССР. Однако я считаю, что если человек едет по частным делам, то он должен использовать свои личные средства. К сожалению, в стране не так много валюты. Поэтому всем отъезжающим на постоянное место жительства пока будут выдаваться весьма ограниченные средства. Это вопрос, увы, не политический, а экономический. Чем скорее рубль станет конвертируемым, тем лучше. Что же касается транспорта, то очевидно, что при росте выезда из СССР в этом отношении будут трудности.

— Одной из наиболее распространенных форм отказа в выезде из СССР является ссылка на так называемую секретность. Причем сроки, на которые откладывают разрешение, порой просто чудовищно длинные. Что-нибудь изменилось в новом законе?

— Да. И очень многое. МИД и здесь является сторонником международных правовых норм. По этому же пути и пошли создатели проекта закона. Не случайно последняя статья закона гласит: «Если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем законе, применяются правила международного договора». Но и это не все. Установлен максимальный (по мировым стандартам) срок ограничения — 5 лет. При приеме на работу сотруднику будут обязательно сообщать, каким ограничением на выезд (и на какой срок) он будет подвергнут. Об этом должна делаться соответствующая запись в трудовой книжке. То же самое будет и при зачислении на военную службу. Все вопросы, связанные с государственной тайной, должны решаться лишь на такой основе, на какой они решаются в цивилизованном мире.

— В цивилизованных государствах, видимо, все эти стандарты опубликованы?

— Конечно! Цивилизованный мир потому и цивилизованный, что все нормы поведения в нем публикуются.

— Как будут обеспечиваться права детей, чьи родители покидают страну?

В проекте закона есть специальная статья, предусматривающая выезд граждан, не достигших 18 лет. Выезд детей от 14 до 18 лет может быть осуществлен лишь при наличии согласия в письменной форме их законных представителей. Если ребенку меньше 14 лет, то его выезд осуществляется с согласия родителей.

— Ну, а если, например, один из родителей не хочет отпускать за границу своего ребенка? Предусмотрено ли право обращаться в суд?

— Да. Суды будут рассматривать такие дела.

— Но ведь у них нет никакой практики...

— У советского суда вообще нет международной практики. Ему предстоит еще много сделать для того, чтобы выйти на мировые стандарты.

— Таким образом, принятие закона потребует огромного количества новых постановлений и подзаконных актов?

— Я очень не люблю это словосочетание — подзаконные акты. В этом есть что-то от лукавого. Все акты должны быть законными. Как показывает опыт, все эти многочисленные инструкции и создают почву для беззакония.

— Хотелось бы прояснить ситуацию с гражданами, уезжающими в Израиль. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР их лишают советского паспорта. Законно ли это?

— В новом проекте предполагается признать этот указ утратившим силу. Указ о лишении гражданства эмигрантов в Израиль всегда вызывал критику за рубежом. Дело в том, что наше законодательство о гражданстве предусматривает лишение гражданства только в индивидуальном порядке и только за конкретные антипатриотические поступки.

— Но ведь тогда получается, что эмигранты в Израиль будут иметь два паспорта — советский и израильский. Как это соотносится с действующим законодательством?

— Это должно регулироваться другим законом — законом о гражданстве. На помощь нужно призвать международную практику решения подобных проблем.

— И последний вопрос. Почему все идет так медленно?

Сама наша беседа показала, что новый закон затрагивает многие сферы нашей жизни. Одно цепляет другое. И так без конца. Тем не менее это не оправдание для задержек. Все возникающие проблемы, конечно, сложны, но они вовсе не создают непреодолимых препятствий для принятия закона. Кроме того, они вполне могут решаться не одна за другой, а одновременно, параллельно. Новый закон нужен и с точки зрения выполнения принятых нами международных обязательств, и, что не менее важно, с позиций углубления демократизации советского общества, формирования у нас правового государства.

Беседу вел Л. ЗАГАЛЬСКИЙ

«Всем живущим прижизненный друг»

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

ОН и МЫ

Сегодня с Ним что-то происходит.

С Ним всегда происходит что-то.

Покуда жил — каждая минута происходящего с Ним и в творчестве, и в жизни отзывалась стозвонным эхом, становилась многозначным достоянием людей и — парадокс — возвращалась к Нему то гримасой, то улыбкой. Чаще гримасой.

Покуда жил...

Вот уже второе столетие Пушкин живет среди нас, изменяясь вместе с нами. Было время — Его почти забыли. Недолгое время.

Спохватились, запели осанну. Перья великих и малых писателей стали оттачиваться об Его имя. Речь Достоевского о Пушкине произошла речь Тургенева о Пушкине? Нет. Это Пушкин Достоевского высветился силой на фоне тургеневского Пушкина. Это Он победил обоих.

Позднее наступили времена обожествления, обожания, восторга перед Ним. А дальше революционное литературное большинство сбросило Его «с парохода современности». Ну и что? Над Ним даже терновый венец мученика не возник. И, кажется, с парохода удалился Он не без удовольствия. Ненадолго. Может быть, надоела Ему словоохотливая, женственная любовь предшествующего декадентского мира?

Кто знает — Он ведь непредсказуем.

Потом Его полюбили официально, роскошно, указующе. Школьно и университетно. Диссертационно и академично. Он оделся в сафьян и ледерин, дерматин и бумажные обложки.

Иногда на торжествах в Его честь я вглядывалась в сомнительно кудрявые изображения над сценой, и мне казалось, Он подмигивает, посмеивается, вообще хочет сбежать.

Сегодня очередное «что-то» происходит с Ним. Несколько лет назад в литературном мире, четко разделившемся на правый и левый фланги, возникла критика в Его адрес. Справа Юрий Кузнецов, поэт милостию Божией, со свойственной ему медвежестью заворчал на Пушкина. Левый фланг в ответ возмутился — правый фланг молчал. В ворчании Кузнецова была, на мой взгляд, естественная для самостийного поэтического характера попытка утверждения через отрицание. Но никто почему-то не вспомнил этого литературного приема, которым Лев Толстой пользовался при оценке Вильяма Шекспира.

Недавно на левого критика и прозаика Андрея Синявского — Абрама Терца обрушился справа шквал негодования за его книгу «Прогулки с Пушкиным», где он позволил себе довести тот же прием утверждения через отрицание до форм гротеска. Левые кинулись защищать. Прочитав «Прогулки» целиком, а не в поспешной журнальной публикации, я увидела на последней странице место написания: Дубровлаг. Это слово многое объясняет: человек писал книгу в тюрьме, в атмосфере, трудно представимой тому, кто там не бывал. Человек пытался выжить с помощью Пушкина, посредством того самого шаткого, плохо понятного всем и каждому литературного приема.

Что же получается?

Правому Кузнецову, по мнению левых, нельзя то, что можно левому Синявскому-Терцу?

Левому Синявскому-Терцу, по мнению правых, нельзя то, что можно правому Кузнецову?

Но при чем тут Пушкин?

Да в качестве помощника, спасителя, если хотите, лакмусовой бумажки, катализатора нравственно-этических процессов общества.

Так что же происходит с Пушкиным???

Ровным счетом ничего. Нечто знаменательное происходит с обществом, где «Пушкин — наше все».

Разобщенные, раздерганные, дисгармоничные люди, вчера осудившие любое насилие, а сегодня готовые совершать любое насилие, пытаются найти точку опоры и оправдание поступкам, натягивают на себя, не вникая в суть, то религиозную форму, то имя и дело гения. Как безразмерные чулки. И легкомысленно уверены, что «чулки» легко натягиваются.

Не хватает нам собственных сил и собственных прозрений, а значит, мы — слабые люди и не достойны лучшей участи.

Дух Пушкина, однако, на нас не в обиде. Он даже позволяет трепать свое доброе имя, как трепали Его при жизни и после смерти, которой, в сущности, не было. Разрешает нападать. Почему? Хочется помочь человечеству разобраться в себе.

Хочет помочь, а мы не понимаем. Не слышим Его. Наш слух заглушен собственной разноголосицей.

Самое лучшее, что мы могли бы сделать для Него сегодня, — это попробовать разлюбить.

Умолкнуть на время со славословиями и сквернословиями. Не уповая. Он бы тем временем отдохнул от нашего внимания и, глядишь, сверкнул бы внезапной, непредсказуемой гранью, коих у Него бесчисленное множество. Открыл бы некую тайну своему прямому поэтическому потомку, чье пришествие, мне кажется, не за горами.

Разлюбить...

Но как разлюбишь?

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Свободу Пушкину!

Я в Париже,
Я начал жить, а не дышать

Эпиграф из Дмитриева к 1 и главе «Арапа Петра Великого»

ВОТ УЖЕ почти два века мы перемываем Пушкину кости, полагая, что возводим ему памятник по его же проекту. Выходит, он же преподносит нам единственный опыт загробного существования. По Пушкину можно судить — мы ему доверяем.

Рассчитываясь с ним, мы отвели ему первое место во всем, том, чему не просоответствовали сами. Он не только первый наш поэт, но и первый прозаик, историк, гражданин, профессионал, издатель, лицеист, лингвист, спортсмен, любовник, друг... В этом же ряду Пушкин — первый наш невыездной.

Тема «Пушкин и заграница» достаточно обширна, но и очевидна, чтобы долгим текстом отнимать здесь площадь у свободного рисунка. Достаточно сказать, что Пушкин много раз хотел за границу и столько же раз его не пустили.

Еще в 20-м году молодой Тютчев живо обсуждает с Погодиным слух о том, что Пушкин сбежал в Грецию. Это и тогда было неудивительно.

В 1824-м, уже в Михайловском, Пушкин пробует и так и сяк переменить участь: изобретает себе «анеризм», который лечат лишь в Германии. Получив окончательный отказ, болезнь тут же проходит. Желание не проходит.

«Плетнев поручил мне сказать тебе, что он думает, что Пушкин хочет иметь пятнадцать тысяч, чтобы иметь способы БЕЖАТЬ с ними в Америку или Грецию. Следственно, не надо их доставать ему» (А. А. Воейкова — В. А. Жуковскому).

Желание увидеть Европу перерастает в страсть хотя бы пересечь границу. Ему уже все равно, что в Париж, что в Китай.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов я вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль станы далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса на пиит уже ночной гробец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где мирные Парнасы благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем...

Но и в Китай не пустили.

Как всякий дворянин, он может покинуть Россию, но царь будет «огорчен». Огорчение это дорогого стоит...

Пушкин отправляется в «самоволку» — Грузия единственная доступная в России заграница.

«Лошади мои были готовы. Я поехал с проводником. Утро было прекрасно. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росою и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. — Вот и Арпачай, — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. И поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное: с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. И весело въехал я заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван, я все еще находился в России»

Удивительным образом фантазии авантюрного побега каждый раз совпадает с творческим кризисом, предшествующим творческому же взрыву. Не вышло уехать, и — «Годунов»! Не вышло еще раз и — Болдинская осень...

«Европеец» Брюллов:

«Вскоре после моего возвращения в Петербург, вечером, ко мне пришел Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел идти и долго отнекивался, но он меня переупрямил и утащил с собою. Дети его уже спали. Он их видел и выносил ко мне поодиночке на руках. Это не шло к нему, было грустно и рисовало передо мною картину натянутого семейного счастья. Я не утерпел и спросил его: «на кой чорт ты женился?» Он мне отвечал: «Я хотел ехать за границу, и меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что делать и женился»

А вот французский литератор, гостивший в Петербурге летом 1836-го:

«Пушкин никогда не бывал за границей... В разговоре с каким страданием во взгляде упоминал он о Лондоне и в особенности о Париже! С каким жаром отзывался он об удовольствии посещать знаменитых людей, великих ораторов, великих писателей»

Причем пишется это уже в некрологе Пушкину в том самом Париже, в котором ему теперь никогда не бывать.

Невыносимо!

Мы часто не академически, а по-человечески думаем: что было бы, если бы Пушкин не погиб в 37-м?

Что бы он написал?..

Как шла бы российская жизнь дальше, если бы в ней хотя бы присутствовал Александр Сергеевич? А здоровья в нем было лет на девяносто, до конца века.

Что было бы, если бы...

Если бы Пушкин увидел Париж и Рим, Лондон и Вену... Что было бы, если бы и они увидели его?

«Или мы очень ошибаемся, или Мильтон проезжая через Париж, не стал бы показывать себя как звериный фигляр и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке неизвестном никому из присутствующих, кривляясь и рисуясь то закрывая глаза, то возводя их в потолок. Разговоры его с Дети, с Корнелем и Декартом не были б пошлым и изысканным пустословием, и в обществе играл бы он роль ему приличную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека»

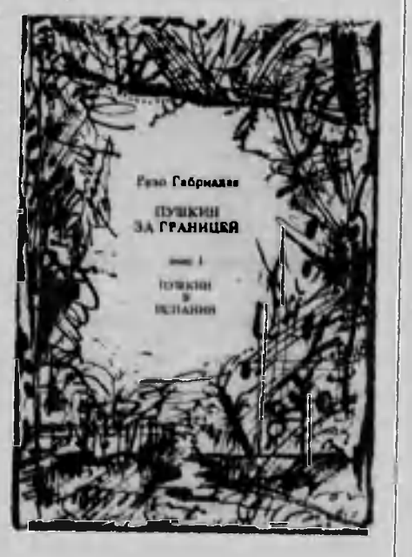
Что было бы, если бы...

Хорошо бы было.

Я попросил Резо Габриадзе выдать Пушкину визу. Он сделал это тут же и без промедления.

Андрей БИТОВ

Этот текст написан Андреем Битовым для альбома рисунков Резо Габриадзе «Пушкин за границей» (книгопечатня «Синтаксис», Париж). Воспроизводим часть рисунков первого выпуска — «Пушкин в Испании».



ИДЕАЛ

Вряд ли еще в какой-нибудь стране мира огромная масса людей, живущих в этой стране, любит своего давно умершего великого соотечественника так, как мы любим Пушкина. То, что мы почитаем его, это не удивительно. Самым великим на все времена англичанином англичане назовут Шекспира, итальянцы то же самое скажут о Данте, немцы — о Гёте. У России не было и, вероятно, не будет более всеобъемлющего, более совершенного, более гармоничного поэта, чем Пушкин. — как же нам не почитать его, не благоговеть перед ним? Но Пушкин для всей России не только самый великий, но и самый любимый. И наша любовь к нему больше, теплее, живее, таинственней почитания и благоговения. Отважусь сказать, что наша любовь к Пушкину является одной из черт нашего национального характера. Мы чуть ли не рождаемся на свет Божий уже с этой любовью, непонятной и странной для иностранца. В этой всеобщей, всенародной любви присутствует и нечто очень личное, заветное, интимное. Так любят живых и близких. Для нас Пушкин не только недосягаемый идеал писателя, поэта, художника, творца, не только великая и прекрасная духовная личность, великий за всех нас мыслитель, и чувствователь, и угадыватель, и называтель, но и желанный собеседник, ранний и добрый друг, верный спутник, надежный советчик, бесконечно и незаменимо родной и единственный — «лежит иных тяжелый крест». Бывает любовь неразделенная и напрасная, бывает любовь трудная, мучительная, больная, темная. Любить Пушкина легко и сладостно. Имя его, прекрасный и светлый пушкинский облик несовместимы с мучительностью и тяжестью. Любовь к Пушкину заведомо исключает неразделенность и разочарование. Ну да, «прекрасное должно быть величаво» и многие стихи Пушкина отмечены Божественной величавостью, чудесным, впрочем, образом сочетающейся с Божественной же легкостью, но и самом Пушкине — живом и подвижном, влюбчивом и смиренном, вдохновенном и простодушном, — нет ни капли отталкивающего и холодного величия, ни капли олимпийского высокомерия. Он бесконечно добр и дароносен, он без конца дарит и, единственный на свете, ничего не требует взамен.

Я никогда не забуду, как лет 20 назад мы с любимой перечитывали «Евгения Онегина». Незадолго до этого я пережил самое страшное время в своей жизни, был близок к помешательству или смерти. Она, любимая, вошла в мою жизнь и спасла ее. Мы тогда много читали стихов, и, конечно, больше всего Пушкина. И вот решили перечитать «Онегина». Мы читали друг другу вслух, задыхаясь и плача от восторга и счастья, от этих невозможно прекрасных стихов, читали по разу в день, и Господи, какой это был праздник души, праздник любви к поэзии! Ведь там все сказано, все о нас, все о России, все о мире и жизни. Все, как больше никем, как больше ни у кого. Как он это мог? Как мог совместить безукоризненную, безусловную правду с никем более недостижимой Божественной простотой, не могу сказать иначе — с Божественной красотой. Как он мог из прозы, из прозы обыденщины, быта, очевидности сделать поэзию, сияющую и льющуюся на нас с каких-то непостижимых духовных высот? И это был не вымысел, не искажение, но преображение — тайна, чудо. Чудотворец, он и нас приближал к вечности и бессмертию. Вот почему именно он Божествен — единственный в русской истории, он — один. В мире таким еще был Моцарт. Других я не знаю, после Пушкина одним из самых любимых русских писателей у меня был Лев Толстой. После Пушкина самый великий и самый любимый. Но я никогда не назову его Божественным. Он — человек, гений, духовный богатырь, человечище. Но и только, но и все. А Пушкин небесен. Пушкин Божествен. Я люблю его и любуюсь им. Он прекрасен и добр, и любить его, любоваться им — добро и счастье.

Пытаясь как-то охладить мою восторженность, мне говорят о слабостях и проступках Пушкина. И все одно и то же: известная непочтительная фраза об Анне Керн в дружеском письме, кощунственная «Гавриилиада», стансы Николаю, два стихотворения о польском восстании. Вот как будто и все. Нам бы всем такие грехи и вины. А я и эти грехи считаю прекрасными и любуюсь ими, не потому что их разделяю или сочувствую им, а потому что он не мог иначе, он же Пушкин, а не кто-нибудь другой. У него такой путь, такая судьба. В нем же африканская кровь и русская душа — взрывчатая смесь. Да и так ли уж смертельно кощунственна «Гавриилиада»? Я иногда перечитываю ее, и всегда с доброй и нежной улыбкой. По-моему, чувственность и эротизм этой юной поэмы овоздушнены, одухотворены изяществом и влюбленностью, да и не мог он иначе, с его добротой и любовью к прекрасному и высокому. И, слава Богу, он не святой, он земной, как все мы. Потому для меня он и Божествен, что он человек, что он с людьми, с нами, так же слаб, так же грешен. Всем нам брат, «всем живущим прижизненный друг», по слову Мандельштама. Со всеми грехами, со всеми провинностями в каждой строчке, в каждом поступке он для меня воплощение любви и подлинности, добра и света. Не было на русской земле за всю ее историю человека лучше и прекраснее, чем Пушкин. И в трудную и в страшную годину, если мы не спасемся Пушкиным, мы ничем не спасемся.

Борис ЧИЧИБАБИН

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» НАШЕЙ ГАЗЕТЫ УЖЕ ОБСУЖДАЛИСЬ ЖУРНАЛЫ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК», «УРАЛ», «СИБИРСКИЕ ОГНИ», «ВОЛГА», «ПОДЪЕМ».

НЕДАВНО ТАКОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОШЛО В ПЕТРОЗАВОДСКЕ, ГДЕ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ОКАЗАЛСЯ «СЕВЕР» С ЕГО, КАК ВЫЯСНИЛОСЬ, НЕПРОСТЫМИ ПРОБЛЕМАМИ.

«Круглый стол» «ЛГ»

«Север»: целомудрие или коммерция?

В июне нынешнего года журналу «Север» исполняется пятьдесят лет. Весьма подходящий повод, чтобы подвести некоторые предварительные итоги, взглянуть на нынешнее состояние издания, охватывающего огромный регион, подумать о том, а что же дальше? Почти сорок лет журнал «Север» возглавляет Дмитрий Яковлевич Гусаров. С его вступительного слова и началось обсуждение.

Д. ГУСАРОВ. Сегодня довольно активно дебатируется вопрос: а была ли, существовала ли у нас настоящая литература в так называемый период застоя? Я смело утверждаю — была! Тут можно было бы перечислять множество имен и произведений. Абрамов, Белов, Гранин, Распутин... Однако уместно, пожалуй, вспомнить и то, что цензура тоже не дремала. Так, в один год у нас были сняты роман В. Маслова, повесть Ю. Галкина, статья В. Личутина... Чтобы «спасти» «Привычное дело» Белова, пришлось уговорить автора «передвинуть» действие из 60-х в 50-е годы, а в конце указать, что, мол, это лишь «первая часть» недописанного произведения. И все же вопреки «застою» настоящая литература пробивала себе дорогу, в том числе и в нашем журнале. Это и «Наш комбат» Д. Гранина, и эпопея Д. Балашова «Государи Московские», и дневники М. Пришвина и переписка А. Твардовского с В. Овечкиным, и публикации из наследия Н. Клюева, М. Цветаевой, и многое другое. Особенность нашего (и немалого!) региона состоит в его многонациональности, это диктует «Северу» внимание к народам и культуре нашего края — на его страницах постоянно публикуются карельские, коми, ненецкие писатели: Н. Яколла, А. Тимонен, У. Викстрем, О. Степанов, Я. Ругоев, И. Торопов, Г. Юшков, Г. Федоров, В. Ледков, П. Янтысый, Н. Ланне, Т. Сумманен, Т. Флинк, С. Попов, В. Брендоев и многие другие.

Помню, когда создавался «Север» в настоящем его обличье, мы собрали писателей нашего региона — из Вологды, Архангельска, Петрозаводска, Мурманска, Коми и Карелии — и выработали основополагающие принципы, коими руководствуемся и по сию пору. Вкратце они сводятся к тому, что мы печатаем произведения писателей нашего региона, а также тех, кто хотя и живет в других городах Союза, но как-то связан с Севером и его тематикой. Тогда же был определен и принцип исключительного внимания к национальным литературам края, давший, на мой взгляд, неплохие результаты.

Проблемы? Их, разумеется, немало. Давно уже бьемся за увеличение объема журнала, все упирается, естественно, в бумагу — не хватает! Вторая проблема — тираж, пока — 20 тысяч, убыточный, конечно. При переходе на хозрасчет — недопустимый. Приходится как-то выкручиваться. В нынешнем году выпускаем в издательстве «Карелия» книгу «Зарубежный детектив» — это четыре романа, опубликованные в «Севере» в разные годы.

Как же быть? Вернее, каким быть «Северу»? В эпоху газетно-журнального бума на этот вопрос ответить не так легко. С одной стороны, хотелось бы сохранить солидное лицо, добропорядочное реноме, привычную основательность и прочие достойные качества. А с другой — поджимают конкуренты, обгоняют на поворотах, экспериментируют, порою хулиганят: цензуры-то, о которой столь гневно говорил Д. Гусаров, уже нет! Выдумывай! Пробуй! И есть уже у некоторых ошеломляющие результаты: журнал «Подъем» поднял тираж с десяти тысяч до пятисот! А «Север» топчется на своих двадцати — и ни с места. Почему?

Г. САЛТУП. Лицо «Севера» — это лицо добропорядочного, добродушного гражданина предпенсионного возраста, и примерно такие же лица у его подписчиков. Подписчики постепенно умирают, и так же постепенно падает тираж журнала. Я читаю «Север» с большим трудом, по обязанности. И больше всего меня не устраивает низкий художественный уровень. Так, например, рассказ В. Плотникова «Разлад» нужно читать с крепкими нервами. А такие рассказы постоянно печатаются. Почему? Только потому, что они ясны, просты, всем понятны и доступны? Такова же и публицистика. В первом номере нынешнего года статья В. Орфинского о кризисе культуры — читаешь, извините, как, говорят, с похмелья портянку жуешь. Ни одной свежей, самостоятельной мысли! Если мы хотим завоевать подписчика, то нам пора преодолевать в себе «внутреннего цензора»!

М. ТАРАСОВ. На мой взгляд, журнал очень сдал, работает без всякого учета времени. Часто печатаются самодеятельные, народийного свойства стихи. В прозе, публицистике явный крен в сторону истории, краеведения. Журнал надо повернуть, резко повернуть лицом к проблемам времени! Нельзя жить лишь заслугами прошлого. «Привычным делом» и другими вершинами. Все журналы переживают тиражный бум, а «Север» не только не растет, но и снижает подписку — такова правда, и от нее никуда не денешься.

Так в чем же дело? Или иссякла талантами земля Севера? Или же дело в ином — в принципиальной позиции редакции, не желающей идти «коммерческим путем», отстаивающей свою «особость пути» и поисков?

В. ТИМОФЕЕВ, ответственный секретарь Мурманской писательской организации, член редколлегии «Севера». Говорят о коммерции. Что, мол, мы должны чуть ли не молиться на нее. Если мы сделаем этот шаг, то обратного хода не будет! Коммерциализация культуры, хозрасчет в искусстве — это преступление, за которое придется ответить в будущем. Концепция у «Севера» есть. Это народные традиции, глубины истории, неувядаемые культурные сокровища. Вот наше богатство, вот наше будущее! Север один у русского народа и у русского государства, и наша задача — сохранить его особость и культуру, возродить его духовность и утраченные ценности. Да, мы выпускаем книгу детективов, но не от хорошей жизни. Путь этот чреват и не может не вызывать опасений.

И. РОГОЩЕНКОВ, член редколлегии «Севера». Новизна новизне рознь. Новизна — но не извращение, рядящееся в тогу откровений. Важно не потерять свет вершин, на который мы ориентируемся. Не искать истину, а возвыситься до нее, по мысли Ивана Васильевича Киреевского. Проникнуться этой истиной, развивать ее. Мы отучились ценить в себе великое. Дошло до того, что мы оказались чуть ли не прорехой на человечестве. Что же касается противостояния журналов, того, что мы часто называем групповой борьбой, то, в сущности, это явление нормальное, продиктованное тем, что одни хотят сохранить традиции, продолжить и развить их, а другие — смять, растоптать, отбросить за ненужностью и бесполезностью.

З. ТАРЛАНОВ, профессор Петрозаводского государственного университета. Я давний читатель журнала «Север» и утверждаю: у него есть своя позиция. Я бы сказал так: она в фундаментальности, в осторожности, отсутствии спешки. Мой совет — и оставайтесь сами собой, не впадайте в крайности. Читатель вскоре пресытится «острой» пищей и поддержит спокойную и взвешенную позицию журнала, его интерес к родной истории и культуре, к вечным, незыблемым ценностям. Заметьте: в нашем крае нет межнациональных осложнений. И не будет! Тут другие отношения, традиции. И надо раскрывать их положительный смысл и опыт.

В. ШИРИКОВ, член редколлегии «Севера» (Вологда). Не стоит присоединяться к великой гонке за сенсациями, терять то целомудрие, которое «Север» имеет. Журналы, выходящие в глубине России, служат слепком народной жизни, они проба на духовное возрождение, залогом которого и является историческая память. А русский Север — Псков, Новгород, Архангельск, Вологда — это хранитель истории, которая могла бы составить честь любой стране мира.

О. ТИХОНОВ, заместитель главного редактора. Избыточная политизация, которую мы переживаем, — признак переломного и болезненного состояния общества. Это напряжение, уже сменяемое усталостью, не может длиться бесконечно. И, думаю, читатель очень скоро оценит то, что мы не впали в конъюнктурную погоню за тиражами любой ценой.

И кто же прав? Временами уже казалось, что чаша правосудия склоняется в сторону «теории целомудрия». Ее поддержали и некоторые другие участники обсуждения: члены редколлегии В. Маслов, П. Леонтьев, представительница молодых литераторов Г. Скаорцова. Однако ни в редколлегии, ни вне ее не было единодушия. Более того, сомнения относительно верности избранного пути звучали все сильнее.

Б. РОМАНОВ, член редколлегии журнала, ответственный секретарь Новгородской писательской организации. Почему снижается тираж? Увы, приходится признать, что многие читатели отказываются от подписки потому, что они не находят для себя ничего неожиданного. Да, неплохо, но это уже было и вчера, и позавчера. Хотим мы того или не хотим, но пора вносить новизну — мировоззренческую и тематическую. Эстетическую неожиданность. Журналу надо думать и о прибыли, и о конкуренции. Не всегда же редактор будет получать зарплату от государства, будет же это издание когда-нибудь писательским!

С. ПАНКРАТОВ, член редколлегии «Севера». Моя судьба, можно сказать, сложилась счастливо. Начал я с серьезной работы — над «Привычным делом» В. Белова, помню все перипетии его издания. А последнее произведение, которое я прочитал первым и рекомендовал его журналу, был роман Н. Скромного «Перелом». На мой взгляд, критика еще не высказалась об этом романе достаточно веско. Конечно, это наши вершины, и надо на них равняться. Но и гордиться тем, что мы не напечатали, например, Солженицына или Андрея Платонова, думаю, не стоит. Следует заметить, что Платонова мы прохлопали, была возможность его напечатать!

О. ЛЕОНОВ, член редколлегии «Севера». Надо публиковать произведения, руководствуясь исключительно их художественным уровнем, пусть даже в чем-то и спорные, «неудобные». И при этом не занимать позицию группы, не защищать интересы определенного круга людей. Групповщина убивает искусство. Мы должны идти по пути печатания самых разных авторов, как это делалось в прошлые годы, когда в «Севере» находили место и В. Белов, и Д. Гранин.

В. ЛУКЬЯНИН, главный редактор журнала «Урал». Я давний поклонник «Севера», выписываю его с 60-х годов, слежу внимательно и считаю его в своем роде эталоном вкуса, художественности и проч. Нередко говорю об этом на редколлегии «Урала» — берите пример с «Севера» и т. д. А вот тираж никак не растет... Между прочим, социологические исследования показывают, что только восемь процентов читателей в оценке произведений руководствуются эстетическими критериями. Остальных (девяносто два процента!) прежде всего интересует тема, сюжет. Так что же делать? Опуститься до коммерции, как это сделал журнал «Подъем», опубликовав в прошлом году «Нечистую силу» Пикуля, «Сына Сталина» С. Аппа и три «зарубежных детектива»? Путь простой, надежный, но в этом пути я не вижу никакого направления, кроме желания хорошо зарабатывать. Другой путь — журнал «Север» серьезный, основательный, рассчитанный на выращивание литературных сил края, сосредоточенный на его истории, его заботах... Тут очень резко выступал товарищ Тарасов, в чем-то даже слишком. Но определенное рациональное зерно в его рассуждениях сокрыто.

Дело в том, что сегодня резко изменилась литературная ситуация в стране, изменилось само содержание нашей духовной жизни. В наш литературный обиход одновременно почти какой-то Ниагарой свалилась масса великолепнейших произведений, от которых мы были отстранены изначально. Кстати, «Повесть о сестре» М. Осоргина, опубликованная в прошлом году в том же «Подъеме», стала для меня открытием замечательного русского писателя. Первая встреча с ним оказалась настоящим литературным праздником. Но ведь вместе с Осоргиным, Набоковым, другими нашими классиками приходят и иные творческие критерии. И сегодня я читаю, скажем, прозу «Севера» с интересом. Но что-то уже кажется скучным, подустаревшим, замечаешь, что это уже было. Неинтересно, когда люди одинаково мыслят. Изображение жизни в формах самой жизни — принцип, утвержденный Чернышевским, уже не кажется столь универсальным.

Вот почему и не хочет подписываться читатель на журнал, о котором он уже все знает. Неужели у вас нет молодых, которым хотелось бы, ну, порезвиться, что ли? Мне кажется, надо дать больше свободы художественному сознанию. Вот «Урал» с недавнего времени целые номера журнала отдает на откуп молодым. От начала до конца — составление, редактирование... Мы считаем, что это и есть стимул для их творческого роста: отсутствие опеки, самостоятельность, эксперимент.

В течение семидесяти с лишним лет нас приучали к мысли, что истина может быть одна на всех, универсальна. Ошибочность подобного тезиса по-прежнему дает себя знать в нашей редакционной практике. Я бы пожелал журналу «Север» большей терпимости к инакомыслию, к разным направлениям в литературе, более широкого привлечения разных имен, стилей, творческих поисков. И еще. Я верю, что на смену журналам государственным придут издания писательские, независимые, со своим кругом единомышленников, не боящиеся споров, дискуссий, запретов и гонений.

В заключение несколько необходимых примечаний и оговорок. Первое. Хочется надеяться, что в весьма лобовой постановке вопроса — целомудрие или коммерция? — никто из участников «круглого стола» не увидит для себя чего-то обидного, поймет, что это всего лишь полемический прием, обнажающий суть проблемы.

Второе. Мы приносим извинения тем участникам обсуждения, которых мы «зажали» и не процитировали, а также тем, кого процитировали несколько вольно, в сильном сокращении. Но и не учесть того, что стенограмму в 76 страниц напечатать невозможно, тоже нельзя.

И, наконец, третье и последнее. В конце мая в Ростове-на-Дону состоялся заключительный «круглый стол» по проблемам региональных журналов, за который приглашены их главные редакторы, в том числе и «Севера». Однако представителя «Севера» в Ростове-на-Дону не было. По телефону же мы получили такое объяснение: все заняты подготовкой и проведением юбилея. Что ж, пользуясь случаем, горячо поздравляем «Север», его редколлегию, сотрудников, авторов, читателей, подписчиков, число которых, надеемся, увеличится в самом ближайшем будущем.

ОТДЕЛ КРИТИКИ «ЛГ»

Владимир ТУРБИН

НЕОЖИДАННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ПРОЩАЙ, ЭПОС!

ПОЯВЛЕНИЕ романа затерявшегося в дебрях эмиграции писателя Нарокова (Марченко) «Мнимые величины» для нас, может быть и не бог весть какое событие. Мы привыкшие. И для нас давно стало как бы даже традицией то скрывать от себя самих свои культурные ценности, то лихо расточать их по всему белу свету. Потеряли писателя? Эка беда, да мы «Слово о полку Игореве» потеряли однажды, куда-то засунули лет шестьсот не могли отыскать и нашли, в общем-то, по счастливой случайности. Алексей Мусин-Пушкин, граф, расстарался. А тут «Мнимые величины»! И без малого сорок лет жили мы, поживали, не подозревая о том, что в Калифорнии где-то существует писатель Нароков. В Ливерпуле или Марселе прочитать его романы могли, потому что на английский да на испанский языки переведены они были, а в Тамбове или в Иркутске никак не могли. Но история повторяется, хотя как известно, повторяется она в разжиженном, в смазанном виде. И, конечно, мне лестно выступать как бы в роли графа Мусина-Пушкина, откопавшего бессмертное «Слово», ибо я откопал в славном городе Хельсинки «Мнимые величины» и, рискуя стать героем очередного внеглиевейшего политического скандала, протащил ксерокопию романа в Москву. Времена были скучные, однако же лютые. Пострадал бы по-глупому: другие платили скандалами, получали сроки хотя бы за то, что создали семи; а тут — ни гебе, не за свой роман терпи, за чужой: ни лаврово-терновых венков, ни гонораров в заветной валюте. Господь, впрочем, милостив: пронесло; и редакторы почтенных изданий нынче ищут по всей Европе другие романы Нарокова, а «Мнимые величины» («Дружба народов», № 2, 1990) читают.

А читая, как водится, уже скептически кривятся: не герои там, а куклы сплошные. Детективность преобладает: зам. начальника управления НКВД поковбойски стреляет в ставшего нежелательным свидетелем следователя, а начальник — в красотку учительницу, притворявшуюся страстно влюбленной в него. Председателя горисполкома потчуют капусткой, сдобренной цианистым калием; престарелый стукач под поезд бросается. Перевоплощения. Сошествие героя в ад, в дебри коммунальной квартиры, но как раз там-то обретение им, по-теперешнему сказать, дороги ко храму. Неправдоподобно все как-то. И вообще подражание Достоевскому.

СПОРИТЬ трудно, ибо критерии, с которыми встречаешься в данном случае, представляются мне умозрительными, отвлеченными. У меня же в последние годы критерий слагается, смею думать, более конкретный, пусть и весьма предварительный. Наиболее существенные закономерности происходившего в нашей стране я пытаюсь обозначить в понятиях социальной эстетики; а роман об НКВД 30-х годов подтверждает мои догадки. И произведение это, полное тревоги и ужаса, встает рядом с повестью молодого писателя Геннадия Головина «Чужая сторона» («Юность», №№ 9—10, 1989).

Два несхожих произведения выявляют подспудные боренья общественного сознания. Обе вещи овеяны ощущением присутствия в жизни не только зла видимого, но и зла, объединяющего все мелкие мерзости. Зла незримого, однако громадного, неподъемного. Идет тихая борьба с этим злом, и я назвал бы ее борьбою с эпосом. Демонтажом эпоса. Попыткой раскрыть его механизм.

Я твержу, что жили мы в эпосе. Что мы все начиная приблизительно уже с 1918 года, с переноса столицы в Москву, были рьяно вовлечены в процесс построения эпического государства и что двигала нами именно эстетика эпоса. Собирательного эпоса, от «Илиады» и «Одиссеи» Гомера и до русских эпических поэм XVIII столетия, не минуя, конечно же, и раннесредневековых былин. И ко всем определениям псевдосоциализма, под игом которого барахтался человек, я добавил бы еще одно: социально-эстетическое был эпический социализм.

Мировая революция — типично эпическая доктрина, ибо жанры не только в книжках живут: эпос, лирика, драма. Жанр — тип мышления, предваряющий, предсказывающий пути устроения социального бытия; жанр — эскиз, по которому люди рано ли, поздно ли пожелают направить свои жизнеустроительные усилия. Пассионарность свою, ежели поверить убедительным гипотезам Льва Гумилева. И, однако же, пассионарность не бывает и не может быть какой-то бесформенной, не осмысленной эстетически. Она требует идейных обоснований, и тогда сама по себе пассионарность будет подобна потоку, а жанр — руслу, по коему поток направляют. Александр Македонский, царь-полководец, не был бы самим собой без Гомера.

Строить эпос — великое счастье и великий соблазн. И строительство эпоса в нашей стране вовсе не было исключительно лицемерием: вся победа в Великой Отечественной — бесспорнейший эпос. Очень может быть, что и к индустриализации, и к электрификации страна наша пришла бы и без мук и страданий, избранных ею. Но тогда они не были б эпосом, не были бы всенародным ритуалом, актом низведения солнца на землю. А первичен, изначален именно этот акт, и создание эпического социализма на нем как раз и базируется.

Что мы делаем сейчас? Выражаясь в понятиях эстетики, мы демонтируем эпос. В двух его воплощениях: в классическом (Сталин) и в эпигонском (Брежнев — правитель-воин, осиянный сошедшими с неба звездами; превращение Малой земли в некое Куликово поле. И однако же, разрушение эпоса началось давно. Опять-таки в слове. В литературе отрешенной и проклинаемой.

«Чевенгур» Андрея Платонова — осознание грандиозной нелепости построения эпического мира сочетают с теорией классовой борьбы и призыва к диктатуре пролетариата. В Трою превращается богом забытый город, а эпический богатырь разъезжает по степи на коне Пролетарская Сила, неся в сердце образ прекрасной Елены, именуемой Розой Люксембург. И естественно, что роман был напрочь отвергнут. Дальше — больше: гонения на роман вообще. Не роман как жанр. Всего прежде именно на него, потому что романное мышление противоречит эпическому: мир романа — неясный, вопрошающий мир; и в эпосе ему не находится места.

«А ты — откажись от вопросов-то, замолчи вопросы... Ваш брат, интеллигент, привык украшаться вопросами для кокетства друг перед другом, вы ведь играете на сложность: кто кого сложнее? И запутываете друг друга»,— поучает героя романа Горького «Жизнь Клима Самгина» его покровительница-купчиха.

И эстетика купчихи стала эстетикой государства. «А ты — откажись от вопросов-то!» — это, в сущности, ярлык Пастернаку, надрывавшегося над его неизменнейшим «Доктором...». С этим шли на обыски к Гроссману, странным флером окутывали Битова, его «Пушкинский дом». Еще раньше — роман-мученик «Мастер...». Но романное мышление делало свое дело: оно, в частности, брало эпического героя и вталкивало его в свой мир — прием, в сущности, далеко не новый: еще Достоевский как бы мимоходом называет «Ахиллесом» солдатика-еврея, будочника, оказавшегося очевидцем самоубийства омерзительного Свидригайлова. Но прием великого писателя получил чрезвычайное развитие. Лег в основу художественного процесса. Как свидетельство такого процесса и должны приплечь внимание «Мнимые величины».

Эпос требует врага. И не только его, тучей надвигающегося на солнечный мир, но еще и тайного, изощренного. Знаменитый троянский конь: враг подносит защитникам крепости дар — изваяние лошади. Благодушные воины доверились хитрости и поплатились за ротозейство: изваяние было вместилищем проникших в крепость врагов. Так, за тысячи лет до нашего времени был намечен сценарий: враг-то, он притворяется, иной раз он даже и работает хорошо, но не благодушие нам нужно, а бдительность. И роман Нарокова вводит нас в цехи фабрики смерти: с утра до ночи люди выдумывают врагов, сочиняют сценарии, которые должны совпасть и единому образу — образу троянского коня в его обновленной редакции. И такого точного изображения кухни, лаборатории, в которой изготовлялся эпос, у нас еще не было.

Много лет домогались: нужен образ рабочего. Подразумевалось: образ эпический, без вопросов — по эстетике той же купчихи. И как будто бы именно этот социальный заказ выполняется и в романе «Мнимые величины», и в повести «Чужая сторона». Только выполняется то он с немалою долей писательского сарказма: Ефрем Любкин — рабочий, машинист, железнодорожник, оказавшийся начальником областного управления НКВД. Эпичность? Пожалуйста! Любкин — некое соединение большевика с богатырем. Но и перед ним вырастают вопросы — уж хотя бы те, которые разрешены эпическому герою, витязю на распутье: «...Направо поедешь — коня потеряешь, налево поедешь — сам убит будешь, а прямо ехать — дороги нет».

Любкин — витязь-воин, обращенный в витязя-чиновника, обреченного сочинять историю о проникновении врагов в охраняемый им неведомый город, в Трою областного масштаба. И весь путь новоявленного витязя становится путем от навязанной ему эпической роли к романным вопрошениям и исканиям. «Илиада» не состоялась!

ВСЯ СТРАНА разыгрывала не токмо «Илиаду», но также и «Одиссею»: ратный эпос дополнялся эпосом полных опасностей путешествий. От дрейфа «Челюскина» до полетов в космические пространства — ряд «Одиссей»; а роль наших, социалистических Одиссеев поручалась то почтеннейшему академику Отто Шмидту, то Ивану Папанину. И поди-ка отдели здесь подлинность от спектакля, от действа, цель которого — проникновение эпического мышления в умы, овладение соборной душою народов.

А особое место в эпосе занимает прощание с воином-полководцем, тризне. Тризны, их печальная череда органично вошли в нашу жизнь; и опять-таки никто не возьмется разграничить всенародный порыв от эпичности заданной. Дни конца января 1924 года — уникальные дни: эпос похорон Ленина. И эпичность их с поистине гениальной изобретательностью зафиксировала ритмически четкая патетическая клятва Сталина; чувство эпоса у отца народов было развито исключительно, и тогда он впервые во всеуслышание заявил о себе как об организаторе эпоса: роль, на которую никак не могли претендовать ни, положим, Лев Троцкий, ни колеблющийся и не скрывавший своих колебаний Бухарин — на эпос они не тянули.

Тризна похорон Сталина в марте 1953 года — неосознанный или полуосознанный развал эпоса: были скорченные трупы на Трубной площади, непотребная давка, маячили фигуры зевак. А потом — еще одна тризна, и о ней-то речь в повести Головина, явственно ориентированной на демонтаж святая святых эпического мышления.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольге на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

— пишет Пушкин, давая нам классическую картину языческой тризны. «...Солдатики, шепотом подсмеиваясь друг над другом, оживленно рубили из жестяных плошек пшенную кашу с тушенкой, запивая компотом, которого по случаю знаменательного события было хоть залейся, сорокалитровая фляга...» — словно бы вторит классику Головин. «Бойцы ...рубились», «Солдатики ...рубали». «Ковши круговые...» «Сорокалитровая фляга...» Имел ли молодой писатель в виду «Песнь о вещем Олеге» или так уж само у него получилось? Но вся повесть построена на поистине безгранично варьирующемся мотиве пересмотра эпических ценностей, выворачивания их наизнанку. Впрочем, похороны Брежнева, эпика-неудачника, полководца-самозванца, — только фон, на коем развертывается путешествие еще одного рабочего, провинциала Ивана Чашкина на похороны матери.

Эпос нашего государства — это и воздушные перелеты, и морские плавания, и автопробеги (тут нельзя не помянуть «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, их пародии на автомобильную «Одиссею»). Был и эпос железных дорог: Турксиб, БАМ. И все эти виды эпизированных передвижений испытал на себе простодушный Чешкин: он и в поднебесье взмывал, и по стальным магистралям мчался, и автопробегов отведал, и все больше его из самолета, из поезда и из автомобиля выпихивали. А он шел да шел к заданной цели. И достиг ее. И какой-то внутренней цели достиг он в отличие от прямого предшественника своего, Одиссея, морем ему странствовать не пришлось, но и море все-таки в повести есть. Как метафора: «Море ленивого равнодушия простиралось между» человеком и Богом, и в преодолении этого моря — сокровенный смысл небольшой, но, по-моему, знаменательной повести.

«Одиссеей» ее уже называли. Но хотелось бы дополнить оброненное словцо: это — истинная «Одиссея», разумеется, демонтированная, «Антиодиссея» с избитым, поруганным Чешкиным на месте троюмного героя исконного эпоса.

ДА, БЫЛ эпос. И мы строили его сообща. Расставаться с ним трудно, и понятна по нему ностальгия. Но эпос исчерпал себя. Мы вступили в романный мир, вдруг увидев в реальности обступивших нас со всех сторон специфически романных героев: проституток и бездушных дельцов, политических демагогов и брошенных детьми матерей; тут ни дать ни взять — не то роман Диккенса, не то Бальзака, не то наших, родимых художников слова Гонкарова, Боборыкина, Писемского и, конечно же, Достоевского. И напором романного мышления, романного видения мира размывается былое, эпическое.

Прощай, эпос! Жаль, если было бы так: эпос начисто отвергал роман, но роман не должен платить ему тою же мерой. Дать симфонию, синтез романного и эпического мышления — такова, вероятно, задача. В самой жизни, в пределу — в литературе.

Кто возьмется решить ее?

СЮЖЕТЫ И ЛИЦА

Георгий ВЛАДИМОВ: «Я бы хотел сейчас быть рядом с соотечественниками»...

ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ С ГЕОРГИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ВЛАДИМОВЫМ В ЛЕНИНГРАДЕ. ЭТО ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД АВТОРА РОМАНА «ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ», ПОВЕСТЕЙ «ВОЛЬШАЯ РУДА» И «ВЕРНЫЙ РУСЛАН» НА РОДИНУ, КОТОРУЮ ОН ВЫНУЖДЕН БЫЛ ПОКИНУТЬ В 1983 ГОДУ. ПРИЗНАЮСЬ, У МЕНЯ НЕ БЫЛО УВЕРЕННОСТИ, ПОЙДЕТ ЛИ ПИСАТЕЛЬ НА БЕСЕДУ С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ, В КОТОРОЙ ОН КОГДА-ТО РАБОТАЛ И К КОТОРОЙ ВПРАВЕ ИМЕТЬ НЕКОТОРЫЕ ПРЕТЕНЗИИ. ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ТРИ ГОДА НАЗАД (ЧИТАТЕЛИ, НАВЕРНОЕ, ЭТО ПОМНЯТ) В «ЛГ» БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ ДВЕ СТАТЬИ Б. ИВАНОВА*, О ПОЯВЛЕНИИ КОТОРЫХ ВСЕ МЫ В РЕДАКЦИИ СОЖАЛЕЕМ. АВТОР С ПРИСТРАСТНЫХ ПОЗИЦИЙ «РАЗБИРАЛ» ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УХОДА Г. ВЛАДИМОВА С ПОСТА РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ГРАНИ» И ЕГО РАЗРЫВА С НТС. СОБСТВЕННО, С ЭТОГО И НАЧАЛАСЬ НАША БЕСЕДА С ГЕОРГИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ.

— Да, пожалуй, эту ситуацию нельзя обойти. Я думаю, что когда газета, основанная при участии Пушкина, печатает отрывки из писем, захваченных при обыске, то это торжество Бенкендорфа. Даже хуже — Александр Христофорович не лез оценивать творчество писателя. А в этих статьях была оценка: «...две книги, как говорится, не хуже других...» Кто дал Б. Иванову такое право и кто он в конце концов — чекист, критик?

Знаю, что статьи многих удивили — и здесь, и в эмиграции. Потому что наступил уже какой-то другой период — перестройка, движение к гласности. Пресса стала теплеть к эмигрантам, а тут вдруг такой выброс злого яда...

Цель была двойная — дезавуировать меня и поссорить нас с Владимиром Максимовым, уже после того, как мы выяснили все наши недоразумения. А они у нас были, и, наверное, не могло не быть недоразумений у двух писателей, один из которых остается в России, а другой выбирает эмиграцию. К счастью, Максимов все понял и повел себя очень благородно в этой ситуации — живо откликнулся в газете «Русская мысль», сказал, что незачем соваться в наши дела.

Впрочем, что-то мне даже понравилось в тех публикациях. В первой статье написано, что я — битая карта. Казалось бы, естественно больше не возвращаться к теме, а — возвратились, дали вторую статью. Максимов на это сказал: значит, есть какой-то еще потенциал, который надо добить. Ну, всё, всё с этим...

— Георгий Николаевич, в «Знамени» объявлен к публикации ваш роман «Генерал и его армия». Кто же этот генерал — Власов?

— Это кем-то легенда была пущена, что я пишу роман о генерале Власове, а мне из-за этого приходилось (до отъезда, разумеется) таиться, перепрятывать рукопись... У меня есть генерал Власов — в одном эпизоде, который и был опубликован недавно в «Московских новостях».

А в основном это история одного командарма, который захватил плацдарм на правом берегу Днепра. Прототип реален, но в романе лишь его контуры, и в конце концов эта фигура у меня вымышленная. Ну, скажем, под Москвой этот человек не воевал, мой генерал — воюет. Начал роман я здесь. Он возник у меня из рассказа, который я когда-то предложил «Новому миру».

Дело в том, что я в юности написал две книги за генералов. Тогда возникла такая серия — «Военные мемуары», и всем генералам предложили высказаться. Но так как они обычно плохо корочают пером, к ним приставляли литературных костоправов, в основном молодых критиков, журналистов, начинающих прозаиков. Мне досталось написать две книжки, одну — генерала Севастьянова, который как раз воевал на Днепре. В книгу не вошло так много интересного материала, что и на три романа бы хватило.

Ну вот, я написал рассказ и принес его Твардовскому. Он рассказ «забодал», но сказал, что тема интересна и можно бы ее развить — в повесть или небольшой роман. А пока это довольно поверхностно и, как он сказал, «мало жизненной соли». Напоминает западную новеллу, а наша литература о войне имеет свои традиции, и она должна быть наполнена густым реализмом, деталями, подробностями — не случайно же у нас о войне пишут люди, хлебнувшие окопного быта.

— Как вы смотрите на это довольно таки ревнивое отношение писателей-фронтовиков к людям не воевавшим, но берущимся писать о войне?

— Сейчас настало время, когда пришли другие писательские поколения. Многое осталось недосказанным о прошедшей войне и не будет уже, я думаю, досказано людьми воевавшими. Так что приходится следующим за ними писать об этом. Но, конечно, изучать предмет нужно досконально. Главы из романа, которые публиковались в «Континенте» и в «Гранях», читали люди, знающие войну и писавшие о ней, например Виктор Некрасов одобрил и даже сказал, что какие-то интересные вещи там для себя нашел.

Наша литература очень подробно и хорошо представила войну солдатскую, войну офицерскую, а вот войну генеральскую — не столь уж полно. Когда я работал с моими генералами, я увидел, что представляла собой их война — такие эмоции, такие подспудные течения, такое обилие всевозможных интриг... А в особенности если прилом был Киев, за который командующего армией ожидал просто звездный дождь на погоны и на грудь...

Окопного быта я почти не касаюсь — действительно, есть вещи, которые надо самому испытать. А вот то, что происходит в ходе подготовки какой-то операции, — это интересно, часто бывает детективно, и это во всяком случае поддается изображению.

— Вы уже передали роман в журнал?

— Нет. Хотя он в принципе закончен, но есть вещи, которые нуждаются в очень большой точности формулировок. Скажем, я вот говорил о Власове. Я же его недаром вставил. В романе есть еще и тема тех людей, которые оказались по ту сторону и надели мундир врага, повернули оружие против своих. Впервые серьезно нашим войскам пришлось встретиться с ними там, на Днепре. И генерал, который знает, что ему противостоят соотечественники, много размышляет об этом — не тривиально, не в духе тогдашней пропаганды. Он видит большую человеческую трагедию. И эта тема, конечно, нуждается в скрупулезной точности письма, тем более что она осталась больной и нераскрытой в нашей литературе.

— Но совершенствовать можно до бесконечности...

— Ну что ж, пока у меня самого нет убеждения, что работа закончена, я перетряхиваю фразы, переписываю некоторые сцены в третий, четвертый раз, переписываю даже то, что уже опубликовано.

— Вы публиковали главы, чтобы заявить о романе, «застолбить» тему? Или показать, что писатель не простаивает? Или?..

— Я хотел проверить на читателях, но, к сожалению, нет такого читателя в эмиграции, как в России, откликающегося быстро и горячо. Как заметил Аксенов, кто-то тебе дал по морде, а ты об этом узнаешь только через полгода. Увы, эмигрантская Россия не создала читательской аудитории. И пишешь в пустоту какую-то, это многие ощущают. В Москве достаточно было привезти в редакцию рукопись — и пошло, волны расходятся, и все уже знают, что есть такая-то вещь, о ней уже мнения складываются, оценки. А здесь — молчание.

— Вот опубликуете роман в Отечестве, так времени не хватит на письма отвечать.

— Я даже не представляю себе, что это такое, у журнала тираж — миллион экземпляров! Есть как будто такой «коэффициент читаемости» 1:10, значит, десять миллионов читателей. Я их представить себе не могу. Писатель пишет обычно для кого-то, я себе представляю примерно тысячу людей, вот для этой тысячи и пишу. Я об этом говорил со своими коллегами, и у каждого, оказывается, есть своя воображаемая тысяча...

— А ваша тысяча читателей, которых вы себе представляете, они где — там или здесь?

— В России.

— В одном из осенних номеров «Русской мысли» я прочитала вашу рецензию на киноповесть А. Кабакова «Невозвращенец». Сама по себе рецензия интересна, но это одна сторона моего впечатления. Другая — а той, что, говоря о литературных и других сторонах жизни, вы всегда пишете «у нас», «наша»... Вы так и мыслите себя — «у нас», не отделяя себя от страны?

— Да. Я и пишу, и говорю «наша страна»... Когда меня спрашивают, не хочу ли я вернуться, я отвечаю, что я не хотел уезжать.

— Георгий Николаевич, а что вам инкриминировали?

— Систематическую враждебную деятельность, порочащую высокое звание гражданина СССР. Ну, к примеру, руководил московской группой «Международной Амнистии», протестовал против вторжения в Афганистан...

Да, я не хотел уезжать. Из-за этого и был наш конфликт, скажем, с Максимовым. Я ощущал, что еще не все снаряды выпущены, еще можно было барахтаться, еще не вечер. И выехал то через девять лет после Максимова — вон сколько, оказывается, можно было еще продержаться. Хотя это была уже не жизнь — с обысками, с вызовами на допросы, со слежкой, с подслушиванием телефона, с отключением его.

— Говорят, что вы в этих условиях и не старались избежать такого к вам «внимания», а, напротив, ничего не скрывали, копии писем хранили в столе, а не закапывали в землю...

Вся переписка с моими издателями действительно лежала на полке в книжном шкафу, и я не видел в этих письмах ничего криминального. Если бы у меня было другое издательство, скажем, «Современник» или «Советский писатель», а я бы жил в другом городе, точно так же я бы переписывался с ними. Но что поделать, в то время «Посев» оказался единственным издательством, на которое я мог рассчитывать, никто другой не мог опубликовать «Верного Руслана», а они это мне предложили.

Я знал, конечно, что за «Посевом» стоит партия, и неприятная — НТС, но я не знал, что она уж так накладывает лапу на процесс книго- и журналоиздания. А оказалось, что там застой еще похуже брежневского. Со своим культом личности, со своими представлениями, что можно печатать, что нельзя, что нужно для России, что не нужно. Представления же — старые, примитивные стереотипы, и переубедить этих замшелых старичков невозможно. Так возник у меня с ними конфликт, пришлось оставить журнал, который я хотел делать, чтобы объединить силы третьей волны, чтобы не дать пропасть талантливым людям. Несколько интересных имен «проклюнулось» именно в эмиграции. Скажем, Сергей Довлатов — здесь был журналист, а стал писателем, рассказчиком. Или — Сергей Юрьенен, Юрий Милославский, Эдуард Лимонов, Дмитрий Савицкий. Я понял, что если бы был журнал, который заявил бы высокие критерии, то и литература стала бы подтягиваться до этих критериев. Я это не открыл в эмиграции, а увидел на примере Твардовского. Он задал какой-то критерий, поднял планку, и когда есть такая планка, это очень действует психологически на писателя, хочется соответствовать уровню. И я смею думать, что лучшие свои рассказы Сергей Довлатов написал, когда я обратился к нему с предложением печататься в «Гранях».

Но, находясь под давлением партии, да еще имеющей свои представления, что нужно для России, было опрометчиво браться за создание такого журнала, и дело не могло не кончиться конфликтом.

Любопытно, что меня тогда поддержало много людей в зарубежье — 60 человек выступили с письмом против НТС: Аксенов, Владимир Максимов, Бродский, Буковский, Галина Вишневская, Андрей Тарковский, который вообще никогда писем не подписывал, Виктор Некрасов, Юрий Любимов, Лев Копелев, Михаил Шемякин, Эрнст Неизвестный — самые уважаемые люди, цвет эмиграции, и было тем более странно, что как ты в защиту НТС выступает «Литературная газета».

— Георгий Николаевич, занимает вот такой сюжет из вашей жизни. Он связан с Леонидом Бородиным, который для читателя «проклюнулся», по вашему выражению, в последние годы. Но, оказывается, вы-то знали его давно, еще до эмиграции, и очень причастны к сегодняшнему знакомству читателей с новым автором.

Не только знал, но могу теперь сознаться, что передавал его произведения на Запад, те, которые сейчас возвращаются. Оказалось потом, что я пересылаю их самому себе — две его вещи я напечатал в «Гранях». Если бы у меня было другое издательство, скажем, «Современник» или «Советский писатель», а я бы жил в другом городе, точно так же я бы переписывался с ними. Но что поделать, в то время «Посев» оказался единственным издательством, на которое я мог рассчитывать, никто другой не мог опубликовать «Верного Руслана», а они это мне предложили.

Я знал, конечно, что за «Посевом» стоит партия, и неприятная — НТС, но я не знал, что она уж так накладывает лапу на процесс книго- и журналоиздания. А оказалось, что там застой еще похуже брежневского. Со своим культом личности, со своими представлениями, что можно печатать, что нельзя, что нужно для России, что не нужно. Представления же — старые, примитивные стереотипы, и переубедить этих замшелых старичков невозможно. Так возник у меня с ними конфликт, пришлось оставить журнал, который я хотел делать, чтобы объединить силы третьей волны, чтобы не дать пропасть талантливым людям. Несколько интересных имен «проклюнулось» именно в эмиграции. Скажем, Сергей Довлатов — здесь был журналист, а стал писателем, рассказчиком. Или — Сергей Юрьенен, Юрий Милославский, Эдуард Лимонов, Дмитрий Савицкий. Я понял, что если бы был журнал, который заявил бы высокие критерии, то и литература стала бы подтягиваться до этих критериев. Я это не открыл в эмиграции, а увидел на примере Твардовского. Он задал какой-то критерий, поднял планку, и когда есть такая планка, это очень действует психологически на писателя, хочется соответствовать уровню. И я смею думать, что лучшие свои рассказы Сергей Довлатов написал, когда я обратился к нему с предложением печататься в «Гранях».

Но, находясь под давлением партии, да еще имеющей свои представления, что нужно для России, было опрометчиво браться за создание такого журнала, и дело не могло не кончиться конфликтом.

Любопытно, что меня тогда поддержало много людей в зарубежье — 60 человек выступили с письмом против НТС: Аксенов, Владимир Максимов, Бродский, Буковский, Галина Вишневская, Андрей Тарковский, который вообще никогда

Я, может быть, застарелый реалист и моралист, но мне важно нравственное содержание вещи. Я знаю, что эта позиция многими осуждается на Западе и здесь сейчас модно говорить, что художник никому ничего не должен, а должен выражать только самого себя, идти туда, куда его влечет собственный гений, и так далее. Но я стою все-таки на той точке зрения, что литература есть одна из форм служения обществу, и ты обязан за свои слова, за все, тобой написанное, отвечать.

Мне кажется, что гораздо точнее в нравственных ощущениях С. Василенко, Т. Толстая, Л. Петрушевская. Хотя проза Петрушевской, может быть, излишне жестка. Вот, скажем, Вера Федоровна Панова умела обходиться без этих натуралистических подробностей, иногда весьма неприятных.

— Мне кажется, Георгий Николаевич, читатели вполне поймут ваши замечания о Петрушевской, Толстой, даже о Нарбиковой — она печатается, молодые ее читают. И гораздо менее знакомым может оказаться сегодня в этом ряду имя В. Пановой...

Ну что же, ее совсем забыли! Я помню ее дебют с повестью «Спутники» и должен сказать: ни у одного из современных молодых писателей такого дебюта нет. Вообще я даже могу немножко похвастаться, как входило в литературу мое поколение. Феликсом Кузнецовым названное «четвертым» (и им же наполовину загнанное в эмиграцию). Аксенов, Максимов, Анатолий Кузнецов — наш покорный слуга: такой был залповый выход в литературу — как корабли, спущенные со стапелей. Да еще Василий Иванович Белов с его «Привычным делом».

— Почему же, на ваш взгляд, нынче дебюты менее значительны?

Не скажу, конечно, что оскудела земля талантами, но они приходят в очень трудное время, они приходят, когда распалась связь между поколениями. Все-таки каждое литературное поколение должно что-то передавать следующему.

— Интересно, что вашему поколению передало поколение создателей «кавалеров Золотых звезд»?

Нам передавали не они, а поколение Паустовского или Шолохова. К слову сказать, для меня несостоятельны споры вокруг его романа. Я читал книгу литературоведа Д* «Стремя Тихого Дона» и как юрист по образованию не могу признать, что он мне доказал, будто это не Шолохов.

Но вернусь к теме поколений. В сущности — «деревенщики» — тоже наше поколение, но вот то, что оно оказалось разделенным — мы были изгнаны, они остались — не пошло на пользу ни тем, ни другим. Такие вивисекции нельзя производить с литературой. И следующим за нами не чего, оказалось взять, они тоже были травмированы этим разделением. А наши литературные начальники думали, что этих можно выгнать, а следующих — «воспитать». Не получилось.

Сейчас я жду, что новый писатель явится из «афганцев». Они еще слишком молоды и угнетены своим участием в этой войне. Хемингуэй говорил, что писатель — это несчастное детство. Но тут, может быть, несчастная юность даст сильный толчок к писательству, подарит нам будущего Толстого. Вот появился Олег Ермаков со своими афганскими рассказами, чем-нибудь поменьше бы ему читать Ремарка и Хемингуэя, а довериться себе — и я думаю, мог бы получиться хороший писатель.

Что касается авангарда, то здесь я остаюсь гнусным реалистом школы «Нового мира». Я читал сборник «Зеркала». Понимаю, что нужно дать этим людям высказаться, но не понимаю и не люблю эту литературу. Когда описывается, как тугая струя бьет в фаянсовый унитаз, я не вижу за этим ничего, обогащающего литературу и принесенного новым поколением. В сборнике был, кажется, один только рассказ, который читался, но он как раз — в реалистической манере. Время от времени для любителей авангарда надо такие книжки издавать, но в целом будущее всегда остается за реализмом. К нему всякий раз после всех отклонений в сторону, после всякого декаданса происходит покаянное возвращение.

Конечно, всем надоел соцреализм. Но и авангард не спасение от него.

— Георгий Николаевич, при всем при том, что вы не отделяете себя от страны, что вы внимательно следите за литературным и общественным процессом, все-таки семь лет эмиграции — это семь лет иного образа жизни, иного уже хотя бы в бытовом отношении, и это не может не повлиять на человека. Насколько изменились вы в своих былых представлениях, оценках, взглядах, чувствах?

Многие оценки остались неизменными, некоторые подверглись пересмотру. Тут, безусловно, работает эффект «взгляда издалека». Возникает возможность увидеть свою страну в ином ракурсе. Обнаруживаешь какие-то ценности, которых раньше не замечал. Большую эмоциональность, большую духовность, я ощутил, что это страна читателя, что у нас слово очень дорого стоит, что здесь литератор несмотря на то, что его могут довести до инфаркта и до могилы, — это тем не менее как бы второе правительство, это тот, кого слушают. Бьют палками, но слушают. Западный писатель живет в комфорте, но...

Я встречался с Бёллем, самым, пожалуй, знаменитым немецким писателем, который как раз жаловался на то, что его плохо слышат. То есть его ценят, просят интервью, но куда это все идет, как-то не видно.

— Можно предположить, что вы не вросли в ту жизнь?

Нет, не врос. Почти... да никак не участвую в жизни Германии: живу в маленьком городке недалеко от Висбадена, немецкий язык знаю ровно настолько, чтобы не пропасть с голоду, то есть на бытовом уровне. Я визуально наблюдаю немцев, кое-что понимаю в их жизни, но не рассматриваю их как героев моих книг. Я не стал бы о них писать, но они помогают мне понять Россию и соотечественников — стал как-то больше ценить их, нахожу в них больше привлекательных черт. Вижу резче и отрицательные черты: все-таки я живу среди очень работящего, делового народа, аккуратного, точного, старательного. Но одним сравнением обойтись трудно, хотелось бы хоть время от времени видеть свою страну и свой народ вблизи.

— А хотели бы вы приехать сюда на семь дней, а жить?

В отличие от многих — да. Но ведь я, как и два с лишним десятка моих друзей, лишен гражданства, то есть отбываю наказание за такие действия, за которые сегодня выбирают в народные депутаты.

Я бы хотел сейчас быть рядом с соотечественниками. Но моя виза, как и семь лет назад, когда я выезжал в эмиграцию, заканчивается в полночь 26 мая.

Беседу провела Эльвина ШУГАЕВА

* Речь идет о статьях Б. Иванова «Отщепенцы начинают и проигрывают» (14 января 1987 г.) и «Еще раз об играх отщепенцев» (30 сентября 1987 г.).

РЕЗОНАНС

Из Трептов-парка — на Поклонную гору

Благодарю газету и писателя Владимира Карпова за статью «Светлый праздник» в «ЛГ» от 9 мая этого года. Поддерживаю предложение вернуть нашего солдата-победителя из Трептов-парка на Поклонную гору в России. Это самое подходящее и достойное место. Будет он стоять как символ Победы нашего народа над фашизмом. Придут к нему взрослые и дети, принесут цветы. В памяти окончательно сотрутся горе и тяготы войны, и гордость за Великую Победу будет жить в веках.

В. ДОЛГИНИН,
ветеран войны

ВИННИЦА

Мне удалось посетить две конкурсные выставки проектов памятника Победы в Москве. И оба раза в отзывах я писал, что затеяно что-то не то. Строить дорогостоящее сооружение, да еще не имеющее своего яркого эстетического воплощения, было бы преступлением в то время, когда тысячи инвалидов и участников войны существуют на грани бедности, не имеют нормального жилья и возможности лечиться. Предлагал средства, предназначенные для памятника, направить хотя бы для строительства госпиталя или жилья.

Прошло время, и международная ситуация породила неожиданное, но правильное решение. Я поддерживаю его всей душой. Да, нужно демонтировать памятник в Трептов-парке и установить его в Москве.

В. МЯСНИКОВ,
инвалид войны

ПОЛТАВА

Целиком и полностью поддерживаю предложение о перенесении памятника в Москву. Помнится, еще в 60-м при осмотре мемориала в Трептов-парке мы в кругу офицеров рассуждали именно об этом.

Остаток денег, собранных на памятник в Москве, надо употребить исключительно для материальной помощи нуждающимся участникам войны.

Я. ЛЕЛЬЧУК

СВЕРДЛОВСК

ОТ РЕДАКЦИИ. На статью В. Карпова «Светлый праздник» уже отликнулось более ста наших читателей, и практически в каждом письме — слова в поддержку предложения перенести монумент воину-победителю из Берлина в Москву, на Поклонную гору.

В секретариате правления СП СССР

В секретариате правления СП СССР состоялась встреча с членом правления Союза венгерских писателей, членом президиума Венгерского демократического форума, известным прозаиком и поэтом Ш. Чори.

Во встрече участвовали первый секретарь правления СП СССР В. Карпов, секретари правления Ю. Воронов, С. Колов, Ю. Суровцев, председатель Иностранной комиссии СП СССР О. Северцин.

Было высказано обоюдное стремление к дальнейшему укреплению творческих связей писателей обеих стран.

В беседе приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Венгерской Республики в Москве Ш. Дьерке, советник по культуре посольства Венгрии И. Варга.

ЭКСПРЕСС-ХРОНИКА

● Создана комиссия по литературному наследию И. С. Черноуцана. Председатель комиссии — Л. И. Лазарев, секретарь — А. И. Черноуцан.

● В президиуме Академии художеств состоялось вручение Ленинской премии, посмертно присужденной Кайсыну Шуваевичу Кулиеву, его вдове Элизат Кулиевой.

● Лауреатами 26-й весны литовской поэзии стали поэтессы Г. Цешкайте и Д. Паулаускайте.

Секретариат правления СП СССР с глубоким прискорбием извещает о кончине на 84-м году жизни заслуженного работника культуры РСФСР, бывшего консультанта СП СССР

Изидора Григорьевича ВИНОКУРОВА

и выражает искреннее соболезнование родным и близким покойного.

Документы и судьбы

9 мая в «ЛГ» мы изложили факты, относящиеся к изгнанию из страны религиозных мыслителей и ученых в 1922 году. Попробуем теперь представить живую картину этого события, какою она встает из свидетельств непосредственных участников.

2. Картинки с высылки

Сергей ХОРУЖИЙ

ЭТО ВСЕ-ТАКИ был сюрприз. За зиму отвыкли от обысков, от ночных стуков. Что-то как будто изменилось. Вы не забудьте, что Николай Александрович Бердяев читал тогда свои лекции, и Флоренский читал свои лекции... Казалось, что начинается нормальная жизнь. И почему вдруг в эту нормальную жизнь нас должны высылать? Это был конфликт, это был вопрос.

— И как же Александр Иванович объяснял себе причины высылки?

— А вы думаете, он объяснял? Это было необъяснимо. Мы думали, это недоразумение.

Так вспоминает, беседуя с нами у себя дома в Москве, Вера Александровна Резчикова, дочь Александра Ивановича Угримова и пассажирка первого «философского парохода». Угримовы — из коренных насельников арбатской профессорской Москвы. Жили они в те годы в одном из особнячков на Сивцевом Вражке, и мне не раз думалось — не вспоминал ли о них соратник профессора Угримова по Помголу, собрат по испытаниям высылки Михаил Осоргин, когда он писал свой «Сивцев Вражек», рисуя любовно особнячок, старого профессора и его Танюшу, ровесницу Веры Александровны? (Думать — думал, а выяснять не пытался — надо ли?) Как осоргинские герои, они — в стороне от политики, хоть вовсе не в стороне от жизни и службы родине. Взгляд политика мог бы уловить ход событий тогда, когда он наметился, — едва ли не за год до высылки. Весною различил этот ход философ Бердяев. Угримовы с доверием надеялись на «нормальную жизнь» до последнего дня. Да что! и по сей день высылка и Помгол не соединяются в сознании нашей хозяйки, и вопреки моим доводам не входит в это сознание идея власти, для которой помощь умирающим — преступление. Сколь возросли в широте понятий следующие поколения россиян!

Как положено, за арестом у каждого из высылаемых следовали допрос и предъявление обвинения. Допрос, стандартный для всех, заключался лишь в ряде общих вопросов: отношение к Советской власти, к эмиграции, взгляд на задачи интеллигенции и т. п. (впрочем, разные авторы из высланных приводят не совсем одинаковый список вопросов). Затем предъявлялось обвинение по статье 57 Уголовного кодекса: контрреволюционная деятельность в период особо тяжелого положения страны. После этого объявлялось решение участи: обвиняемый подписывал бумагу об административной высылке за границу по постановлению коллегии ГПУ. Срок в ней не был указан, но устно сообщалось тут же, что высылка — пожизненна. И наконец давали на подпись уведомление о том, что возвращение в страну без разрешения будет караться расстрелом. Понятно, что в этой юридической процедуре концы вовсе не сходились с концами. Обвинение по статье предполагало приговор суда, а не административную высылку; основанием же для высылки служил не Уголовный кодекс, а декрет ВЦИК, принятый «в последнюю минуту», 10 августа 1922 г., и предусматривавший срок лишь до трех лет. Понятно, однако, и то, что эти неувязки ни в чьих глазах не имели даже тени значения. О них пишет почти никто из изгнанников, но зато все очень запомнили бумагу о расстреле. Эта впечатляющая деталь — прямое указание Ленина: «расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы» — одно из сформулированных им в мае добавлений к Уголовному кодексу.

Здесь стоит несколько дополнить сказанное в первой части статьи. Мы говорили уже, что вся эта операция — пример коллективного большевистского руководства. Сейчас это можно уточнить, учитывая, что для читателей представляют интерес и персональные позиции политических и государственных деятелей. Итак, к событию причастны все трое главенствующих вождей России 1922 года — Ленин, Троцкий, Зиновьев. Тут они были вполне солидарны между собой. Роль Троцкого, по всей видимости, минимальна: ему принадлежит лишь статья-интервью, вышедшая перед самой высылкой и заявлявшая, что изгнанны ученых — акт «превентивного милосердия» к ним, дабы не пришлось их расстреливать в случае внешнего конфликта. В «Моей жизни», говоря подробно о событиях 1922 года, он даже не упоминает о высылке (впрочем, возможно, ввиду некоторой параллели с собственной участью). Зиновьев вложил в операцию большее участие, но оно было, судя по всему, не особенно интеллектуальным. Вся ответственность и командование, все общие и оперативные принципы высылки принадлежат Ленину. Никто из высланных не сумел этого разглядеть: они с уверенностью отводят главную роль Троцкому и Зиновьеву.

По-разному, конечно, приняли изгоняемые свою судьбу. Недавно журнал «Слово» перепечатал у нас записи в стиле альбомных, которые сделали изгнанники-петербуржцы во время плавания на «Прусси». Там, сразу по отъезде, почти у всех доминирует одно: тоска расставанья с родиной. Но это — момент особый, да и не столь большая часть высланных здесь представлена. В целом же спектр настроений очень широк. После бесед на эту тему с многими сотоварищами Волковыский писал: «Отношение к разлуке с родиной было различное. Кое-кто, и я сам в том числе, не хотел уезжать, нам казалось, что самые страшные годы уже пережиты... Отдельные среди нас высылке не радовались, другие — приняли ее с восторгом...» Так чувствовал и думал перед отъездом князь Сергей Евгеньевич Трубецкой — верно, единственный из всех, активно причастный к антибольшевистской борьбе. «Раз я ничего не могу здесь сделать, остается бежать отсюда, бежать, бежать скорее и не видеть... Вон, вон отсюда! — теперь это было мне ясно, и я опасался только, что вдруг что-то помешает нам уехать». На столь далек от него московский литератор Иосиф Матусевич: «Каждый почел бы для себя за спасение уход из советского Эдема. Нам откровенно завидовали». Но вот Бердяев, однако, пишет: «Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать». Философы, строившие самобытную русскую метафизику, связаны были с родиной не только жизнью, но и мыслью, самими истоками своего творчества. Сильнее всех эта глубинная, даже мистическая, если угодно, связь дает знать себя у отца Сергия Булгакова. Он плыл в изгнание на итальянском пароходе, шедшем из Севастополя в Константинополь, и в дневнике своем записал так: «От родины я не должен, не могу и не хочу никогда отказаться и, значит, умираю всю оставшуюся жизнь». И в заключение этого ряда свидетельств вернемся опять к Угримовым. Мы ведь догадываемся уже «как приняли весть на Сивцевом Вражке, не правда ли?

— Я не знаю человека, который бы сказал: «Слава Богу! Мы рады!» Для нас это была катастрофа. Отъезд — горе. Но только мы были убеждены, что мы через год вернемся. У нас был дома молебен перед самым отъездом. И когда молебен кончился, то папа, я помню как сейчас, встал и сказал, перекрестясь: «Ну, через год мы вернемся!» Он абсолютно был в этом уверен.

В Москве и в Питере с высылаемыми обращались различно. В северной столице, которую окрестили в ту пору «вотчиной Гришки Третьего» (Отрепьев — Распутин — Зиновьев), всех посадили в тюрьму и порядком там продержали — от 40 до 68 дней, как потом подсчитали сами изгнанники. В Москве в тюрьме почти не держали, обращались с чекистским политесом: стиль Дзержинского. Раньше были закончены и приготовления. Сначала ГПУ собиралось получить въездные документы в Германию по собственному запросу и разом для всех; но так, однако, не вышло. «Канцлер Вирт ответил, — пишет Н. Лосский, — что Германия не Сибирь и ссылать в нее русских граждан нельзя, но если русские ученые и писатели сами обратятся с просьбою дать им визу, Германия охотно окажет им гостеприимство».

Итак, устройством виз занялись сами высылаемые, а точнее — избранные от групп, которых в Москве назвали по-русски старостами, в революционном же городе Питере — делегатами. Старосты были А. И. Угримов и В. И. Яснинский, делегаты — Н. М. Волковыский и Н. О. Лосский. Из миссией было и устройство прочих отъездных дел в основном хлопоты о смягчении более чем спартанских норм вывоза пожитков: не человека дозволялась одна простыня, один костюм, два рубахи... По словам М. Осоргина, «не было разрешено вывезти ни одной писаной бумажки и ни одной книги».

Наступило отплытие. Последняя деталь, которая запомнилась Вере Александровне в Петрограде, — проходившая с песней по набережной рота солдат «Мы с мамой заплакали. «Это русские солдаты — не те, что приходят с обыском!» Н. Лосский выезжал вместе с тещей, директрисой известной в Петербурге женской гимназии; и отплытие «Прусси» сделалось благодаря этому живописным: «Вьющейся разноцветной лентой потянулись через публику, точно гусиный выводок, сотни полторы молодых, возбужденных от холодка, от волнения женских лиц. Студентки, ученицы Стоюнинской гимназии, пришли проститься с Марией Николаевной». После стольких лет войны, голода, террора — полторы сотни бывших гимназисток на набережной. Какая деталь нам скажет больше о том, что было когда-то русское просвещение, русская гимназия?! В Москве студенты университета поднесли С. Франку прощальный адрес, где говорилось: «Ваше философствование, Ваш идеал... будут всегда светить нам... Будем верить, что придет время, когда снова сможем мы работать с Вами, дорогой Семен Людвигович...» Когда пароход с москвичами проходил Кронштадт, к нему, вспоминает Вера Александровна, приблизилось несколько шлюпок с матросами. Дивились, желали: вы ж все тут русские, куда же вы это, как же? И долго махали вслед бескозырками...

Три дня плаванья прошли на обоих судах без происшествий. На «Обербургомистре Хакене» Н. А. Бердяев «в широкополой шляпе на черных кудрях, с толстой палкой в руке и в сверкающих калошах прогуливался с С. Л. Франком». Отмечали в море именины—Вера, Надежда, Любовь, София, — и по этому случаю М. Осоргин «говорил витиеватую заздравную речь в честь всех именинниц: «С нами мудрость (София), Вера, Надежда, но нет Любви, Любовь осталась там... в России!» Читатели его знают: Михаил Андреевич грешил немного сентиментальностью... Подплывая, москвичи ожидали, что будут торжественно встречены представителями эмиграции. Рассказ В. А. Резчиковой: «С приближением высадки профессора устраивают собрание, как реагировать на ожидаемые восторги? Настроения патриотические: будем сдержанны. Подплываем к Штеттину... Николай Александрович выходит на палубу и говорит: «Что-то никого там не видно». Никого нет. Ни души». С. Е. Трубецкой хладнокровно уточняет: «На пристани стояло несколько упитанных немцев с толстыми, налитыми пивом животами». Никто не встречал прибывших и в Берлине, один только представитель немецкого Красного Креста. Разместили по небольшим гостиницам, пансиончикам. «Был запах газа и запах Sauerkraut (кислой капусты. — С. Х.). И тут я легла в постель и очень плакала».

Первые впечатления не всегда правильны. Эмиграция, конечно же, отнеслась к высылке со вниманием. Беспрецедентное событие слегка застало ее врасплох — но уже к прибытию «Прусси» были и встречи, и речи, а собрания и приемы в честь высланных, по нынешнему выражению, шли косяком. При всем том отношение к группе крайне разнилось в разных эмигрантских слоях. Читатель главных эмигрантских газет того времени, кадетского «Руля» и эсеровских «Дней», находит картину полной солидарности и симпатии к прибывшим: «Руль» называет передовицу о высылке «Щедрый дар» и о значении события говорит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Иное было в эмигрантской массе, где многие отвергли с большевиками и Россию, поставили на ней крест и часто имели дичайшие понятия о том, что там происходит. Как вспоминает Вера Александровна, приехавшие лишь диву давались, слыша походя и от столичной аристократии, и от «армейской гущи» высказывания в духе: «Но там ведь у вас все пьяные!» Среди молодежи прибывшие сверстники встретили единственный узкий слой с живым отношением и интересом к России: ранних евразийцев (которые были не те же, что евразийцы позднейшие, занимавшиеся пробольшевистской деятельностью). Близкие впечатления были у Бердяева: «Большая часть эмиграции встретила группу высланных подозрительно и недоброжелательно. Были даже такие, которые позволяли себе говорить, что это не высланные, а подосланные для разложения эмиграции».

Версия о подосланности, упоминаемая тут Бердяевым, имела и в самом деле хождение. Родилась же она в итоге оригинального симбиоза, соединения усилий пробольшевистской прессы и ультраправых кругов, занятых тогда, как и ныне, разоблачением мирового жидомасонства. В известной берлинской газете «Накануне», контролировавшейся из Москвы, вскоре после высылки пущена была утка о «прогонных деньгах» — суммах, якобы полученных высланными от Советского правительства. Ложь была тут же опровергнута в других газетах, с точным изложением всех финансовых обстоятельств высылки; но, невзирая на опровержение, она с готовностью была подхвачена ультраправыми эмигрантами, которые дополнили и обогатили ее. Писатель М. Арцыбашев, известный поборник эротизма, называет прибывших «полусосланными, полуавысланными, полупосланными». А немного позднее В. Ф. Иванов в сочинении «Православный мир и масонство» (Харбин, 1935) удается уже и полностью докопаться до правды. Как мы узнаем отсюда, существуют «неопровержимые доказательства» того, что высланные вовсе не полупосланы, а «просто — *посланы* (курсив автора. — С. Х.) из СССР со специальной целью внести раскол в русскую православную церковь за границей и погасить среди эмиграции сильный подъем религиозного чувства, а вместе с тем погасить и национально-патриотическое настроение. Оказывается, инициатором высылки был не кто иной, как брат Гарш Апфельбаум (Зиновьев), связанный с «высылаемыми» общностью интересов и целей ввиду совместной с ними принадлежности к всемирному франкмасонству». Комментарии излишни.

ОДНАКО в ту пору творческие силы и эмиграции, и прибывшей группы еще были слишком велики, чтобы черносотенная тупость и чекистская провокация, даже соединившись, могли их подорвать. В считанные дни и недели в русском Берлине с размахом развернулась религиозно-философская и научная работа. Петербуржцы прибывают сюда в воскресенье, 19 ноября, а уже в следующее воскресенье, 26-го, происходит торжественное открытие Религиозно-Философской академии с речами Бердяева, Карсавина, Франка. В феврале 1923 г. начинает работу Русский научный институт в Берлине, крупное учебное заведение с рядом отделений. Вокруг философов собирается мыслящая, религиозно настроенная молодежь, образуются кружки, и, по русской традиции, наши мыслители выступают не просто носителями школьной науки, но и духовными наставниками. А с переходом центра эмигрантской деятельности в Париж высланные становятся во главе двух, может быть, самых важных духовных начинаний эмиграции: Н. А. Бердяев руководит философским журналом «Путь», выходящим в течение 15 лет, с 1925 по 1940 г., а С. Н. Булгаков с 1925 г. и до своей кончины в 1944 г. — бессменный декан Православного Богословского Института имени преподобного Сергия. Не перечесть всего сделанного изгнанниками, да и нет сейчас в том нужды, ибо и так нельзя усомниться: высылка ученых — поистине щедрый дар русскому зарубежью.

К сожалению, однако, щедрые дарители распорядились тем, что не принадлежало им, и широкий дар их обернулся невосполнимой утратой для отечественной культуры. С высылкой кончилась философия в России; и то, что с тех пор у нас называлось этим именем, в действительности лишь одна из служб тоталитарной машины. Отдельные представители русской мысли, оставленные на родине — Флоренский, Шпет, Лосев, Бахтин, — были уничтожены или преследовались, всю жизнь прожив под свинцовым прессом. Высылка ученых — наглядный образец пресловутой негативной селекции, о которой много размышляют сейчас, пытаясь постичь истоки и механизм сегодняшней угрожающей деградации общества и человека. Отобрав не преступников, не врагов, а мыслителей собственного народа, властители сажают их на корабль — корабль мудрецов, классический сюжет навыворот! — и посылают в чужую землю. А обратно из той земли приплыл чуть позднее другой корабль. 1 августа 1923 года с парохода «Силезия» в Петрограде высадились «сменившие вехи»: А. В. Бобрищев-Пушкин, И. М. Василевский, немедля выпустивший двухтомник «Романовы» с грязнейшими сплетнями о русских царях, и А. Н. Толстой, в ком писательский дар соединялся с абсолютной гражданской циничностью. Чего всем этим могли достичь? Лишь того, чего и достигли, — падения нравственного и духовного уровня общества. Обрыва соборной работы национального самоосмысления. И когда сегодня мы с трудом пробуем вернуться к этой работе, мы сразу видим, как важно нам для нее возвращение на родину пассажиров «философского парохода».

«В ДРУГИХ ПАРТИЯХ НЕ СОСТОЯЛ...»

Новое об Андрее Платонове

Широко известна фраза из автобиографии А. П. Платонова, датированной 29 сентября 1924 г.: «...с 1920 по 1921 (по конец его, когда чистка уже прошла) я был в РКП(б), выйдя самовольно по мальчишеству и непростительной причине». В чем конкретно выразилось мальчишество? Что это была за причина, которую Платонов не мог себе простить?

В платоновском окружении бытовали разного рода легенды о том, что именно послужило поводом для разрыва с партией. Двоюродный брат писателя, М. В. Щеглов, рассказывал автору этих строк: «Мода на субботники докатилась и до Воронежа. Людей направляли на уборку дворов. Платонов возмутился: «Жители гадят, а я должен очищать — не пойду!» И не пошел. За это партячейка моментально исключила его из РКП(б)...» Ныне здравствующий младший брат А. Платонова ленинградец Семен Платонович Климентов убежден в другом: во всем виновата религиозность матери (будучи верующей, она продолжала посещать Божий храм и исполнять церковные обряды). Существуют и иные версии.

Но правда должна быть одна, и, по всей вероятности, думал я, она сокрыта в недрах воронежского партархива. Только там можно найти документы, рассказывающие о том, как Платонов вступал в партию, и о том, как он из нее выходил.

Я засел за бесконечные папки с аккуратно подшитыми листами, исписанными полуграмотными каракулями. И вот удача: вижу до боли знакомый красивый и твердый почерк:

«Я родился в 1899 г. в пригороде Воронежа, в большой семье слесаря-железнодорожника. На одной улице я и прожил все свое детство. Лет 7-ми меня отдали учиться в церковноприходскую школу. Но в школу я хоть и ходил, а учился больше дома тому, чему хотел, чему учили книги, где не могла укрыться правда. Кончив эту школу, я поступил в городское училище и, вышедши из него, работал на железной дороге, в конторе и на заводе и в маленьких мастерских у мелких промышленников.

Связь труда и жизни, работы и ощущения мира для меня очевидна. Канов хлеб — таковы мысли, это я тоже знаю. Если бы я не узнал после Маркса, я бы сам сообразил, каким порядком идет жизнь на земле. Маркс облегчил для меня понимание мира, сделал меня твердым, а мое сознание ясным.

В коммунистическую партию меня ведет наш прямой естественный рабочий путь. Трудно сказать, почему я ранее не вступил в партию: были какие-то полудетские мечты, которые ели зря мою жизнь, мешали глазам видеть действительный человеческий мир, я жалею об этом. Но теперь я начинаю по-настоящему жить и наверстаю потерянное.

Лет с 10—12 я начал писать стихи и думать надо всем. Теперь я сознал себя нераздельным и единым со всем растущим из буржуазного хаоса молодым трудовым человечеством. И за всех — за жизнь человечества, за его счастание я одно существо, я одно дыхание я и хочу бороться и жить.

Я люблю партию — она прообраз будущего общества людей, их слитности, дисциплины, мощи и трудовой коллективной совести; она — организующее сердце воскресающего человечества.

Андрей Климентов (Платонов)»

Андрей Платонов стал кандидатом в члены РКП(б). Сбылась заветная мечта: он теперь в авангарде создателей коммунистического завтра. Помимо морального удовлетворения, новый статус давал возможность узнать изнутри жизнь в партии, поближе сойтись с единоверцами.

И вот тут-то, судя по всему, Платонова поджидали первые горькие разочарования. Святое партийное братство на деле оказалось несколько иным, подчас даже совсем другим. Нравственный кризис партийца-неофита объяснить нетрудно: в ту пору в РКП(б) устремилось немало обывателей, разного рода карьеристов, видевших в партийном членстве лишь удобную и надежную кормушку. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты, разбиравшиеся губернской контрольной комиссией. Какие только не вскрывала она злоупотребления допущенных коммунистами, среди них и весьма сановными! Открывшаяся романтику Платонову истина должна была его слегка отрезвить.

Происходившие в партии процессы вызывали тревогу и в верхах. В 1921 г. в масштабах всей страны осуществляется грандиозная чистка.

А. Платонов в эту пору обучался (с отрывом от производства) на курсах в губернской совпартшколе — она еще торжественно именовалась губкомуниверситетом. Значит, следы его идеологической аттестации необходимо искать в соответствующих бумагах.

И снова — удача: на глаза попался протокол № 7 заседания Комиссии по пересмотру, проверке и очистке личного состава РКП(б) от 30 октября 1921 г. Именно в тот день отчитывалась губсовпартшкола. Всего было рассмотрено 99 персональных дел. Предпоследним номером шел будущий автор «Чевенгура».

Не без труда разбираю подслеповатую машинопись: «Платонов А., канд. РКП с 20 г., билет № 33/54, рабочий, курсант. Отзыв ячейки как об отказывающемся посещать партсобрания, говоря, что я все, мол, знаю».

Комиссия выносит постановление: «Тов. Платонова исключить из кандидатов РКП как шаткого и неустойчивого элемента, недисциплинированного члена РКП, манкирующего всякими партийными обязанностями, несмотря на свое развитие, сознательно уклоняется».

Позднее А. Платонов по-иному оценит свое прежнее поведение и решит, что совершил глупость. «Непростительное мальчишество» его состояло, следовательно, в том, что он в 1921 г. позволил себе оказаться во власти минутных настроений. Да, курсанты губкомуниверситета в массе своей были людьми малокультурными и попросту невежественными, да, многие из них учились из сугубо шкурных побуждений — дескать, партия потом не даст их в обиду! Платонову было разумеется, скучно слушать пропагандистскую трескотню на собраниях партячейки.

Понадобилось два с лишком года, чтоб бывший «уклонист» окончательно пересмотрел свое отношение к случившемуся. Весной 1924 г. он вновь подает заявление (найти пока не удалось) о приеме в кандидаты РКП(б). Оно рассматривалось ячейкой при губернском земельном управлении, где А. Платонов служил по части мелиорации и электрификации сельского хозяйства. К нему там очень хорошо относились, и бюро ячейки почти единодушно проголосовало «за». Требовалось официальное «добро» со стороны райкомпарта, а он почему-то не торопился выносить вердикт. 12 декабря 1924 г. А. Платонов опять обращается в ячейку с просьбой ускорить решение его вопроса.

Увы, партийные чинуши продемонстрировали редкую злопамятность. Более двух лет канитель тянули, мытарили бедного Платонова. 27 апреля 1926 г. он, уже собравшийся переезжать в столицу, подает последнее заявление: «Перешлите, мол, учетную карточку — в случае утверждения кандидатом ВКП(б) — прямо в Москву». Он еще не что-то надеялся, этот человек с доверчивой, как у ребенка, душой. И неведомо было ему ничего об тех играх, которые давно велись за его спиной. Оказывается, еще в начале марта президиум райкома партии постановил: «воздержаться от приема в партию т. Платонова». Причина? Как он есть «интеллигент» (именно так, через «е»!) и «недостаточно политически подготовлен». Никто ему не соизволил сообщить об этом.

Так и остался Андрей Платонов не всегда беспартийным. Право, не знаю, кто больше от этого потерял: он ли, отвергнутый партией, или она сама, пренебрегшая им!

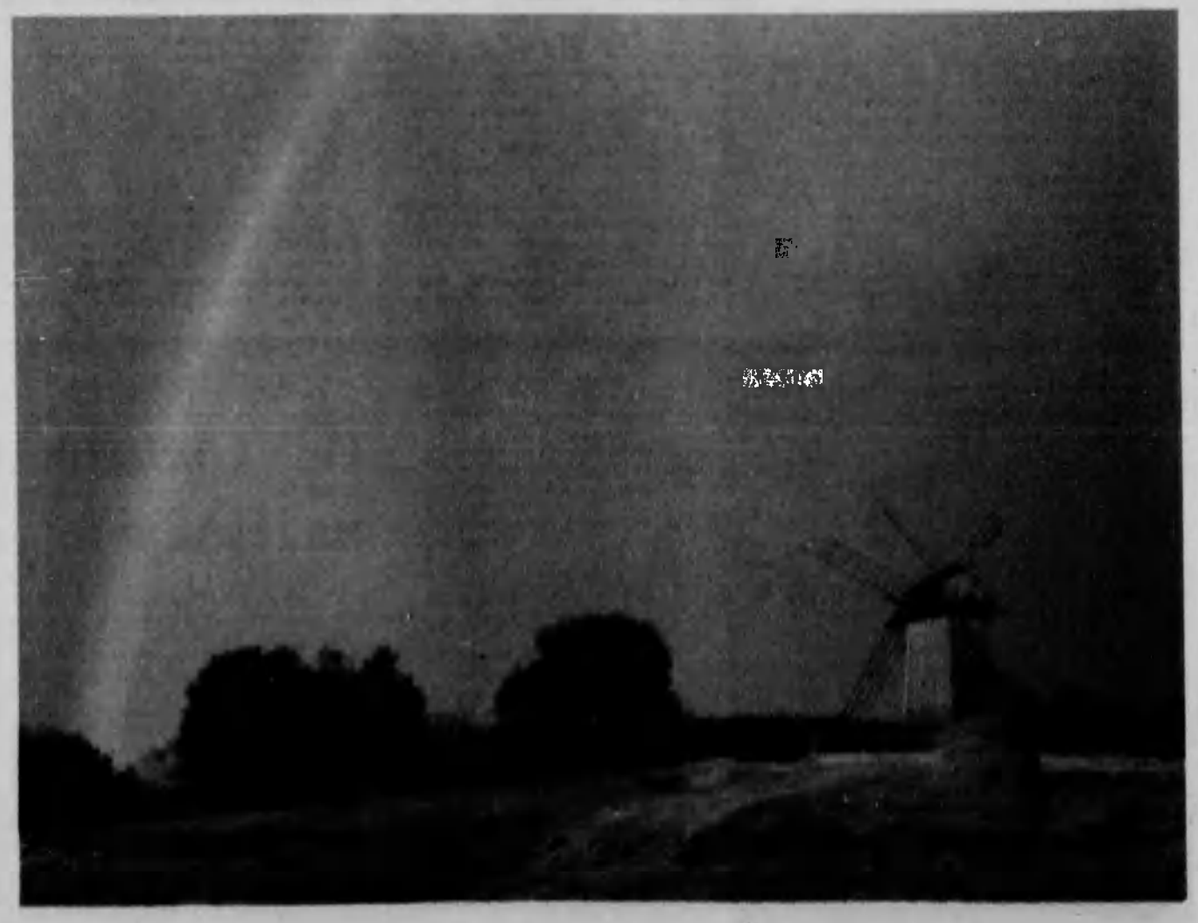
«В других партиях не состоял» — неизменно отмечал создатель «Котлована» в дежурных анкетах. Его подлинной партией стал народ, все жители многострадального Отечества.

Олег ЛАСУНСКИЙ

ВОРОНЕЖ

«...Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил»

Михайловское



ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

Юрий РЫТХЭУ

ТВОРЧЕСТВО — СУГУБО ЛИЧНОЕ ДЕЛО

НУЖНА ЛИ нам вообще наша литературная организация? Лично мне, безусловно, нужна. Я без сожалений вышел из секретариата и правления СП СССР, но ведь все равно я остался членом СП. Выйти теперь из СП? Не знаю, как кому, но мне было бы трудно вычеркнуть из памяти почти четыре десятка лет пребывания в нем, забыть писательские собрания, на которых я изучал историю советской литературы. Где в одном зале со мной сидели Михаил Зощенко и Анна Ахматова, Федор Абрамов и Юрий Герман, Виссарион Саянов и Вера Панова. Писатели очень разные, однако их книги и судьбы, как мне представляется, несмотря на старания нынешних некоторых литературоведов перекрасить и перекроить их творчество, — это история советской литературы, история именно нашего Союза писателей. Осознавая это, мы, может быть, легче будем находить путь друг к другу.

Создание в 1934 году единой организации — Союза писателей, конечно, было актом уничтожения множественности литературных течений. Навязывание классовой идеологии, единого взгляда на жизнь и единственно возможного художественного метода — социалистического реализма и привело к формированию того Союза писателей, который во многих своих функциях существует и по сей день. Но наивно полагать, что можно в один день или год повернуть, даже уничтожить эту с огромной внутренней инерцией движущуюся махину. Я критически отношусь к сегодняшней деятельности «большого» СП и «маленьких», но все разговоры о том, что Союз писателей нам не нужен, считаю просто болтовней безответственных людей. Кто более всех кричит об этом? Те, кто вчера добивался туда приема, кто тихо, но упорно обивал пороги приемных комиссий. И ни один из этих крикунов еще не положил свой членский билет и не сказал, чтобы его не считали членом СП.

Одной из самых больших ошибок всех творческих союзов, включая и СП, является исходная точка в работе этих организаций — решение творческих проблем. Ведь именно за так называемым творческим руководством стояли не только не творческие, а попросту неблаговидные дела, среди которых и политическое осуждение известных и оставшихся благодаря этому неизвестными многих писателей.

Творчество писателя — это его сугубо личное дело, в которое не имеет право вмешиваться никто. Ни СП в лице своего секретариата, ни какая-то группа писателей, ни даже редакция журнала, если писатель не имеет с редактором чисто деловых отношений. И пока литература будет сугубо индивидуальным делом, а не общенародным, она будет жить.

Для чего же нам сейчас нужен, несмотря на все вышесказанное, СП? В очень трудной экономической и социальной обстановке, когда на смену политической цензуре приходит цензура экономическая, писателям, как никогда, нужен здоровый, авторитетный и очень деловой Союз писателей, который и должен заниматься «бумагой», издательствами, и прежде всего — социальной защитой жизни и прав писателя.

Ломать легче, чем строить. Но если мы сегодня, поддавшись стихийному чувству, разрушим СП, то завтра, убежден, будем его восстанавливать. Собственно, зачем же разрушать? Вот возникли и в городских организациях, и в республиканских различные литературные группировки: «Апрель», «Содружество» и т. п. В Ленинграде недавно во главе с Г. Горышиным определилась группа «Независимых», в Москве такую группу создает А. Михайлов. Мне кажется, что это все совершенно нормальные явления, которые могут и даже должны жить внутри СП. Именно этот, я бы сказал, стихийный подпор снизу подталкивает руководство СП к изменению форм и работы в соответствии с требованием времени. Другое дело, что шовинистические высказывания руководителей «Содружества» и антигуманные выкрики из других группировок несовместимы с именем и делом писателя. Но кто, кроме СП, может жизнеобеспечить эти группировки? Ничем другим Союз писателей заниматься не должен.

У литературы ведь есть своя высокая цель — служить добру и человеку, «смягчать сердца» в ожесточенный век. Все выходящее за рамки этой сверхзадачи — уже не литература.

И последнее. Разумеется, идеальный вариант — это иметь в руководстве СП экономически и юридически образованных деловых людей. И, быть может, действительно стоит подумать о том, чтобы приглашать в руководство СП, как говорится, «людей со стороны», чтобы, если придет нужда, спросить с них, не задевая творческого самолюбия, но чтобы они, заняв руководящие литературные кресла, не считали себя классиками.

ЛЕНИНГРАД

Диас ВААЕВ

НАС СЛИШКОМ МНОГО

ДИСКУССИЯ о нынешнем состоянии и завтрашнем дне Союза писателей заставила меня задуматься, для чего и зачем я туда хожу. Хожу-то в библиотеки за журналами или в Литфонд. Бываю изредка на каких-то скучных собраниях. Вот, пожалуй, и все связи профессионального писателя со своей организацией. Что еще? Как-то помог союз с квартирными делами. Это плюс. А минусов! В 70—80-е годы у меня в театрах Казани запрещены, сняты, отложены 6 спектаклей по пяти моим пьесам. Вступился ли хоть однажды союз за своего писателя? Ни разу. Выбрасывались рукописи из издательства. Позиция союза при этом? В лучшем случае — испуганный нейтралитет, а в худшем? Громкая поддержка начальственного «Ату его!», как это и случилось со мной.

В прошлом году прошел XI съезд писателей Татарии, который в одном из пунктов своей резолюции объявил, что отныне все татарские писатели, пишущие на русском языке, не имеют отношения к татарской литературе. Вероятно, во исполнение решения съезда редактор молодежного журнала «Идель», выходящего на двух языках, кстати, мой однофамилец, дает уже «от ворот поворот» молодым русским авторам и татарам, пишущим по-русски, ведет открытую дискриминационную политику по отношению к сотрудникам русского издания. Последние (трое из отважной четверки — члены СП СССР) чуть было не решились на политическую забастовку.

А теперь подойдем к проблеме с другой стороны — с творческой. Последние 10 лет я, скажем, работал над эссеистической рукописью, которая называется «Третий человек». Часть ее сложилась в две самостоятельные книги: одна — «Трилика» — только что вышла в издательстве «Мысль», вторая — «Три похода в вечность» — на выходе в Казани. В книге есть идеи и мысли, которых никогда (я знаю это) не было еще в мировом литературном обороте. Разве не хотелось бы мне обсудить со своими коллегами рукопись в целом или эти две книги? Но это у нас не делается. Никому в голову такая мысль не придет. И мне в том числе. Если нет доверия, что обсуждать? Мертвая тишина давно уже поселилась в красивом особняке союза, в его залах и комнатах, где слышно лишь шуршание бумаг чиновников от литературы.

Так вот, нужен ли такой равнодушный, мертвый, забюрократизированный — самое главное — не добрый по отношению к художнику союз нам, писателям? Наверное, нет.

Но какая-то иная организация нам нужна. Какой я ее вижу? Я представляю себе союз-клуб — свободное собрание свободных, раскованных и независимых людей. И главное — талантливых. Членов СП в Татарии, к примеру, 200 человек. Но активно работающих, талантливых едва ли треть наберется. А сколько таких среди 10 тысяч членов Союза писателей СССР!!

В этом-то немалая трагедия или, если хотите, трагикомедия наших писательских организаций. Подлинно талантливым (я имею в виду молодых в первую очередь) доступ в него крайне затруднен. Между тем должно-то быть все наоборот. Союз должен защищать прежде всего интересы таланта.

Может быть, для оздоровления союза нужно обновить правила приема (они должны быть достаточно жестки ко всему бездарному) и провести на их основании перерегистрацию? Переводчики могли бы при этом выделиться в самостоятельный союз.

Будущий союз, о котором я мечтаю, был бы терпимым к различным объединениям писателей: на творческой ли, на мировоззренческой ли основе. Но этот плюрализм не должен переходить во взаимную склоку.

Далее. Пора перестать республиканским писательским ассоциациям быть стандартными матрешками, копирующими структуру и образ «большого» союза, а обрести наконец то лица необщее выражение, что дается лишь полнотой духовной жизни. Тогда и проблема самостоятельности организаций в республиках решилась бы естественным путем.

Крайне важен вопрос финансового положения писателей. Мы об этом почти никогда не говорим, скромничаем. А ведь когда есть деньги в кармане, хотя бы какой-то элементарный минимум, обеспечивающий тебя и твою семью, — ты свободен, как Бог, и независим в своем творчестве и поступках, можешь спокойно работать, отделывать свои вещи, не спешить, не суетиться. В Китае члены Союза писателей получают что-то вроде зарплаты. А мы? Наши книги приносят государству немалые доходы, но многие из нас попросту бедствуют. Я работаю, скажем, 10 лет над рукописью, ничего за это время не получая. Что ж, побираться мне и моей семье, как нищим?

Думаю, мысль моя понятна: Союз писателей должен быть не бюрократической канцелярией, а организацией, защищающей и опекающей писателя, финансирующей творческую работу художника.

КАЗАНЬ

ЗАЯВЛЕНИЕ

сообщества независимых писателей

Убедившись на опыте последних лет, что различные политизированные объединения писателей вносят в нашу среду состояние напряженности, вражды и противоборства, что лозунги прогресса, культуры, национального достоинства часто скрывают самую неприглядную корысть и личные амбиции и не пользу, а вред приносят насущному делу перестройки,— объявляем:

, о создании сообщества неприсоединившихся, независимых писателей, которые — каждый в меру своего дарования — литературным трудом и гражданским участием вносят вклад в гармоническое развитие жизни;

сообщество не предполагает ни своего устава, ни формального членства, ни особого представительства где бы то ни было, кроме литературы;

оно предполагает профессиональное содружество в составе Союза писателей СССР, товарищескую взаимопомощь, преданность своему делу, бережение чести и достоинства писателя;

достаточно внутреннего согласия с данным заявлением, чтобы причислить себя к сообществу независимых писателей.

Александр МИХАЙЛОВ, Виктор АСТАФЬЕВ, Вячеслав ШУГАЕВ, Вадим САФОНОВ, Анатолий КИМ, Василий СУББОТИН, Сергей АНТОНОВ, Глеб ГОРБОВСКИЙ, Глеб ГОРЫШИН, Александр ПАНЧЕНКО, Сергей ЕСИН, Георгий КУНИЦЫН, Виктория ТОКАРЕВА, Виктор СМИРНОВ, Юрий РЫТХЭУ, Олег ВОЛКОВ, Анатолий ТКАЧЕНКО, Евгений КУТУЗОВ

«КУПЛЕН» В 1956-м...

Критик Игорь ДЕДКОВ беседует с корреспондентом «ЛГ» Брониславой ТАРОЩИНОЙ

— С пришествием на нашу землю перестройки вы, независимый критик, переезжаете из Костромы в Москву и становитесь политическим обозревателем традиционно едва ли не самого застойного журнала «Коммунист». Чем объясняется такой любопытный шаг?

— Нет, журнал «Коммунист» уже не был «застойным», когда меня туда пригласили. Помню статью Т. Заславской в «Коммунисте» 1986 года, ставшую для меня одним из знаков происходящих в журнале перемен. Но ведь в туда не собирался — так долго Москва излучала не новые светлые идеи, а ложь и фальшь, что образовалась привычка не собираться, а оставаться на месте, и если я изменил этой привычке, то только потому, что переменились времена, в все наши домашние переживания окончательно сосредоточились на Москве: там сыновья, там стареют родители... Но это неинтересно: обычная частная жизнь и элементарная психология. Куда интереснее: «независимый» критик — да в «зависимый» журнал! Однако можно еще интереснее про то же самое: его, то есть меня, наняли, он, то есть я, получил от перестройки хорошую должность, одним словом — купили! (То ли Центральный Комитет постарался, то ли «международный сионизм».) Об этом я прочел в журналах, которые называю «национал-патриотическими», поскольку под их надзором — наша национальность и наш патриотизм. Я им никогда ничего не отвечал, да и сейчас не стану. Но откроюсь: я всегда был «зависимым» и «купленным» — со студенческой скамьи, с пятьдесят шестого года и с той осени пятьдесят седьмого, когда после окончания Московского университета уехал работать в костромскую газету.

— Но, насколько мне известно, у вас был шанс выгодно «продаться» Сергею Залыгину, который, принимая «Новый мир» летом 1986-го, предложил вам место заместителя главного редактора?

— Верно, шанс был, и я дал согласие. Испытывая некоторый трепет (журнал Твардовского!), я с благодарностью согласился и стал ждать. Может, и вышло бы из этой затеи что-нибудь путное, если бы тем же летом я не напечатал в журнале «Вопросы литературы» статью о разрекламированном романе Ю. Бондарева «Игра». Статья имела разнообразные последствия. Оказалось, что некоторые современные писатели считают, что быть «властителями дум» или «совестью народа» то ли маловато, то ли труднодостижимо, и потому предпочитают а дополнение к романам иметь просто власть. К счастью, эта власть небезгранична. Так я пришел в «Коммунист», где меня встретили люди той же завидности от идеалов молодости, что и я. С некоторыми из них мы не виделись тридцать лет. Тогда-то я подумал, что в судьбе есть какой-то «романный» порядок: уезжать политически подозрительным, поднадзорным и вернуться тридцать лет спустя, потому что теперь-то ты ко времени. Жить-то мы жили, работать-то работали, но сколько нашего общего времени было погублено, поглощено родным государством с его идеологическим рвением и страхом, с его маниакальным желанием «дойти до каждого человека»...

— То есть вы совершили свой выбор и, как я понимаю, не жалеете о нем. Но почему же в последние годы, когда вроде бы позволено все говорить, вы несколько снизили свою критическую активность? Наверное, человеку творческому такие вопросы не пристало задавать. У каждого бывают приливы и отливы, но ведь и они подчиняются фазам Луны, не так ли?

— Почему бы и не задавать, если действительно снизил? Во-первых, писать стало труднее. Все, что происходит, надо пережить и понять. Непривычная свобода и какое-то новое чувство ответственности. Прежде я твердо знал, против чего я и за что в жизни и литературе. Наверное, я и теперь это знаю, но то, что раньше говорить было трудно, сейчас говорить легко, и потому не хочется. Не хочется участвовать в общедоступном соревновании на самое громкое и сильное проклятие. Или на самое страшное пророчество! Или на самое сенсационное разоблачение Ленина и большевизма. Или на звание самого-самого большого патриота России. Хочется совсем другого, потому что все эти соревнования не имеют отношения к литературе. Во-вторых, писать стало труднее, так как работа в журнале — это все-таки занятия политикой, а не литературой. Но эти мои трудности, надеюсь, преодолимы.

— Поскольку нынче все, в том числе и литературные критики, весьма политизированы, то один из главных мотивов ваших последних работ и обозначила бы так: проблема альтернативности (безвариантности?) нашего исторического пути. Разрабатывая ее достаточно интересно, вы, мне кажется, упускаете один немаловажный аспект — роль личности в истории, от которой во многом зависит и альтернативность. Это делается сознательно?

— Да нет, разумеется. Конечно, нужны личности или ряд личностей, чтобы найти, оценить какую-то возможную альтернативу. Я думаю, что необходимые люди были и есть всегда, но антидемократические режимы в них не нуждаются и делают вид, что таковых нет.

Нам так долго толковали про «историческую необходимость», про единственно возможный путь, которым мы победоносно шествовали и шествуем дальше, что идея альтернативности должна была явиться как идея освобождения человеческой инициативы, как идея антифаталистическая. Я писал об альтернативности в истории еще в начале восьмидесятых годов. Эта идея витала и сгущалась в тогдашнем, предперестроечном воздухе. Демократия — определенная гарантия того, что выбор вариантов возможен. В жанре «исторической необходимости» лучше всего сочинительствует в истории какая-нибудь свирепая диктатура.

— Одна из ваших этапных статей «Былое и настоящее» посвящена урокам А. И. Герцена. Позволю себе привести длинную цитату, очевидно, вам неизвестную: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущею, неизвестною нам революцией...» Может быть, этот урок сейчас для нас особенно поучителен?

— Да, действительно, я с этой мыслью Герцена не знаком. Но что вы хотите сказать: что мы свидетели и участники той самой, предсказанной им «неизвестной революции»? Боюсь я, что, как ни прославляй возможные «варианты», «неизвестных революций» нет. Их типология известна. Хотелось бы, чтобы нам удалась великая мирная реформа и чтобы — в итоге — мы жили в свободной и счастливой стране.

— Несколько лет назад литературная общественность внимательно изучала вашу статью в «Коммунисте» — «Литература и новое мышление», полагая, по старой привычке, что статьи эта установочная. Я тоже ее, разумеется, читала, но не все приняла. Получается вроде бы так: у Достоевского — старое мышление, у Приставкина — новое? Ну, а, скажем, Саша Соколов, для которого вообще существует только самоценность слова, он что, вообще не мыслит? Я, разумеется, утрирую, но, полагаю, нет смысла говорить о новом мышлении (особенно применительно к литературе) в тысячелетнем христианском обществе. Все наши мысли оттуда, из Нагорной проповеди. Вы со мной не согласны?

— Новое мышление, в частности, заключает в себе отказ от приоритета классовых ценностей над общечеловеческими. В чем же тут опасность для художника? Вы хотите сказать, что новизна не так уж нова? Но именно с этой неновой новизной связана надежда человечества, что самоубийственной войны не случится. Прошу прощения: но Нагорная проповедь не предотвратила ни первой, ни второй мировой, никаких других войн. Современный мир вынужден осознавать себя в целостности и взаимозависимости, как никогда раньше иначе он погибнет. Безальтернативно. Вот вам и новизна. Осознание ее полезно и литературе, хотя бы для того, чтобы поостеречься з разжигании всякого рода разрушительных страстей и низменных инстинктов.

Важное место в вашей работе занимает творчество Юрия Трифонова. На крови ничего хорошего построить не удается — такова, по вашему мнению, одна из главных мыслей романа «Нетерпение». А, скажем, Соединенные Штаты, разве не родились они в результате революционной войны с британской короной? Выходит, кто-то строит на крови Клондайк, а кто-то — Магадан?

— Не хотите же вы в противовес моим словам сказать, что на крови можно построить много чего хорошего? Впрочем, герои Трифонова, «первомартовцы», отличались от так называемых «революционеров» послереволюционного времени тем, что жертвовали прежде всего собой, а те — великим множеством других. Не потому ли оказался непрочным «фундамент социализма», что в скрепляющем растворе избыток крови?

— Особый «сюжет» ваших статей — противостояние националистам и шовинистам всех мастей, всем тем, кто считает себя держателем акций на патриотизм. Поэтому, полагаю, вы и включили в свой последний сборник «Обновленное зрение» статью двадцатипятилетней давности «Как это случилось?» — о пьесе А. Миллера, рассказывающей о начале массовых арестов евреев в 1942 году. Не кажется ли вам, что мы сегодня, подобно миллеровским героям (цитирую вас), уже «...в ином мире, где аршины цивилизации и культуры отменены как ущербные и слюнтяйские»? Иначе чем можно объяснить разгул антисемитизма на закате века?

— Я написал статью в 1966 году, но редакциям не предлагал. Эта подлость была в этом мире и в нем остается. Мне кажется, что ее разжигают те, кто стремится к власти, к распоряжению жизнью и жизнями. Таков своеобразный способ «национального», «общенародного» сплочения. Он уже применялся в истории, но бесславно. Антисемитизм идет не снизу, не от деревень и заводов: это инспирированные страсти и разжигаемая вражда. Возблагодарим за это крикливое литературное подворье Русскому человеку, русскому интеллигенту, помнящему свое родство, там делать нечего.

— В продолжение темы вспомню вашу недавнюю правдинскую публикацию, посвященную 75-летию ленинской статьи «О национальной гордости великороссов». В ней четко изложены ваши позиции по национальным вопросам. А как вы считаете, существует ли сегодня русофобия?

— Я не знаю, что такое «русофобия». Прожив основную часть жизни в русской провинции, я с «русофобией» не сталкивался и «русофобских» сочинений не читал. Да и само это слово введено в журналистский оборот совсем недавно хорошо организованными усилиями ряда изданий. То сложное положение, в котором оказалось русскоязычное население в ряде республик, связано не с «русофобией», но через «русофобию» многое из действительно сложного легче и проще объяснять. Вот и объясняют, вот и разжигают пламя. Месяца три назад я побывал в Ангарске, Братске, Иркутске. Встречался с самыми разными людьми, в том числе на заводах. И нигде никаких разговоров и вопросов про «русофобию». Другое людей волнует, другими заботами и тревогами люди живут. И если всплывала тема «русофобии» то только однажды и в связи с расколом среди творческой интеллигенции Иркутска. Как я понимаю, сам жизненный опыт людей противится этому новопропагандистскому шуму как чему-то, что имеет сомнительное отношение к действительному содержанию их трудной повседневной жизни. Многие, мне кажется, инстинктивно чувствуют, что им предлагают очередное грубое и беззастенчивое упрощение человеческих отношений, истории и самой жизни. По крайней мере я воспринимаю эту «антирусофобскую» пропаганду именно так.

— Настало время поговорить и о делах литературных. В старой новомировской статье «Страницы деревенской жизни» вы защищаете «деревенщиков» от их «певцов» из «Молодой гвардии». Сегодня молодогвардейцы, с новым рвением отстаивающие монополию на патриотизм, о которой вы рассуждали еще в 1969 году, стали «заединщиками» со своими подопечными. Видимо, они больше не нуждаются в вашей защите?

— Защищать приходилось Федора Абрамова, остальные «деревенщики» в защите не нуждались, их судьба складывалась благополучно. Я писал об их книгах с уважением и любовью. Лучше бы эти писатели занимались своим делом глядишь, талант и вывел бы некоторых из них из политического леса.

— Справа ли, слева ли, но непременно русские интеллигенты всегда находились вне правительства. Сегодня же мы вроде бы должны гордиться тем, что Ч. Айтматов и В. Распутин вошли в Президентский совет. Причем процесс политизации художников (вспомним Гавела) происходит не только у нас. Ваше отношение к этому явлению?

— Вацлава Гавела я понимаю. Он боролся и победил. Наши писатели «наверху» — это совсем-совсем из другой, менее героической и менее эффектной оперы.

— Многим вашим поклонникам памятна серия выступлений против представителей так называемой московской школы, против молодой эстонской прозы. Не изменили ли вы своего отношения к этим явлениям литературы?

— Я выделяю Маканина и стараюсь читать все им написанное; жалею, что не знаком с последними романами В. Личутина и вообще жалею, что он стал говорить какие-то сомнительные речи... Было бы больше времени — читал бы все новое в прибалтийских литературах. Я же писал о них, надеюсь, с пониманием и любовью, а об эстонской тогдашней «молодой прозе» — с огромным интересом и уважением, хотя, может быть, в чем-то и скептически. Но ни в коем случае не «против»! Вот по поводу «московской школы» я писал «против». Конечно, не стоило, возможно, объединять я одной статье столь разных писателей, но объединил-то их не я, а те, кто придумал и «школу», и небывалые ее художественные достижения. Жалею, что не написал о рассказах Т. Толстой, когда они только-только стали появляться в ленинградской «Авроре».

— Одна из консолидирующих мыслей сегодня (уверена, под ней подпишутся и Ю. Бондарев, и А. Рыбаков) — мысль об отсутствии эстетической критики. Вот и мы с вами сегодня беседуем все больше о «бурных днях Кавказа». Похоже, сама литература, ее плоть, ее таинство сегодня не интересует абсолютно никого в том числе и вас.

— Из меня «эстетический критик», боюсь, уже не получится. Тем не менее я, кажется, не так уж часто ошибался, определяя художественное достоинство того, о чем писал. Вы правы: сейчас художник не в чести и в фаворе политик, но эстетическая критика еще расцветет и возьмет свое. Однако вряд ли при этом возрадуется наша литература, привыкшая к снисходительности.

— А вообще, как вы считаете, возможна ли и нужна ли сейчас консолидация в литературе, призывы к которой стали общим местом в выступлениях писателей всех мастей?

— Консолидация — не более чем самообман. По крайней мере сейчас. Что-то не помню, чтобы кто-то добивался «консолидации» писателей в старой России. Один думает так, другой иначе, и вовсе не обязательно собираться на съезды, пленумы, секретариаты, чтобы принимать резолюции, заявления, обращения, воззвания, открытые письма, закрытые письма, декларации, жалобы и телеграммы. Это все жанры, противопоказанные искусству.

— Внутренний сюжет книги «Обновленное зрение» вы определяете как смену и развитие настроений и мысли. Книга получилась, на мой взгляд, интересной и в каком-то смысле итоговой — из шестидесятых, когда на нашем отечественном небосклоне наконец-то появился Кафка со своим Грегором Замзой, родным братом Акакия Акакиевича, протянута нить в восьмидесятые с их взыскующими Нового града, новой правды. Но вопрос «Куда ж нам плыть?» остается все-таки открытым?

— Хорошо бы удалось плыть и плыть. И чтобы мы сами себя не потопили. Стократ руганная формула «Движение — все, цель — ничто», наверное, справедлива. Ноосфера медленно, но неуклонно расширяется и побеждает. С нею был связан исторический оптимизм В. И. Вернадского. Зачем нам сейчас расчерчивать будущее, конструировать и регламентировать то, что впереди? Будущее вырастает из настоящего, поэтому заняться бы всем устройством настоящего. В том числе и литературой. Ее сегодняшним днем.

Столько лет, кажется, звали свободу. Или ее сейчас мало? Но почему тогда тотчас началось «бегство от свободы»? Кто заскучал по «центризму», кто по самодержцу... Или такая вывелась порода птиц? Снова хочется в клетку и на жердочку?

МИР КУЛЬТУРЫ

Андрей СМИРНОВ:

«Мы уйдем с высоко поднятой головой»...

Андрей Смирнов вошел в руководство Союза кинематографистов, когда мощный импульс V съезда уже утрачивал свою силу. Старая система бюрократического контроля была сломана, десятки фильмов сняты с полки, десятки опальных имен реабилитированы. Но времена и настроения в кино настали иные — эйфория прошла, восторг, как это часто у нас бывает, сменился унынием, стало ясно, что быстрых и легких решений проблем кинематографа нет и не будет. Пытаясь решить накопившиеся за десятилетия вопросы, Смирнов и его коллеги в секретариате правления СК СССР вскоре сами стали объектом резкой критики.

Накануне VI съезда кинематографистов журналист Наталья Рюрикова встретилась с Андреем Смирновым.

Корр. Ваш прогноз — чем завершится съезд?

Смирнов. Уверен, что он сумеет обеспечить преемственность политики союза. За четыре прошедших года никакой реальной альтернативы решениям V съезда не появилось. Социологический опрос членов нашего союза, проведенный службой изучения общественного мнения под руководством профессора Грушина, дал результаты, на которые мы не осмеливались рассчитывать — несмотря на частные разногласия и претензии в наш адрес, 74,8 процента опрошенных считают «предпринятый кардинальный поворот в делах совершенно необходимым», а более двух третей поддерживают четыре из пяти элементов новой балловой модели.

Корр. И все же в модели почему часто с недоверием говорили Марлен Хуциев на последнем пленуме сказал, что ему особенно думать о том, что он будет бегать в поисках денег на свои постановки?

Смирнов. Фильмы всю жизнь бегают — ему не огорчительно. Берман всю жизнь испытывает трудности — ему не огорчительно.

Корр. Но ведь наши кинематографисты воспитаны на другом нравственном принципе. И он шестым-седьмым десятком перестраивается?

Смирнов. А платить деньги зрителям, чтобы они [illegible] — это как — нравственно? Конечно, я понимаю, что для Марлена Мартыновича кинематограф в конце концов найдет средства. Кинематограф — дорогая игрушка. Либо вы берете деньги у государства, оно претендует на идеологический контроль, либо вы в частности то начальный капитал в большинстве в буквальном смысле [illegible] продукции. Многие из моих коллег хотят, чтобы их старость была разрешена только одно — идеологический контроль при абсолютной свободе и мышлении. Свободы режиссеры претендуют на авторство, а [illegible] — он возможно [illegible] в частности не может. Я [illegible] на [illegible].

Корр. Знаете, [illegible] кинематографа. Но ведь вы сами говорили [illegible] «подлинных культурных ценностей». Не заглушит ли их коммерция?

Смирнов. На первых порах, наверное, исполнит свобода [illegible] что всем [illegible] [illegible] деньги. Ну, [illegible] каждой картине [illegible] дочка. Сталин [illegible] Сколько времени можно [illegible] «давать деньги не больше». А дальше — [illegible] начинается, чтобы обыть [illegible] товар приходится как следует [illegible] ногами. А для этого надо как минимум быть профессионалом. В отличие [illegible] рынок требует куда больше и мобильности и таланта. Боюсь, [illegible] нашей культуры [illegible] погубит! Нет не верю я в это.

Корр. Многие предрекают [illegible] авторскому кино. [illegible] больше работ Климова, Абуладзе, Сокурова, Муратовой и других режиссеров, [illegible].

Смирнов. Мы [illegible] [illegible] дующий подсчет. Взяли всю кинопродукцию за десять лет — [illegible] 80-й год. Полторы тысячи картин, по 150 в год. И задались вопросом, сколько делалось в среднем за год настоящих коммерческих картин, сколько авторских, то есть не всегда имевших успех, но признанных значительным достижением искусства. Как вы думаете, сколько мы насчитали коммерческих? Шесть, редко восемь картин в год. Десять не были разу, но примем для круглого счета 10. Теперь авторское кино. Мы считали фильмы Муратовой, Германа, Параджанова, Иоселиани, Тарковского, Шепитко, Никого не пропустили, кажется. Получилось — 1—4 картины в год, но для круглого счета примем цифру пять. Теперь сложим то и другое: получим 15 картин в год. А где же остальные? Никто из нас не мог вспомнить даже их названия.

Корр. Что же вы предлагаете? Сократить количество картин? Но ведь Сталин уже делал это однажды, сказав — пусть будет пять фильмов, но хороших. В результате мы получили раз — «Падение Берлина», два — «Кубанские казаки».

Смирнов. [illegible] Чем больше фильмов, тем здоровее кинематограф как таковым. Хотя [illegible] мне кажется, уже в этом [illegible] выгодами появления новых [illegible] разработчиков и кооперативных [illegible] числе и короткометражных игровых картин [illegible] составит более трех сотен [illegible] год. Мы выходим [illegible] фильмов [illegible] на уровень Индии. Думаю, что [illegible] будет [illegible]. Иначе [illegible] общения с детьми, как наша страна просто отвыкла делать обычные картины. Девять десятых наших продукции должны составлять фильмы, способные принести пусть небольшую прибыль. А вот те десять как [illegible] делать картины, которые и есть лицо под нашей кинематографической культуры, надо финансировать из бюджета. И механизм этот ведут [illegible] модели.

Корр. По последним статистикам [illegible] фильмы нетелевизионные [illegible] фильмов. Еще года только [illegible] или затраты — не прибыль принесли [illegible] только окупили затраты.

Смирнов. Пока кинематограф [illegible] индивидуального [illegible] будь то коллектив или семья, спонсор, [illegible] частный владелец, ждать нечего. Мы будем видеть [illegible] обращения [illegible] продукции всего мира и своей [illegible]. А кто [illegible] [illegible] театры, [illegible] [illegible] на чьей которой сидит все тот же [illegible] [illegible] [illegible]

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 6.06.90 № 23 (5297) 9

—Леонид Иванович, минуло лишь пять месяцев, а правительство меняет курс?
—Правительство проявило политический реализм.

Фото В. БОГДАНОВА

Леонид АБАЛКИН,
академик, заместитель Председателя Совета Министров СССР

Диалог

Павел ВОЛИН,
обозреватель «Литературной газеты»

Слишком велика цена!

Павел Волин. Заканчивая последнюю нашу с вами беседу, Леонид Иванович, мы договорились рассмотреть первые итоги реализации принятой в канун Нового года правительственной программы оздоровления экономики будущей осенью.

Но минуло лишь пять месяцев, а уже обсуждается новая программа правительства — по крутой радикализации экономической реформы, что означает отказ от прошлой программы если не в целом, то по крайней мере от записанных в ней сроков (а время в данном случае приобретает характер принципиальный!). В чем же дело? Как расценивать столь неожиданный поворот? Как провал той программы? Или, может быть, непредвиденно изменилась ситуация?

Наконец, третья из возможных причин — верх взяли более радикальные силы! Мы же знаем, что вокруг реформы не прекращается боренье разных, в том числе полярных, движений.

Леонид Абалкин. Процессы в обществе происходят сейчас настолько динамично, что я могу с уверенностью утверждать: сегодня, когда мы беседуем с вами, а тем более завтра, то есть в июне, когда запись этой беседы будет опубликована, общество кажется совсем иным нежели оно было прошлой зимой. Казалось бы, не такой уж большой срок, но смотрите, какие события он вобрал в себя! Состоявшиеся по всей стране выборы, обновление всех структур власти, широчайшие дискуссии с политизацией мнений и появлением новых концепций по важнейшим проблемам жизни. Во многих местах к руководству пришли совершенно новые силы. Это был период резкого ослабления авторитета и влияния партии в стране, доверие к ней и к руководству государства в целом падало. Наконец, изменена система власти, введена президентская форма правления. И все это происходило на фоне продолжающегося ухудшения ситуации на потребительском рынке. Остановить нарастание негативных процессов, сквозь которые, можно сказать, продиралась та программа оздоровления экономики, о которой вы упомянули вначале, не удалось. Дестабилизирующие факторы, о которых я говорил в прошлой беседе, нарастали.

Все это требовало критического осмысления. И правительство, я считаю, проявило политический реализм, не отстаивая упорно, упрямо однажды выбранных сроков и тактики проведения радикальной экономической реформы. Оно пришло к выводу, что хотя конечная цель выбрана правильно, изменившаяся ситуация требует уплотнения сроков, приближения их примерно на два года.

Есть один чрезвычайно важный момент, на котором стоит остановиться особо. Если бы удалось сначала стабилизировать ситуацию: сократить дефицит бюджета, насытить рынок потребительскими товарами, а уже после этого переходить на рыночную систему, — что правительство и пыталось сделать, — то переход к рынку был бы для народа гораздо легче, с меньшими издержками. Но это, к сожалению, не удалось. Жизнь показала: нельзя старыми методами, с помощью мер административно-распределительной системы добиться равновесия в народном хозяйстве, теперь ясно, что к рынку придется переходить не после стабилизации в народном хозяйстве, а использовать сам этот переход как средство стабилизации. Да, в этом случае населению придется пострадать больше. Но другого выхода нет, и об этом надо сказать людям прямо. Народ может доверять только тому правительству, которое ведет честную политику, говорит правду, какой бы горькой она ни была. Однако общество должно знать и другое: если теперь не начать ускоренного перехода к рынку, то ситуация еще более усугубится и дальше будет ухудшаться неизбежно, с катастрофическими последствиями. Чем дальше мы будем откладывать этот переход, тем он окажется труднее, потребует больших жертв.

П. В. Разве это только теперь стало ясно? Слушая вас, так и хочется воскликнуть: наконец-то! По мне, переход к рынку — благо во всех отношениях, и чем раньше это произойдет, тем, убежден, скорее мы начнем выбираться из той — не знаю уж как назвать — ямы или трясины, в которую сами себя загнали. Но вот что беспокоит: отсутствие гарантий. Даже не гарантий, их, как говаривал Остап Бендер, дает только страховой полис, а уверенности. Вы уверены, что меры перехода к рыночному механизму, ставящие наконец нашу экономику на рельсы современного товарного хозяйства, будут доведены до реализации? Что не случится так, как не раз случалось с самыми заманчивыми начинаниями, на которые мы возлагали большие надежды? Я лично такой гарантии не дал бы.

Л. А. Я никогда не любил и стараюсь не употреблять слово «гарантии». В условиях динамизма социальных перемен и нестабильности общества их просто не может быть. Но вот два обстоятельства, которые должны послужить успеху. Во-первых, это реализм предложенной правительством программы. И второе, совершенно обязательное условие успеха — достижение общественного согласия. С самого начала, еще только готовя доклад правительства, мы говорили, что на все эти меры можно идти не иначе, как после всенародного обсуждения, через общественное согласие. В какой форме это будет проходить — референдум или как-то иначе, надо еще решить, но знаю одно: это должно быть сделано максимально честно. Нельзя использовать традиционные и уже достаточно опороченные методы так называемого всенародного обсуждения, когда газеты выборочно публикуют высказывания читателей и, что бы ни публиковали, всегда остается элемент недоверия, субъективизма оценок. Необходимо лишь прямое волеизъявление народа, однозначное: да — да, нет — нет. Мнение общества должно быть выражено абсолютно четко.

П. В. А вы уверены, что народ даст свое согласие?

Л. А. Если поймет, то даст. И сегодня все, кто заинтересован в будущем страны, в судьбе народа, кто желает ему добра, должны постараться убедить людей в необходимости этого шага. Убедить откровенностью позиций, искренностью оценок, не обещая ничего несбыточного, не скрывая трудностей, какие придется пережить, но и объясняя, что без перехода к рынку эффективной экономики и высокого уровня жизни нам не достичь.

Таковы два необходимейших условия для успешного осуществления задуманного. Теперь немного о первом. В программе, которую мы представили Верховному Совету, постарались максимально учесть все. И предложения науки — привлекли к этой работе крупнейших ученых. И мнения, которые высказывались в печати, на наших форумах — на Съезде народных депутатов, в Верховном Совете. И предложения из альтернативных вариантов, идущие из различных общественных движений. Мы провели моделирование предстоящих нововведений, показали наши модели ведущим ученым, просчитали все возможные последствия, плюсы и минусы. Никогда прежде работы такой глубины у нас не проводилось. Это был сложный процесс, в ходе которого возник трудный, мучительно тяжелый вопрос, на примере которого я хочу сейчас показать и наш метод работы, и способ мышления, и подход к проблеме согласия.

Мы просчитали два варианта перехода к рынку. Первый наиболее радикален: почти немедленный перевод цен на свободные, практически исключение госзаказа, предоставление максимальной свободы производителям и т. д. Модель показала: в первые два года резкий спад всего — объема производства, занятости, жизненного уровня, но спустя еще три года — поразительный скачок всех этих показателей вверх, на уровень, которого у нас не было ни в одной из последних пятилеток. Назову только одну, обобщающую цифру: увеличение национального дохода на 38—41 процент!

П. В. Ого! Фантастика!

Л. А. Да, но это через пять лет. А как прожить ближайшие два года? Посильна ли цена? И мы решили проверить вариант более умеренный. Анализ показал, что тоже произойдет спад. При переходе на рыночные условия он неизбежен, — но более пологий, медленный. Снижение жизненного уровня населения в целом по стране хотя и произойдет, но не очень большое, значительную часть населения постараемся защитить с помощью социальных программ. Одним словом, более плавное снижение, но и более медленный выход на оздоровление. К концу пятилетнего периода рост национального дохода по второму варианту всего на 10—15 процентов. Вы спросите, какой вариант лучше, предпочтительнее? Нет однозначного ответа. Вот мы и говорим: пусть общество выскажется. Народ сам должен сделать выбор.

П. В. Ну, а правительство как считает? Вы лично?

Л. А. Отнюдь не без колебаний и сомнений мы выбрали второй вариант. Потому что первый означает: не останавливаясь перед жертвами, любой ценой.

П. В. Вы считаете, болеть дольше и выздоравливать медленнее — лучше? Уверены, что у людей хватит сил и терпения ждать?

Л. А. А вы уверены, что общество, выбрав первый вариант, выдержит два года спада и не взорвется раньше, похоронив перестройку?

П. В. Да, но ждать еще два года и потом удовлетвориться весьма скромными результатами? Мы уже столько времени ждем, шестой год после апреля 1985-го идет! А положение все хуже и хуже. Может, все-таки два года перетерпеть, зато потом...

Л. А. Мы должны получить «добро» от народа на любой вариант, иметь от него полномочия действовать. Тут никак нельзя обойтись без реализма, взвешенности и чувства ответственности. Скажу откровенно, не уверен, всегда ли кратчайший путь лучший и готово ли общество — возбужденное, озлобленное, усталое — пойти на столь решительный шаг, каким является первый вариант. Слишком велик риск быть отброшенными назад на долгие годы. Хотя, конечно, по итоговым результатам этот вариант гораздо эффективнее и заманчивее.

И, наконец, еще один момент, который нельзя не учитывать. На нас — имею в виду в данном случае не правительство, а все руководство страны — лежит тяжкий груз невыполненных обещаний, который отягощает каждый наш шаг. Все же на исторической памяти народа: ему столько раз обещали! В таких условиях действовать труднее. Ну вот вам, Павел Генрихович, — всего лишь один пример. Нельзя объявлять о реформе цен за полгода. Иначе неизбежны колоссальные деформации. Как делалось в западноевропейских странах, Венгрии, Польше? Объявлялось за несколько дней, в лучшем случае за месяц. И рынок не успевал развалиться. Но это может себе позволить руководство, пользующееся высоким доверием народа. Мы же не можем сделать ни одного шага, не сказав о нем заранее. Иначе нас обвинят: вы что-то скрываете, правительство ведет нечестную игру. Поэтому, чтобы нас не заподозрили в каких-то недостойных замыслах, попытках что-то скрыть от народа, говорим прямо, то-то и то-то компенсируем, вот нам цифры, расчеты. О том, что не сможем компенсировать — я имею в виду повышение цен на ювелирные изделия, импортную видеотехнику, деликатесные продукты, иные предметы роскоши, всего на шестьдесят с лишним миллиардов, — тоже заявляем совершенно открыто.

П. В. К вопросу о компенсации. Он мне кажется наиболее важным. Нельзя допустить дальнейшего понижения жизненного уровня народа, или по крайней мере свести это к минимуму. Нужны дополнительные средства. Называют разные источники. Осмелюсь предложить еще один. Почему бы нам не обратиться за помощью к Западу, тоже прямо и открыто, чтобы таким образом попытаться восполнить наши нехватки и смягчить издержки хотя бы того же первого варианта перехода к рынку? Ясно же, что на Западе кранне заинтересованы в успехе нашей перестройки и там лучше, чем где бы то ни было, понимают, что без перехода на рыночную систему нам из тупика не выйти. Для них гораздо предпочтительнее, если мы восстановим свой экономический потенциал и окажемся в состоянии торговать с ними, чем, оставшись бедными будем и дальше с завистью глядеть на них.

Л. А. На Западе действительно довольно мощно звучат голоса, заинтересованные в нашей перестройке. Но не забывайте: Запад — не однородное, а весьма собирательное понятие, в нем представлены самые разные слои и настроения. И цена уступок, которых могли бы от нас потребовать, достаточно велика.

П. В. Разумеется, условия нам выставили бы, никто зря давать деньги не станет. Но если обратиться к исторически недавнему опыту, то поставленные нам условия, думаю, только способствовали бы созданию у нас здоровой экономики. Вспомните США, оказывая помощь Европе по плану Маршалла, очень жестко, можно сказать, бескомпромиссно требовали выполнения договоренности об использовании этой помощи — и что же? Европейские страны довольно быстро восстановили свою экономику, подняли уровень жизни народов и продолжают двигаться вперед.

Может быть, вы имеете в виду политические требования к нам? Но какие? Принять многопартийную систему? Она уже, по сути, существует. Отказ от нашего политического строя? Но, я думаю, на Западе понимают, что политические изменения у нас происходят под влиянием прежде всего внутренних факторов, а не внешних сил.

Л. А. Мне, откровенно говоря, не хотелось бы втягиваться в такого рода дискуссию. Скажу только, что существование двух систем не идеологический миф, а реальность. Да и если бы этот вопрос был вынесен на всенародный референдум, то я сильно сомневаюсь в положительной реакции. Знаю достаточно распространенные у нас антирыночные настроения, и если бы на них еще наложились все эти разговоры о «распродаже отечества», то вряд ли народ принял бы такой вариант.

П. В. Народ хочет хорошо, нормально жить.

Л. А. Сегодня модно говорить от имени народа. Хотя по-настоящему его еще не спрашивали. Сомневаюсь, чтобы заботы о хлебе насущном отодвинули в его сознании социально-политические и нравственные ценности, чувство гордости в конце концов. Мы должны рассчитывать в первую очередь на себя. Пока мы не создадим действительно мощных стимулов для предприимчивости, хозяйственного риска, новаторства, пока не образуем экономических структур, которые быстро реагируют на научно-технический прогресс, изменение общественных потребностей, пока не разворошим весь этот гигантский хозяйственный комплекс, заставив его поворачиваться все время лицом к потребителю, нас никто не спасет.

П. В. Но как только у нас появляется талантливый деловой человек, среда старается отторгнуть его, уничтожить. Вспомните того же Тарасова. Собрал выброшенное, ненужное, гниющее, отправил за границу и купил на эти деньги — для нас же! — компьютеры. Ужасный вред стране. А эта история с АНТом? Фактически АНТ обменял оружие на столь необходимый людям ширпотреб, перековал мечи на орала! И что с ним сделали? А вы говорите: стимулы, риск, новаторство. Кто же решится быть предприимчивым?

Л. А. Согласен с вами, она не слишком благоприятствует проявлению инициативы. Вот это и надо менять. К тому же, я думаю, ситуация не так безнадежна, потому что перестройка вызвала мощные созидательные, творческие силы, их значение нарастает. Мы четко различаем общественные движения и средства массовой информации, одни из которых защищают традиционную, антиперестроечную позицию, во многом уравнительную, а еще в большей степени иждивенческую — государство, дескать, должно обеспечить, не мы сами, а оно нас — и совсем другие силы и движения, выражающие новые подходы, новое мышление. То и дело мы узнаем о людях, в которых ярко проявляется деловая жилка, смелых, решительных, знающих толк в маркетинге. Незаурядные личности появляются в кооперативном движении, в возрождающихся коммерческих банках. Оказывается, несмотря ни на что не перевелись у нас такие люди! Да, встречаются там и жуликоватые...

П. В. А где они не встречаются?

Л. А. Верно. Надо подходить к этому взвешенно, умело отделять зерна от плевел.

П. В. Главное, чтобы человек знал: если он зарабатывает деньги честно, не преступая закон, никакие доходы не должны ставить под сомнение его личность. Ни в нравственном, ни в криминальном, ни в каком ином плане. Наоборот, он должен иметь возможность сделать самую блистательную карьеру. Как в любой развитой стране.

Л. А. Конечно, наращивать слой людей талантливых и хорошо разбирающихся в рынке очень непросто. Для этого надо отказаться от унаследованных от прошлого стереотипов мышления, пересмотреть во многом наш нравственный багаж и вообще систему ценностей. Знаете, я регулярно смотрю материалы социологических исследований, и вот что интересно. Подавляющее большинство граждан — восемьдесят процентов — против уравниловки, за распределение по труду. Но как по труду?

Давайте проанализируем: на чем основывается обычно неприятие предпринимательского дохода? Рассуждают просто: я работаю восемь часов и он работает восемь часов, ну ладно двенадцать часов, так пусть и получает в полтора раза больше, ну хорошо, в два с половиной раза больше, но не в десять же раз, не в сто! Тут камень преткновения даже в чисто теоретическом понимании. Когда мы говорим «по труду», привычно подразумеваем по затратам труда. А есть, и оно куда более важно, измерение по результатам. И результатам не в «штуках», а в смысле социально-экономическом, в рыночном. Человек, допустим, занимается посреднической деятельностью. Вот он овощи, которые в Средней Азии могут просто сгнить, собирает, перевозит и продает на Севере. Получает комиссионные, пусть небольшие, всего 0,5 процента. Но если он сумел реализовать тысячу тонн — это одно, а если десять тысяч — совсем другое, согласны? А если сто тысяч тонн?! Его заработок пропорционален конечному результату, не ценовому, — цена остается той же, пусть будет государственной, — а результату социально-экономическому. Он удовлетворил общественные потребности, накормил в сто раз больше людей. И его заработок вырос тоже в сто раз. Разве несправедливо? Это результат труда предпринимательского, оценку ему дает рынок. А сколько он при этом затратил времени — не имеет значения. Значение имеет степень удовлетворения общественных потребностей. Так во всем мире.

П. В. Только не у нас. Само слово «посредник» приобрело какой-то ругательный, позорный смысл.

Ну что же, Леонид Иванович, спасибо за беседу.

Л. А. Учитывая всю серьезность нынешней ситуации, понимая ответственность за судьбу страны, связанную с переходом на рыночную систему, хочу в заключение еще раз повторить: мы не можем опорочить, скомпрометировать этот переход в глазах народа. Слишком велика цена.

Позиция правительства разъяснена.
НО...

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО

ЯРОСЛАВСКИЙ МЯТЕЖНИК

КОГДА Павел Геннадиевич Пенкин был таким, как на этой фотографии, он учился на историко-филологическом Ярославском пединституте. Вопрос хлеба был одинаково насущным для всех однокашников-мужиков. В первые же каникулы засобирались «за туманом», за северными надбавками. Пенкин поспорил со всеми, что, не выезжая из Ярославской губернии, заработает больше.

Он пришел на крупный завод и спросил лысого кадровика: «В колхоз люди нужны?» «Милый, да ты неужто...» «Да» — ответил Пенкин потрясенному людоеду, в тот же день был оформлен токарем и отправлен в подшефный колхоз.

Председателю он спросил: «Может, кто из дворов в отпуск хочет? Я мог бы...» «Да», — ответил Пенкин и был немедленно оформлен дворкой.

Спросил дворов: «Вам барду с зеленкой кто-нибудь возит?» «Дак кто же теперь с лошадью-то управится?!»

Через два месяца Пенкин получил 2 зарплаты токаря, 2 — конюха, 4 — возчика кормов и 2 неплохие дворкины. Друзья-стройотрядовцы проспорили.

Значение жизни, здоровый авантюризм и находчивость фольклорного солдата он имел смолоду.

И смолоду был ловцом человеков. Та два месяца квартировал он у безмужней тетки с пятью детьми — ради заработка пустила. Чадолюбивой хозяйке повезло не была: после восьмого отсылала всех наследников в городское ПТУ с глаз подальше и на этом воспитание заканчивала. В лето пенинского постоя была очередь за последним. Худенький Сережка догуливал деньки деревенского детства и тосковал, как волчонок, — знал от старших, каково патрушная житуха. Пенкин понаблюдал за ним, поговорил вечерами и не сдержал в себе педагога. Поддавшись напору странного, во все лезущего приезжего, Сережкина мать согласилась кормить сына еще два года. Потом Пенкин помогал парню поступить в институт, через пять лет — трудоустраиваться. Сейчас этот Серяжа — коллега Пенкина, тоже председатель колхоза.

● ОКОНЧАНИЕ НА 11-й СТР.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

КАКАЯ ПАРТИЯ НАМ НУЖНА?

Чем ближе начало XXVIII съезда КПСС, тем острее дискуссии о том, какой быть партии. Суждений и предложений много. Чаще других спор возникает вокруг трех программных документов — «Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии», «Демократической платформы в КПСС» и «Марксистской платформы в КПСС». Впрочем, диапазон мнений гораздо шире этих «платформ».

В дискуссию включились не только члены КПСС, но и беспартийные. Ведь вопрос обновления партии касается всех нас.

Юрий БУРТИН

СТАРОГО ТИПА

Сегодня уже всем кажется признана необходимость реформы КПСС не только как одно из условий реальной перестройки в обществе, но и как условие сохранения самой партии в качестве сколько-нибудь влиятельной силы. Существуют однако, очень разные представления о том, насколько глубокой должна быть эта реформа и какой должна быть обновленная партия. Поскольку вопрос затрагивает всех как коммунистов, так и беспартийных, а также членов других партий, позволю себе высказать свои предложения. Их можно рассматривать и как форму участия в обсуждении проекта «Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии».

1. Примерно с середины 20-х годов РКП(б) — ВКП(б) — КПСС перестала быть, мне кажется, политической партией, то есть союзом равноправных единомышленников, а была превращена в особую, жестко иерархическую организацию, ставшую стержнем антинародного диктаторского режима. Возродить партию как партию можно лишь в условиях реальной многопартийности. Партия высказывается за легализацию, гарантированное законом равноправие и реальные возможности участия в политической жизни всех уже существующих и будущих партий — независимо от их отношения к социализму и иных программных установок (за исключением организаций, выступающих под лозунгами насилия и национальной вражды). Отказываясь от претензий на роль авангарда общества и от руководства деятельностью государственных и общественных предприятий и учреждений, она передает в руки общества районные и областные газеты, а также все остальные газеты и журналы, в настоящее время издаваемые партийными комитетами различного уровня.

6. Основу политической программы партии составляют идеи демократического социализма — в том понимании этого термина, которое принято в западной социал-демократии, а в последнее время получило распространение и в странах Центральной и Восточной Европы. Согласно этому пониманию, общественный строй, отвечающий принципам демократического социализма, представляет собой саморегулирующуюся и динамичную социально-экономическую систему, для которой характерны:

— при сохранении государственной собственности в некоторых отраслях народного хозяйства преобладание и полная свобода коллективной и индивидуальной хозяйственной деятельности на основе рыночных отношений;

— реальное народовластие, независимость суда, свобода печати и все другие нормы права и свободы, свойственные современной развитой демократии, без каких-либо ограничений;

— открытость общества, право наций на самоопределение, включая свободу вхождения в федерации (конфедерации) и выхода из них;

— развитие всех форм общественной самодеятельности как условие разностороннего развития личности, стремление к гармонизации межличностных, социальных, национальных и международных отношений на основе взаимоуважения, терпимости, доверия и сотрудничества.

От классического капитализма такой строй отличается тем, что большинство крупных и средних предприятий переходит в кооперативную собственность их трудовых коллективов, а также, особенно на первых порах, повышенным вниманием общества в помощи малообеспеченным слоям населения; от существующего «государственного социализма» — наличием частной собственности, заменой псевдорыночных «товарно-денежных отношений», в основе которых лежит директивное планирование, фондированное распределение ресурсов и «хозрасчет» на базе спущенных сверху цен, отношениями свободного рынка, естественным результатом которых является бездефицитная высокоэффективная экономика. В политической сфере демократический социализм представляет собой диаметральную противоположность тоталитарной системе сталинско - брежневского образца, в от развитого капиталистического общества отличается (в СССР) сохранением системы Советов, наполненной, однако, в условиях многопартийности принципиально новым содержанием. Указанный строй рассматривается партией не как цель, которая может быть достигнута раз и навсегда, но как непрерывный процесс самоизменения человека и общества — самоизменения, органичность (стихийность) которого сочетается в разумных пропорциях с регулирующими воздействиями государства; последнее выступает в качестве контролируемого органа всего общества и выступает главным образом средством развития и социальной защиты.

7. Теоретическая деятельность партии (для организации которой существует свой исследовательский центр) состоит прежде всего в комплексной разработке проблем демократического социализма, чтобы обеспечить постоянную корректировку партией своей политики и программных установок. Ближайшей задачей такой деятельности является создание прогностической модели первичных форм демократического социализма для СССР и выработки оптимальных путей мирного перехода к ним из нынешнего кризисного состояния нашей общественной системы. Отдавая должное всем прежним и современным течениям общественной мысли, заключающим в себе те или иные элементы общечеловеческих ценностей, в том числе фундаментальным идеям Маркса и Ленина, партия, членами которой могут быть представители всех наций и социальных слоев, люди исповедующие любые религиозные и атеистические взгляды, сторонники по преимуществу коллективной и по преимуществу частной собственности и т. д., не связывает себя исключительной приверженностью какой-либо социально-исторической доктрине и философской системе. Поэтому, а также исходя из всего опыта общественного развития в XX веке как в нашей стране, так и за рубежом партия считает необходимым изменить свое название и именоваться впредь Партией демократического социализма (ПДС).

8. Близость вышеизложенного к программным установкам демплатформы, а также «Демократической России» и ряда других общественных организаций и движений, возникших в стране за последние годы, открывает возможность их объединения с ПДС, для самой же ПДС — перспективу ее вхождения в Социалистический Интернационал, что в свою очередь могло бы способствовать преодолению барьеров, отделяющих нас от западного мира, объединению усилий по разрешению общеевропейских и глобальных проблем.

Мои предложения намечают, понятно, лишь общие контуры обновления партии, оставляя без упоминания многое из того, что должно быть отражено в ее программе и уставе.

Трудно ждать, чтобы серьезное обновление партии могло оказаться привлекательным для всех ее нынешних членов. Многие из них, включая преобладающую часть партаппаратчиков, попытаются сохранить КПСС в прежнем виде, лишь подвергнув ее тому или иному «косметическому ремонту». При неудаче таких попыток они, скорее всего, покинут партию, перестав видеть в ней что-либо полезное для себя. При удаче неизбежен раскол. Однако в нынешних условиях им почти гарантирована удача. Если партия даст себе обменуть этой временной и мнимой удачей, то в недалеком будущем ее ждет крах.

> «Обновленную партию я представляю себе как партию равных, в которой не будет ни начальников, ни подчиненных... Понятие партийной дисциплины исключается из обихода партии»

партия может становиться правящей лишь по мандату избирателей, но и в этом случае сама не имеет никаких властных функций.

2. Естественно, при таких условиях партии не нужен весь ее нынешний огромный руководящий аппарат. Он должен быть снизу доверху распущен, а его сотрудникам должны быть предоставлены возможности заняться производительным трудом в народном хозяйстве. Партийная деятельность во всех звеньях организационной структуры должна осуществляться в основном на общественных началах, при наличии лишь небольшого числа работников, занимающихся исключительно делами партии и получающих зарплату из ее кассы: по 1—2 работника в районном и областном звеньях, по 10—20 — в республиканском и союзном руководстве. Заработная плата этим людям устанавливается в пределах определенного «партмаксимума» (например, не свыше 500 рублей в месяц). В сочетании с отказом партии от властных полномочий в ее членов — от каких бы то ни было привилегий (преимущество при замещении руководящих должностей в государственном аппарате, возможность заслониться от уголовной ответственности партийным взысканием и пр.) это сразу очистит партию от авантюристов и карьеристов, что, безусловно, резко повысит ее политический и нравственный авторитет.

3. В основу организационного строения партии кладется исключительно территориальный принцип. Члены партии могут объединяться по месту работы лишь для партийной деятельности без какого-либо вмешательства в производственную сферу предприятий и учреждений. Взамен распускаемых партийных комитетов основными организационными центрами деятельности партии, в том числе при проведении избирательных кампаний, становятся партийные клубы. Партия высказывается за запрещение каких бы то ни было политических организаций в Вооруженных Силах, органах прокуратуры и суда, милиции и государственной безопасности; соответствующие организации КПСС должны быть распущены. Вопрос о вступлении республиканских партий в союзную и о выходе из нее относится к компетенции республиканских организаций.

4. Обновленную партию я представляю себе как партию равных, в которой не будет ни начальников, ни подчиненных. Любой ее член должен иметь право свободного доступа ко всем без исключения документам, принимаемым руководящими органами партии, стенограммам обсуждений, архиву и пр. Понятие партийной дисциплины исключается из обихода партии: ее члены в соответствии со своими убеждениями добровольно выполняют взятые на себя обязанности, решения партийных организаций либо заявляют о своем несогласии с ними. В интересах обеспечения свободы мнений и динамизма развития партии в меняющемся мире признается законным существование в ней различных фракций в пределах общих принципов партийной программы. Для вступления в партию и выходе из нее достаточно заявления в территориальную ор-

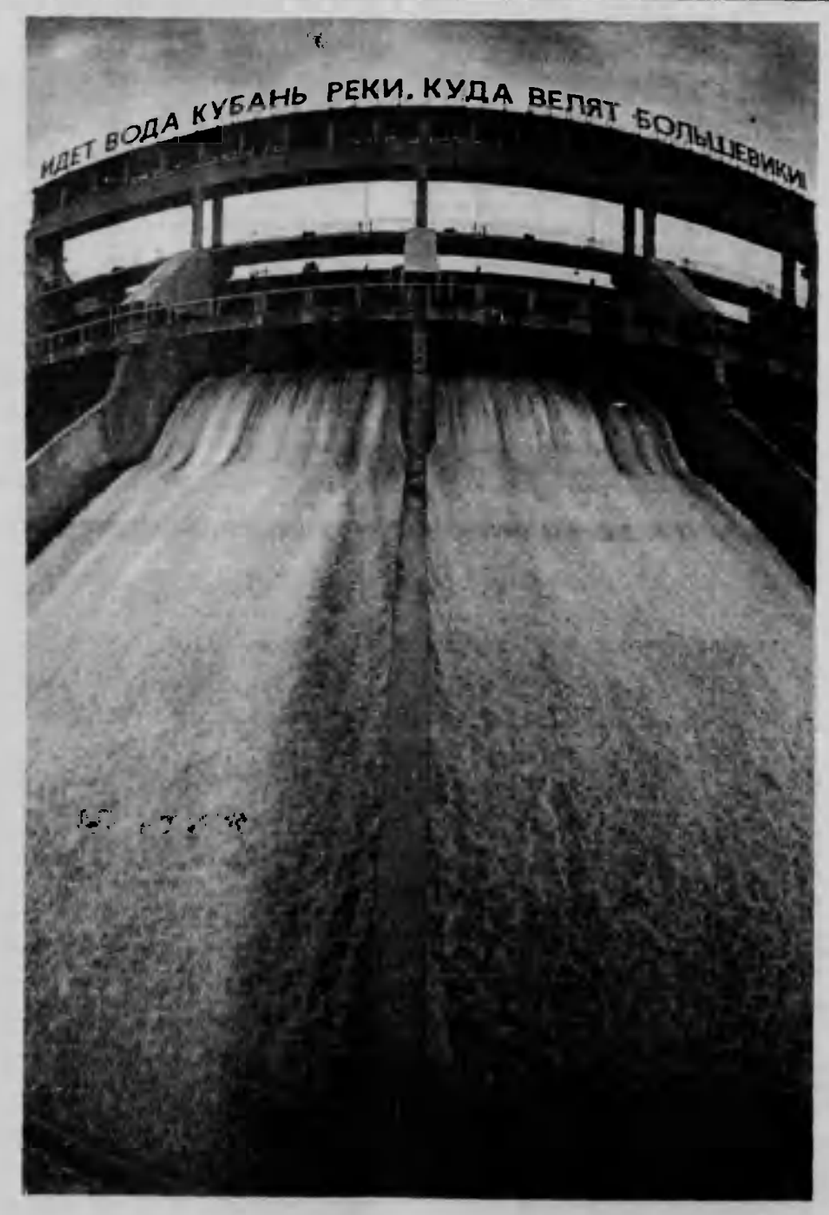


Фото Ю. ПЕТШАНОВСКОГО

Алексей БРЯЧИХИН

НОВОГО ТИПА

Вроде бы половинчатость налицо. А то и абсурд. Ведь может существовать или план, или рынок. Но мне видится в этой формуле определенная тактика и стратегия на современном переходном этапе. А именно: плавный, постепенный переход к рынку. Формула отражает эту тенденцию.

Демократы, конечно, выглядят решительнее — они предлагают: «Давай рынок немедленно и повсеместно!». Радикально, но... безответственно. Переход к рыночным отношениям крайне мучителен. Тем более в такой стране, как наша. Уверен, мы до конца это еще не осознаем. Подбадриваем друг друга: потерпим немного, затянем ремешки, а затем наступит райская жизнь. Ах, сколько раз уже нам был обещан рай при жизни! Кстати, успешно перейти к рынку от централизованной экономики пока не удалось никому.

Народные депутаты утверждают, будто у нас 43 миллиона человек за гранью бедности. За какую же грань поставит их переход к рынку? Ведь рост цен первоначально неизбежен.

У нас сегодня примерно четверть убыточных предприятий. Многим из них в новых условиях предстоит банкротство. За заводскими воротами окажутся миллионы безработных. Куда им идти? На баррикады! Или на паперть, в нищие? Пособие по безработице? Да где же у нас этот колоссальный фонд? А монополизм нашего производства? Пока он существует, настоящий рынок невозможен, а значит, на снижение цен тоже рассчитывать не приходится.

И в то же время пути назад нет, только вперед — к рынку. Вот партия и прокладывает мостик, соединяя два берега: «план» и «рынок». Чем ближе к рынку, тем дальше от плана. То есть государство поначалу будет оберегать сектор жизнедеятельности, контролируя выпуск товаров (количество, цены), без которых попросту не прожить и дня. Так я понимаю эту позицию Платформы.

Один из главнейших моментов противостояния платформ — принцип демократического централизма. Демократы его теоретически отвергают, в проекте Платформы ЦК он есть.

Мы сегодня осознали, и это замечательно, что существует проблема защиты меньшинства. Долгие годы подавление всякого инакомыслия привели к печальным результатам. Но дать право несогласному меньшинству не выполнять общую волю (исключить то есть принцип демократического централизма) — значит превратить партию в посиделки. Так ничего невозможно добиться. Поговорили — и разошлись каждый в свою сторону. При подобном принципе ни одна управленческая структура нежизнеспособна. Да, спорь, отстаивай каждый свою истину, еще и еще раз убеждай всех в своей правоте, но когда договорились, решили — подчинись общей воле. Это, впрочем, ничуть не исключает фракций и оппозиций. Напротив, я вижу в них лекарство от застоя, залог развития и здоровья, страховку от крайностей. И жаль, что Пленум ЦК исключил такую возможность из первоначального проекта Платформы. Но, думаю, последнее слово все же за съездом.

Кстати, демократы в Моссовете вполне используют принцип демократического централизма, который так дружно ругают. Пока, скажем, блок «Демократическая Россия» вырабатывает свою позицию, каждый волен иметь свою точку зрения. Но проголосовали, а на сессию все выходят единым строем. Наша группа «Москва», в которую я вхожу, тем и меньшинство. Почти всегда проходят решения, предложенные «Демократической Россией». Так что же нам в такой ситуации делать? Уйти, хлопнув дверью, как кое-кто предлагает? Бойкотировать голосование? Саботировать решения? Нет! Категорически не согласен. Бороться на трибуне до последнего, убеждать, вербовать сторонников, искать компромиссы. Но коли проиграл — подчинись. Решение принято. И ты должен его вместе со всеми выполнять. Будут еще дебаты, будут еще новые решения. Там и посмотрим...

Да, в условиях однопартийности принцип демократического централизма опасен. Он вынуждает инакомыслящих к лицемерию. Вспомним хотя бы троцкистов. Вычищенные за взгляды из партии, они вынуждены были отрекаться от своих идей. Иначе им путь к общественной деятельности был бы заказан. Вот и приходилось им каяться, а потом приниматься за свое, заслуживая обвинение в двурушничестве. Иная ситуация, когда существует многопартийность. Не согласен с большинством по программным, принципиальным вопросам — вступай в другую, более близкую тебе партию. А то и организуй свою.

В этой связи я хотел бы вспомнить о письме ЦК к коммунистам, вызвавшем, насколько знаю, далеко не однозначную реакцию. У меня тоже оно вызвало противоречивые чувства. Вроде бы обращение заставляет каждого задуматься — с кем ты? И это хорошо. Ведь нынче у каждого есть выбор. Беспартийность перестала быть помехой в карьере. Нахождение в рядах другой партии тоже не возбраняется. Так что пусть каждый решит для себя. Но вот ведь странно: ЦК предлагается размежеваться уже сегодня, вычищать из партии, по сути, тех, кто не принимает проект Платформы. Подчеркиваю — проект. Еще нет нового устава, не принята программа. Кому же и на каком основании будет дано право разделять коммунистов на «чистых» и «нечистых»?

> «Во фракциях и оппозициях я вижу лекарство от застоя, залог развития и здоровья, страховку от крайностей»

Как сам себя называет Брячихин, он портраВотник переходного периода. «Сумеем успешно перейти и провести за собой людей — значит, завоюем авторитет и право быть правящей партией. Нет — значит, придется уступить место другим».

Называю я связи с этим страны, в которых в таком праве коммунистам уже отказано. «Разве не мало было к тому оснований?» «А кто может сегодня предъявить нам такой счет? — парирует Брячихин. — Мы все вышли из прежней системы. И ультралевые, и ультраправые. Сейчас нужно начать все с новой строки. Все мы сегодня пытаемся начать с новой строки. Но и прежние не вычеркнешь. Так или иначе новые строки из продолжают...

Брячихин видит главную причину нынешних трудностей в безвластии. Новые структуры еще не успели взять штурвал управления, старые повсеместно выпускают его из рук. Честь партийных комитетов, по его мнению, вообще устремилось от жизни, честь пытается руководить по старинке, командуя.

— Гвоздь вопроса в том, чтобы удержать власть чисто политическими методами, авторитетом.

— А может, надо поскорее передать ее Советам?

— Пока они еще не в состоянии власть взять. Многие из них, вместо того чтобы сразу же заняться неотложными хозяйственными и бытовыми проблемами нашей жизни, ведут бесконечные политические диспуты. В Моссовете, например, долго решали, выносить со сцены бюст Ленина или нет. Сегодня еще совершенно неясно, как сочетать работу Советов и их исполкомов. Задумано вроде бы правильно — разделить законодательную и исполнительную власть. Но что это означает на уровне города и тем более района! Какие законы станет принимать райсовет!

Словом, А. Брячихин подводит к мысли, что пока партаппарат устраняться от управления не имеет права. Он рассказывает новосходом, как его райком пытается взаимодействовать территорию — работает с населением, пенсионерами, с пострадавшими от репрессий, с инвалидами и... неформалами. Что ни день, в райкоме заседают представители самых разных движений и партий...

В какой-то мере я представил Алексея Брячихина. Теперь читатель, думаю, сможет понять, что значит быть вольнодумцем и радикалом в партаппарате и консерватором в Моссовете. И где сосредоточено место таких людей — впереди, позади, с краю...

Г. ЦЕЛМС

НОВАЯ РУБРИКА

ЗА СТРОКОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОГО УКАЗА

Л. ВЕЛИКАНОВА,
обозреватель «ЛГ»

Д. ХОДЖАЕВ,
заместитель начальника отдела Госплана СССР

Когда сбудутся надежды на отдельную квартиру

— Очередь на жилье не уменьшается, говорится в Указе Президента о новых подходах к решению жилищной проблемы. Выходит, четыре года назад, когда ставилась задача обеспечить к 2000 году каждую семью квартирой или домом, расчеты были сделаны непреложно!

— Нет, дело не в расчетах, хотя, планируя жилищную 15-летку, мы не обладали очень многими исходными данными, чтобы достаточно квалифицированно все подсчитать. Не совсем ясно было даже, что считать семьей и что — отдельной квартирой (если семья, допустим, сложная, двух-, трехпоколенная, за одну ее считать или за две, три? Квартиру — отдельной или нет?).

Сейчас иное дело. Впервые за всю историю Советской власти прошла в прошлом году перепись населения, в которой большую долю — примерно треть переписных листов — составила оценка жилищных условий. То есть мы впервые за 70 с лишним лет можем сказать, как живет наш народ.

— Хотелось бы нам можно более детально остановиться на результатах переписи (тем более что они еще не опубликованы), разобраться прежде всего, сколько и каких у нас семей — это же одна из главных составляющих жилищной проблемы.

— Надо признаться, мы с большим трепетом ожидали, что скажут статистики. А потом вздохнули с облегчением: наши предварительные расчеты оказались достаточно достоверными. Мы считали, что к концу века в стране будет 313,6 миллиона человек, а по итогам переписи и новым прогнозам выходит даже несколько меньше — 312,7.

Что с семьями? В стране, согласно переписи, 73 миллиона семей. 13 миллионов из них — временно живут отдельно от своих родных (студенты, рабочие, уехавшие на заработки, солдаты, заключенные). Следует учесть, что небольшая часть из них в семью не вернется, психологически не в состоянии с ними соединиться.

Да плюс к тому 16,4 миллиона настоящих семей-одиночек, отдельных хозяйственных ячеек. Всего, таким образом, у нас 89,4 миллиона семей и одиночек, нуждающихся в отдельном жилье. К 2000 году будет 97,5 миллиона (до переписи мы считали 97,1 миллиона).

— Теперь — о главном итоге переписи, о том, где и как народ живет.

— К концу нынешнего года у нас будет приходиться в среднем 16 квадратных метров общей площади на человека...

— Так мало!

— Мало. И при колоссальном «разбросе»: от 9,1 кв. м на человека в Таджикистане до 21,6 — в Эстонии. Но при этом, как ни парадоксально, самый высокий процент имеющих отдельное жилье (95,2 процента семей) — именно в Таджикистане, потому что семьи там не хотят делиться. В Таджикистане и 12 человек — одна семья, если даже она живет очень тесно. Но претендует на один дом, одну квартиру. В Европейской части страны большинство хотят жить порознь.

В целом отдельное жилье имеет 65,3 миллиона семей — 90,7 процента. Не имеют — 9,3 процента, или 6,7 миллиона семей (живут в «коммуналках», общежитиях или арендуют у частных лиц).

У одиночек дела обстоят хуже, так что при окончательном подсчете выходит, что отдельными квартирами и домами обеспечено только 87,3 процента семей и одиночек. Остальных — а это 11 миллионов — и будем обеспечивать в предстоящие 10 лет.

— Данные, казалось бы, не такие уж страшные. А живут-то люди ужасно. Как все это соотносится между собой? Что показывает перепись (в президентском Указе названа одна цифра: 6,5 миллиона семей имеет меньше пяти квадратных метров жилой площади на человека)?

— По переписи картина такая: меньше пяти квадратных метров жилой площади на человека имеет действительно 4,5 миллиона семей (6,2 процента), от пяти до девяти квадратных метров — 30,5 процента, от девяти до четырнадцати квадратных метров — 41,5 процента, 15 и больше — 21,8 процента семей.

Получив эти цифры, мы прикинули, сколько квартир необходимо, чтобы переселить, например, всех, у кого на человека приходится меньше девяти квадратных метров жилой площади. Это позволит решить проблему сложных семей.

— Из президентского Указа вытекает, что жилищное строительство возрастет вдвое, до 230—240 миллионов квадратных метров площади уже в 1995 году. Реально ли это, учитывая, что нынешняя жилищная пятилетка завалена!

— На тринадцатую пятилетку задание и в самом деле очень напряженное. Я бы даже сказал, что определенные опасения, что оно может быть не выполнено, есть. А вот на десять лет программа вполне реальная, поскольку новая строительная база будет уже создана.

Расчет на десятилетку такой: 9 миллионов новых отдельных квартир надо иметь для тех, у кого их сейчас нет вовсе, 15,5 миллиона — для того, чтобы разуплотнить сложные семьи. Кроме того, 1,5 миллиона квартир понадобится построить, чтобы переселить из зон бедствия (в связи с аварией в Чернобыле, из-за национальных распрей), в связи с демобилизацией армии. Если все это сложить, получится 26 миллионов квартир. А мы намечаем построить к 2000 году 30 миллионов, так что 10—15 процентов (4 млн. квартир) — это наш резерв на непредвиденные расселения.

— Эта цифра — 30 миллионов квартир к концу веке — названа в Указе, но что за ней, непонятно. Как мы будем жить через 10 лет! Ну, сможем, сколько квадратных метров жилья будет приходиться на человека! Сколько комнат!

— В среднем по стране — 19,5 квадратных метра общей площади на человека. Комнат (тоже в среднем) по одной на человека. По республикам показатели будут иными. Это, конечно, не решение, далеко не решение жилищной проблемы. Надо понять: 2000 год—лишь рубеж, этап, уход от нищеты. Сверхзадачей предстоящего десятилетия является создание таких условий, при которых любой гражданин страны мог бы реализовать свое конституционное право на жилье с учетом желания, трудового вклада. Надо наконец раскрепостить человека в выборе и типа жилья, и места жительства.

— Раскрепостить, конечно, надо. Существует ли, однако, механизм такого раскрепощения! Фактически речь идет о включении жилищного фонда в систему рыночных отношений!

— Да, если говорить о конечной цели, то она состоит именно в том, что квартиры, дома должны перейти в личную собственность граждан. Но реализовать эту идею очень непросто — многие даже не представляют себе, несколько сильны в сознании большинства уравнительные тенденции, особенно когда дело касается жилья. Это показало исследование, которое по нашей просьбе провел Всесоюзный центр по изучению общественного мнения: около половины — 46 процентов опрошенных — считает, что жилье должно предоставляться всем по одинаковым нормам, независимо ни от трудового вклада, ни от материального положения. Еще 16 процентов тоже настаивают на одинаковых нормах распределения, но те, у кого особые заслуги, по их мнению, должны иметь преимущества. Лишь 24 процента опрошенных стоит на той точке зрения, что жилищные условия должны зависеть от материальных возможностей семей, но государство обязано помогать малообеспеченным. И, наконец, 6 процентов считают, что человек должен сам беспокоиться о том, как и где он живет. Таким образом, как видите, подавляющее большинство еще не готово к тому, чтобы включить жилищный фонд в сферу рыночных отношений.

— Хотелось бы разобраться в концепции новой жилищной политики. Она уже разработана!

— Она разработана достаточно четко. Первое ее звено — это увеличение государственных затрат на жилье, имеются в виду как средства союзного, так и республиканских и местных бюджетов. Начиная с 13-й пятилетки больше половины всех строительно-монтажных работ будет идти на объектах социальной сферы, из них 60 процентов — на жилье.

В то же время мы должны признаться в том, что решение жилищной проблемы только за счет государственных источников, без самого широкого привлечения средств населения, — задача совершенно не реальная. Так что если в нынешней пятилетке примерно 25—26 процентов строящегося жилья — это индивидуальные и кооперативные дома, то, чтобы решить жилищную проблему, надо довести их удельный вес в тринадцатой пятилетке до 44 процентов, а в четырнадцатой — до 55 процентов. То есть из двух миллиардов квадратных метров, что мы собираемся соорудить за 10 лет, примерно миллиард должен быть построен с привлечением личных сбережений населения.

— А предприятие, их ресурсы! Как одно с другим предполагается складывать!

— Подобно тому как в аграрной политике мы признали равноправие различных форм собственности — от крестьянских и фермерских хозяйств до агрокомбинатов и агрофирм, — так и в жилищной политике нам надо перейти к многоукладности. Должны сосуществовать самые разные формы собственности на жилье — личная, кооперативная, коллективная, разнообразные источники финансирования. Собственность предприятий, организаций, акционерных обществ. Собственность коммунальная. Доля государственной собственности — относительно, а не абсолютно — будет все время снижаться.

Таким образом, мы должны перейти от принципа преимущественного распределения квартир к принципу их преимущественного зарабатывания — предприятиями, организациями, отдельными гражданами.

Смысл многоукладности заключается в том, чтобы четко определить, какие семьи будут получать бесплатные государственные квартиры — скажем, ветераны войны и труда, семьи военнослужащих и демобилизующихся из Вооруженных Сил, семьи с низкими доходами. А дальше мы должны думать, кому на льготных условиях дать возможность в первую очередь построить индивидуальный дом или кооперативную квартиру, а кто может просто купить то, что построено.

Такое ранжирование — по средствам и по труду — очень ускорит решение жилищной проблемы. Особенно большие надежды мы возлагаем на индивидуальные дома, здесь тоже нужна полная переориентировка. малоэтажное строительство ведет весь цивилизованный мир.

— А мы даже в Ялте строим уродливые крупнопанельные дома...

— Хуже всего в этом смысле положение в России. Если взять эту пятилетку, например, то в Узбекистане индивидуальное строительство составляет 51 процент от всего ввода жилья, на Украине — 26 процентов, а в России — только семь. Меньше, чем везде!

— В Указе говорится о первоочередности предоставления ссуд и кредитов на индивидуальное жилищное строительство. Думаю, этот пункт вызовет большой интерес. Как его понимать!

— Можно в первую очередь давать кредиты на автомобиль, еще на что-то. А можно — именно на жилье. Но это не значит, что ссуды начнут выдавать завтра. При дефиците бюджета эти средства надо еще подкопить.

Второе главное направление в решении жилищной проблемы — кооперативные квартиры.

— Тоже зона несправедливости: за свои деньги—и долгие ожидание в очередях. Власти относятся с пренебрежением, со строителями и ремонтниками не договоришься.

— Все должно быть организовано по-другому. И это «по-другому» уже начинается: с 1 июля все, кто выплатил полностью пай за кооперативные квартиры, становятся их полными владельцами. Могут их подарить, продать, передать по наследству.

— Не пай, а именно квартиру!

— Да, не пай, а квартиру. Правда, еще будут ограничения, связанные с пропиской, пока никто ее не отменил. Но в целом владелец свободен распоряжаться квартирой полностью. Одно это стимулирует развитие жилищной кооперации.

Но еще больше — новая форма, которая пока почти не практиковалась: продажа кооперативам готовых домов построенных либо государством, либо предприятием.

Погода на завтра

Сегодня в очереди на квартиры стоят 14 миллионов семей, это примерно 45 миллионов человек. Иные ждут уже по 15—20 лет, другие только что встали. Так вот, надо создать условия, при которых очередь будет двигаться с двух сторон: те, кто в начале, — бесплатно, кто в хвосте — за деньги.

Преимущества таких кооперативов большие. Дом уже построен — вот он. Вот твоя квартира, ты ее видишь, это не кот в мешке, как сейчас. И вступительный взнос должен быть относительно небольшим, да еще на него и кредит могут дать. И въезжать можно хоть сегодня. А с тех, кто стоит в очереди, скажем, лет 15 и готов поехать в кооперативную квартиру, я бы вообще денег не брал. Все равно государству выгодно, потому что члены кооператива будут сами содержать свой дом. Для тех, кто стоит 10 лет, стоило бы установить половинную плату, то есть иметь шкалу льготных условий, чтобы привлечь очередников в кооперативы.

И, наконец, продажа квартир в личную собственность.

— Которая пока почти нигде «не идет»...

— В прошлом году было продано по всей стране всего 35 829 квартир, получено за них 117 миллионов 173 тысячи рублей. Это, конечно, мизер. Почему так вышло? Прежде всего потому, что совершенно не продавались квартиры в новых домах. Процентов 10 новых квартир надо разрешить к продаже — тем же очередникам например. Во-вторых, надо резко снизить первоначальный взнос (до 35 процентов балансовой стоимости квартиры) и увеличить рассрочку — до 15 лет. В иных случаях цену выкупаемой квартиры можно снизить и вдвое — все зависит от ее качества, месторасположения, состояния.

А у нас все наоборот. Цены на квартиры мы взвинтили (на иные до 70 000 рублей!), кто же заинтересуется такой дорогой «продукцией»?

— Обсуждая новые подходы к решению жилищной проблемы, нельзя не коснуться так называемых элитарных домов, принадлежащих ЦК КПСС, обкомам, горкомам партии, Совмину СССР, другим престижным ведомствам. Домов для привилегированных аппаратчиков и обслуживающего их персонала. Дома очень дорогие, с громадными мраморными вестибюлями, импортным оборудованием, холлами, огромными кухнями, двумя туалетами — общая площадь двухкомнатных квартир в таких домах около ста квадратных метров, трехкомнатных — больше ста тридцати, четырехкомнатных — около ста пятидесяти. Как в нынешних условиях с ними быть!

— Конечно, никаких домов для привилегированной касты в наше перестроечное, демократическое время быть не должно — это наследство административно-командной системы. Все вопросы, связанные с утверждением новых проектов и распределением квартир в достраивающихся элитарных домах, должны решаться вновь избранными демократическим путем местными Советами народных депутатов. На основе жилищного законодательства.

— Несколько слов о квартплате. Здесь, судя по Указу, изменения будут большие. Подсчитывал ли кто-нибудь, насколько она возрастет! Останутся ли действующие сейчас льготы! Какой будет плата за излишки!

— Принципы установлены общие: оплата в зависимости от размеров и качества жилья, наличия излишков площади. А вот какие будут категории домов и квартир, сколько этих категорий установят, какие ставки квартирной платы утвердят — все это передано в республики, что и справедливо, поскольку положение по регионам, в том числе и санитарные нормы на жилье, разное.

О льготах. Сейчас действует 76 законодательных актов, предусматривающих льготы на оплату излишков жилплощади. Вот республики и должны посмотреть, кому их оставить — актерам, генералам, кандидатам наук, писателям, аппаратным работникам?

На мой взгляд, льготы должны иметь нуждающиеся пенсионеры, оставшиеся на склоне лет в большой квартире и не имеющие средств на ее оплату.

А в принципе высокая ставка оплаты излишков — резерв решения жилищной проблемы. К тому же экономически выгодным будет переезд из большой квартиры в меньшую: разницу в комнатах государство оплатит.

— А как будут выглядеть новые основы жилищного законодательства!

— Все, о чем говорится в Указе Президента, должно найти в них свое отражение. И при этом новое законодательство должно быть компактным: определить принципы, а не диктовать. Детализация найдет отражение либо в дополнениях к республиканским жилищным кодексам, либо в их полном пересмотре.

Фото Ю. ФЕДОТОВА

Хорошо сидим

ЯРОСЛАВСКИЙ МЯТЕЖНИК

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-й СТР.

В душе, признается Пенкин, он всегда был «зеленым» и в экологическую чистоту, а попросту — в деревню, всегда тянулся патологически. Одинокашники-гуманитарии для приработка и крыши устраивались дворниками. (Были семидесятые, расцвет застоя, время умных дворников.) Он и тут робинзонил по-своему: устроился истопником в некрасовскую Карабиху, жил там во флигеле, заодно частенько водил по музею экскурсии, ладил с администрацией — и она сквозь пальцы смотрела на то, что к студиозусу-истопнику постепенно переселились из общаг, дворницких и даже родительских квартир городские друзья. Чаи ночные гонялись, цветом и крепостью в блаженной памяти тогдашнюю «Гымзу», и сама она как таковая имела место в ночных студенческих бдениях, — словом, образовался, опять-таки в духе семидесятых, вольнолюбивый кружок. И в том же самом духа вызвал соответствующую реакцию. Где надо поговорили с кем надо, и уже следующий учебный год Пенкин занимался в институте «по личному творческому плану»: оставаясь студентом-очником и абсолютно круглым отличником, был направлен «на педагогическую практику» в глухую сельскую школу.

Каравшие, как и часто в ту пору, попали пальцем в небо — не было для него та ссылка наказанием. В эту же самую глухую деревню Пенкин пришел работать сам, получив «красный» диплом.

ДВА ГОДА назад Пенкин, пробыв десять лет председателем колхоза имени Кутузова Гаврилов-Ямского района — из крепких хозяйств в области, — на общем собрании предложил колхоз распустить. «Основных производственных фондов у нас на душу, — повинил, — приходится по 7 тысяч рублей. Это пай каждого. Предлагаю создать акционерное общество. Желающие могут вступить с этим своим паем и к нему добавить личные сбережения. Нежелающим пай выплатим или выдадим натурой. На акции будем платить дивиденд».

О том, что скажут в районе и области, Пенкин в тот момент не думал. Но и не блефовал. Он искренне пытался превратить сидящих в зале в сообщество людей, одинаково заботящихся о прибыльности, разумности и выгодности совместных дел.

От тех времен, когда водил по Карабихе экскурсии (туристы не подозревали, что перед ними переодетый неблагонадежный истопник), Пенкин сентиментально хранит письма, приходившие потом из разных мест, как у нас положено, с коллективными подписями: «Вспоминаем Вас с благодарностью. Нам кажется, нужно быть очень добрым человеком и нужно очень любить и свою работу, и вообще жизнь и людей, чтобы заставить слушателей почувствовать то же, что чувствуешь сам...»

Колхозное собрание — это вам не экскурсанты. Проголосовали за половину пенкинского предложения. Колхоз не распустили, чтоб еще хуже не вышло, но акционерное общество решили создать.

Сначала в районе не поняли, что произошло. В отделении спецбанка без всяких возражений открыли Пенкину счет, на который должны были поступить средства акционерного общества. Но когда в тот же день в отделение сбербанка явились новоиспеченные акционеры забирать сбережения, тревога поднялась выше районного уровня. Утром следующего дня счет акционерного общества уже был арестован.

Не только те 340 миллиардов рублей, которые, по официальным данным, лежат у нас на книжках, но даже ежегодная прогнозируемая прибавка к ним планирующими напоминания органами даеным-давно рассматривается как их собственность, как часть госбюджета, их произволу подлежащая. Дав нам на некоторое время подержать в руках свои разноцветные долговые обязательства — деньги, — не предлагая в обмен на них товары, а лишь сообщая торжественно о росте наших доходов и благосостояния, государственный Левиафан бестоварьем и дефицитом вынуждает нас отдавать эти деньги ему назад (с потерей, с заведомой потерей: 2 процента нам платит Сбербанк, 8,5 процента в год — инфляция) и вновь пускает их, уже кровные наши, в тот же безнадежный порочный круг задредитованности. Конкурировать с Левиафаном «низззя». На свои честно заработанные наладить производство необходимого товара невозможно. Можно лишь отдать ему и наблюдать за тем, какие еще каналы, трассы вена или города-сады он наворочает.

Решение об акционерном обществе и приход колхозников в сбербанк было актом недоверия Левиафану, требованием вернуть заработанное, чтобы распоряжаться им по своему уму.

Счет Пенкин сумел «расконвоировать». В начале 1989 года на общем собрании колхоза всем акционерам был выплачен первый дивиденд: 15 процентов от стоимости купленных акций. Шофер Борисов и председатель Пенкин получили по полторы тысячи. Об этом в несколько строк сообщили «Известия», и теперь Пенкин показывает огромную пачку писем со всей страны, не блюдущие тайны вклада, не боящиеся ржетиров, изверившиеся в Левиафане люди наши, называя фамилии свои и адреса, предлагают от 10 до 60 тысяч рублей, умоляют принять в общество. Пенкин убежден: не в рантье они набиваются — хотят, чтоб полезно наконец овеществился их прошлый труд.

Пути использования акционерного капитала? «Ладно, — машет рукой Пенкин — пока настоящей коммерческой тайны у нас еще нет, записывай: в основном посредничаем. Убедились, что самое выгодное сейчас — потому как самое нужное. Организуем желающим деловые поездки в Китай — у нас крепкие контакты с одной крупной тамошней фирмой. Покупаем и продаем компьютеры. Собираемся на паях учредить международный деловой клуб — штаб-квартира будет в Ростове, у нас охота, рыбалка — валюта».

А как же, чуть не закричал я, а как же сельхозпроизводство?! Где же всемерное наращивание выпуска сельхозпродукции?!

Хорошо, что не крикнул: начитан Пенкин, и над головой в его кабинете — полка с Иваном Васильевым, Лисичкиным, Селюниным, прочими живыми классиками. За рефлекторно-застойный крик было б мне влеплено полной мерой. Ведь так же точно праведно орали судьи на Снимщикова и Кукелиса, мотая им сроки. Кто сказал, что на селе запрет на «несельское»? Откуда в нас эта сословность и кастовость феодальная, этот вечный штамп прописки на душе и помыслах? Просто у Пенкина, нового человека, промыслы — финансовые...

В АПРЕЛЕ нынешнего года всех сельских «руководов» без предупреждения и объяснения собрали в область. Оказалось, президиум открыл тайну недоумевающему селу, нужно по-быстрому создать областное отделение Ассоциации аграриев. В противовес чего-то там бузящей, хотя вроде еще и не образованной Крестьянской партии. На этом сообщении ведущая роль президиума благополучно кончилась. Зал спокойно и дотошно повел толковище тех, будто никакого президиума в нем и нету. Ассоциация — пожалуй, да, потому как для партии у нас кишка тонка, нет авторитета, веса — кто нас услышит. Во всей Ярославской области городских — полтора миллиона человек, а нас, сельских, всего 70 тысяч. Кормить мы их хоть-как кормим, но слушать себя не заставим.

Тут Пенкин не выдержал: есть способ заставить слушать, сказал он. Надо создать забастовочный комитет, выработать требования, опубликовать, назначить срок. Сорвут его — прекратить поставки сельхозпродукции, для начала, скажем, на три дня.

Словно красными прожекторами осветили вдруг зал — это дружно и мощно, это тысячеваттно до апоплексии побагровел президиум. А никто не заметил...

«Чудя давать продуцию», спросил зал. На месте переработать, сказал Пенкин, — мощностей хватит. Или — чем было бы плохо первый раз в жизни самим нажаться? Ведь всей областью в Москву за харчем ездим...

Пахло жареным — видимо, от президиума уже, но в зале дружно пошло голосование. В председатели забасткома «Пенкина!» — и показалось, что голос был Сережин-крестника, когда-то от ПТУ спасенного.

С тех пор, за неполные два месяца, у Пенкина побывали (он заглядывает в блокнотик) корреспондентов десятке полтора. От журнала «Кадры Агропрома» до компании Си-би-эс. Главный вопрос: когда забастовка?

Интересно формировались требования: со всей области шли ходоки с предложениями. Получилось три страницы пунктов, поделили на три раздела: требования социальные, финансовые, материально-технические. Литературную преамбулу написал к ним Пенкин и редактировать не дал: «Деревня поставлена на колени и скоро рухнет на спину...» Работая над выработкой требований, написал параллельно Обращение забастовочного комитета ко всем гражданам Ярославской области — чтоб сочувствием прониклись, поняли, что тут не шантаж, не горлохватство — з край...

Областная пресса ни обращение, ни требования не публикует. Между тем область полна уже явно не случайными слухами: вот ведь что удумали кулаки, мироеды — голодом морить рабочих, хлеб прятать, молоко в канавы выливать!

Из обращения ясно, чего хочет село: чтоб вернули заработанное. Ведь с «великого перелома» строилось все на крови и поту деревни. Кончаются, кончились уже и кровь, и пот — выпиты, выжаты.

И понял вдруг председатель стачкома, побившись в двери редакций, студий, служебных кабинетов: президиум-то успокоился! Ждет он злорадно начала их забастовки, слухи пускает и клевету, готовится натравить на них и сейчас-то голодный город... Со студенческих времен Пенкин хранит «Деревянных коней» с надписью: «Павлу Пенкину на память о нашей встрече, очень для меня интересной. Федор Абрамов» — и понимает: да, строили на сельских хостях — но что построено-то? С кого, откуда нынче востребовать? Профукал, слопал, растоптал все отнятое Левиафан, и единственное, что зажато сегодня в его лапах,— это заложники: городские старики, детвора, матери... Это им-то блокаду? Лапы предержащие заложников не пожалеют: им не привыкать разделять и властвовать, а там пусть дерутся — город с селом, народ с народом...

ЖЕСТОК был Ярославский мятеж, поддержанный крестьянской партией эсеров. Жестоко было и подавление. Выход оказался в нэпе.

Ярославская область

Духовная жизнь

ВРЕМЯ ИСТИНЫ

Вторая часть беседы обозревателя «ЛГ» Ирмы МАМАЛАДЗЕ с Фэри фон ЛИЛИЕНФЕЛЬД, славистом и богословом, профессором университета Фридриха-Александра в Эрлангене (ФРГ).

— Сегодня утверждение русского национального самосознания во многом опирается на возрождение церкви. Но русские философы и богословы писали о том, что идея православия шире идеи русскости. Как получилось, что идея православия в наши дни сузилась, свелась к идее русскости, оказалась вспомогательной на пути к национальному возрождению?

— Я долго размышляла над этим, и у меня есть ответ. Я думаю, что русская национальная идея вообще развилась во времена татаро-монгольского нашествия и борьбы с Тевтонским орденом. В это время начала складываться та идентичность православия и русскости, которая продержалась так долго. Даже когда уже Древняя Русь раздифференцировалась на русских, украинцев, белорусов и т. д., все польско-литовские документы тех лет называют православие «русской верой». Вот вам второй элемент — отождествление извне. В новое время, которое можно назвать временем буржуазного национализма, к национализму примешался и прошлый опыт. Период буржуазного национализма пережила вся Европа. Это уже начало секуляризации.

Но лучшие умы, философы эпохи буржуазного национализма, разницу помнили и понимали и понятий не отождествляли. Сегодня их работы все читают, но каким-то образом не прочитывают. Или их широта не вписывается в утилитаризм?

— Узкое прочтение — это всегда недобросовестное прочтение. Возьмите Владимира Соловьева — он очень много писал об этом. Он никогда не отождествлял православие с русскостью, но, кстати, уже тогда многие из «патриотов» его за это не принимали.

Кроме того, мне кажется, дело вот в чем: большинство из тех, кто сегодня у нас берется рассуждать о проблемах веры, наблюдал в основном деревенскую жизнь, где древняя традиция этой тождественности сохраняется даже в обрядовой стороне. Они переносят проблему на уровень национального опыта, но национальное бытие — это больше, чем русская деревня. Вообще надо заметить, что те, кто сегодня видит идеал русской духовности по-прежнему в деревне и именно потому не хочет ее развития, поступают как очень эгоистичные люди. Деревня тоже хочет жить с холодильником, и хорошей дорогой патриархальность как идея очень привлекательна, но надо спросить у тех, кто предназначается в хранители этой идеи: согласны ли они продолжать жить в невыносимых условиях, без всяких удобств, с туалетом во дворе при вашей погоде? Разве нельзя сохранить духовность в цивилизованных условиях?

— Вопрос не мне, Фэри Георгиевна. Это в нашей традиции, мы с богатством почему-то всегда связывали наихудшие ожидания в области духовной. И у этой традиции есть свои уважаемые корни, уходящие в историю русской святости.

— Это бытовое понимание вопроса. Жития святых, например, действительно говорят о преимуществе нищеты, но ведь речь идет о нищете добровольной, а это не то же, что навязанная нищета. Когда меня убеждают, что более высокий уровень культуры и бытовой устроенности ведет к потере духовных ценностей — и понимаю, что это материализм, откровенный материализм! Мы снова имеем дело с «базисом», определяющим «надстройку». Но если человеку обеспечена свобода выбора — он может остаться духовным в любых обстоятельствах.

— Полагают, что культ аскезы, самоограничения не мог не оставить отпечатка на менталитете, правопорядке, культуре, на отношениях между людьми. Нельзя ли заброшенность, неприбранность наших городов и деревень отнести на счет устойчивого презрения к «быту», ко всему, что уводит от интенсивного духовного переживания?

— Это совершенно разные вещи! Аскеза — это личный выбор, это нищета красива: знаете, какой порядок был всегда в кельях?! В скитах?! А вот заборы, улицы и дворы в ваших деревнях, да и в городах, в плачевном состоянии — насколько я могу судить, конечно. И виною здесь не православие, а то, что ваш крестьянин всегда знал, что все вокруг — не его, что в любой момент у него все могут отобрать, а его самого избить, пересилить, продать. Сколько уничтожили в течение всей истории — и хуторян и крестьянских хозяйств, сколько лет длилось у вас крепостничество! Обратите внимание: там, где жилось чуточку посвободнее — там и сейчас видна тяга к красоте, к порядку. Повторяю: аскеза — выбор индивидуальный, добровольный.

— Но если в течение долгих веков святы именно те, кто совершил такой выбор, — может ли это не сказаться на образе мысли и жизни, на выборе бытовых критериев? Кроме того, вы говорите о свободе выбора, но для нас она — тоже вещь весьма условная.

— Соглашусь, что над проблемой индивидуальной свободы раньше задумались в Западной Европе, но не скажу, что о ней вообще не думали в России. Не надо искать в православии понимания свободы личности как возможности ее самореализации, там этого нет, но этого нет вообще в христианстве. Апостол Павел говорил: «Теперь не я живу, а Христос во мне...»

— Вы писали богословскую диссертацию о Ниле Сорском — чем он привлек вас? Возрождением традиций раннего христианства?

— Нил Сорский — ренессанс древнего пустынного монашества, это очень интересное явление в русской духовности. Идею реформации монашества по древним образцам Нил Сорский воспринял на Афоне. Это идея жития одной колонией под духовным ведением одного старца, которая называлась «скит» — по названию одной ранней христианской пустыни. В древних формах монашества очень силен элемент свободы. Установилось, что монах вначале идет в общежитийский монастырь, где он учится, как в школе, при известном режиме, потом получает благословение идти в скит, где будет дальше постигать Бога под руководством старца, искать свой путь подвижничества. Те, кто вел скиты — как преподобный Нил Сорский, — помогали найти индивидуальный путь к Богу.

— Нил Сорский и его великий современник Иосиф Волоцкий олицетворяли, если огрубить, две разные возможности духовного пути. Знаменитый спор, возникший между ними — так называемый спор о монастырском землевладении, — имел значение для всей русской истории. Онтологические признаки его живы и посегодня. Кто же был прав?

— Монашество — очень индивидуальный путь познания. Чем опытнее монах, тем больше у него возможностей для внутреннего выбора. Это тоже свобода, не менее важная, но мало понятная сегодняшнему светскому сознанию. Что же касается спора, то конечно, речь шла не просто о землевладении. Известно, что монахи в монастыре бедны — богат сам монастырь. А монахи, жившие в скиту, зарабатывали по-разному: кто писал книги, кто — иконы, кто плел корзины. Что больше отвечает евангельскому идеалу — вот что стало предметом спора. Вообще-то говоря, спорили ученики, и их мнения и интересны как показатель определенного мировоззрения эпохи. Были социальные аспекты, которые мог выполнить только монастырь, — например, воспитание иерархов. В большом монастыре есть богослужение, книги, библиотека, есть возможность подготовить будущего иерарха — скит этой возможности лишен. Вы правы, только кажется, что это очень старые и отвлеченные споры, на месте ваших историков я бы непременно вернулась к ним: историки смотрели на отношения Нила Сорского и Иосифа Волоцкого под определенным углом зрения, а теперь ведь, в сущности, другое время, другое общество, другие проблемы, но вопросы все те же: служит ли церковь обществу или душе отдельного человека? Наша Евангелическая церковь, например, считает, что важнее исполнить свое социальное служение.

— Ваша церковь традиционно близка практическим проблемам.

— Да, но отсутствие практицизма — это не изъяны православия, а изъяны в его понимании. Уже в прошлом веке развивалось многое из того, что сегодня надежно забыто. Но у вас почему-то православие видят только частично, очень усеченно. Возьмите старчество. И светские, и церковные власти относились к нему подозрительно, поскольку оно спонтанно неуправляемо. Это мысль, не зависящая от официального регулирования. И Серафим Саровский, и другие старцы управляли не только монахами, но и светскими людьми — это уже явление нововременное. Может быть, лишь в древние времена люди так стремились к Симеону Столпнику, и вот потом все возродилось в новое время.

— Как сказалось старчество на русской культуре?

— А «Братья Карамазовы»?

— Это классический пример. А кроме?

— Лесков. Его попытка открыть русскую православную церковь как элемент жизни народа и общества. Это самые яркие примеры, но ведь и тем то и несчастье, что большая часть старческой жизни не отразилась в литературе. Европейская образованность охватила один круг людей со времен Петра и не соединилась с православными традициями народа. Я сама к сожалению, еще не до конца знаю ответ на вопрос «почему?», но вот, например, духовный путь такого русского человека, как Сперанский, мне представляется очень показательным.

— Михаила Михайловича? Советника Александра Первого?

— Да. Он был из настоящей русской священнической среды. В четыре года он уже читал «Апостола», учился с отличием во Владимирской семинарии, был выбран продолжать учение в Петербургской семинарии — в той что потом стала Духовной академией. Поскольку было принято наиболее даровитых из духовных учебных заведений определять на государственную службу, Сперанский попал в секретари к одному из екатерининских вельмож. Он надел светское платье, сделал государственную карьеру. Став министром Александра Первого, провел первую правовую реформу, основанную на «Code civil» Наполеона. Но случилась беда: жена-англичанка родила ему дочь, умерла. Оставшись с младенцем на руках, Сперанский обратился за утешением к религии — но не своей, православной, в которой воспитывался. Он стал читать Фому Кемпийского, о котором знал от своей тещи, и переводить его, читал каждый день Евангелие. В Публичной библиотеке в Ленинграде лежат его комментарии на всем четырем Евангелиям, много размышлений о вере — и все вне русла православия. Правда, это и не протестантство в чистом виде, это скорее просто размышления верующего христианина. И понадобились сплетни, обвинения в шпионаже в пользу Наполеона, ссылка в Новгород и Пермь, где местный владыка должен был следить за его поведением, чтобы Сперанский вновь обратился к православию. Он написал комментарий к православной божественной литургии — и вдруг обнаружил, что то, что он так упорно искал в других верах, есть в его родной вере. Когда ему разрешили вернуться в имение под Новгородом, в 1813 или 14-м году, уже зрелым мужчиной, прошедшим свой духовный путь, он впервые в маленьком монастыре узнает, что есть Иисусова молитва.

— Практику которой возродил Нил Сорский.

— Да, о которой писал Нил Сорский, он узнает о традиции исихазма — он с восторгом открывает это в своей церкви! Он находит в ней то, что искал у Фомы Кемпийского. Это ли не удивительно? Вот какой разрыв был между светским знанием и истинной жизнью внутри православия.

— Вы сказали, что со времен Петра начинается разрыв между верой и образованным слоем, который, как вы заметили однажды, привел к тому, что интеллигенция уже в прошлом веке смотрела на церковь лишь как на факт русской истории. И хотя у вас пока нет ответа на вопрос «почему», есть, вероятно, какие-то общие соображения?

— Об одном мы говорили с вами два года назад — о том, каким роковым было решение превратить духовенство в отдельное сословие, малопрестижное, оторванное от общекультурной жизни страны, сословие, чья образованность — высокая образованность — была совершенно иной, чем образованность интеллигенции.

Светскому образованному слою церковь и духовенство были неинтересны, они считали, что поведение православия — это ритуал, обряд, что в народе есть только обрядоверие, они же, как люди просвещенные, на обряд смотрели, как западники. А в католической и протестантской церквах всегда больше передавалось не обрядом, а проповедью, лекциями — в средневековье в Европе ведь уже были богословские факультеты. Но это другой путь. Ваши же западники стремились перенять плоды западной цивилизации, которая так волновала Петра, но эти плоды не соответствовали обрядовой стороне жизни страны, где даже семейная жизнь была регламентирована Домостроем. На Западе обряд не играл такой важной роли, он был более подвижен, а у византийцев уже с восьмого века было твердо установлено, как подобает осенять себя крестным знамением. Вспомните раскол, споры со староверами, в которых принял участие Петр Могила своим «Катехизисом».

— Не получилось ли так, что легитимизация обряда закрыла собой веру, ее «живую душу» и вынудила искренние сердца искать Бога на стороне, но только не у себя дома? Не повторится ли ошибка и сейчас, когда надежды на нравственное возрождение общества в определенной степени связаны с церковью, а церковь вновь предлагает дисциплину обряда?

— Это очень сложный вопрос. В Русской церкви сегодня есть несколько очень современных епископов, они против обрядоверия. Они видят эту опасность. Но, с другой стороны, и народ, и интеллигенция, те, кто знает и понимает символику обряда, любят его. Это очень сложная символика. Аверинцев писал о ней. В нашей церкви нужно слушать только слово — тут же говорит все! «Я люблю красоту Дома Твоего, Боже...» Я думаю, что нынешний интерес к православию на Западе связан как раз с тем, что ваш обряд очень богат. Обряд — это один из даров Русской церкви всему христианству. Обратите внимание, тот же примерно обряд сохранили все восточнохристианские церкви, но народ его так не любит: позже приходят, раньше уходят. Когда-то мне представилась возможность побывать на литургии Преждеосвященных Даров в Ленинграде, вернее, под Ленинградом, в пригородной церкви, где была масса народу. На мой вопрос, откуда столько людей, мне объяснили, что сюда специально приезжают ленинградцы, потому что здесь литургия длится 4,5 часа, а в городе — два. И такое я часто слышала в России.

— Формула Уварова «самодержавие, православие, народность» отвечала некоему внутреннему состоянию империи. Вы правы, считая абсурдной идею реставрации монархии. Общество и понимание народности сильно изменились за эти сто пятьдесят лет. Каким в этом случае может быть церковный ренессанс?

— Если верить прошлой русской литературе и публицистике, связь Царь — Народ была прямой, без промежуточных звеньев. Царь считался отцом народа, заступником перед чиновниками-лихоимцами и притеснителями. Интересно, что это представление живо и сегодня, если вникнуть в суть борьбы с административно-бюрократическим аппаратом. Церковь была прикреплена к государству, и это тяжело сказалось на ее судьбе. Неосуществившаяся мечта славянофилов о соборности не была забыта, их учение было развито уже в эмиграции, в Париже, отцом Николаем Афанасьевым — это его «Евхаристическое богословие». Он объясняет, как много может сделать церковь для единения в любви разных людей. Толкование отца Николая основано на изучении первых отцов церкви, но оно в свою очередь было развито дальше выдающимся греческим богословом Иоанном Зизиуласом, который показал, что церковь в правильном ее понимании, в иерархическом строении — круг алтаря, жертвенная любовь. Мы часто называем церковью только административную верхушку, но церковь — это вся полнота жизни всех приходов. «Председательствовать в любви» — это слова Игнатия Антиохийского о руководстве в церкви. Такое возрождение церкви и возможно, и важно, и не только у вас, но и у нас — в данном случае мне не хотелось бы выделять вас особо.

— Вы верите в твое возрождение?

— Верю.

Фото Е. МИХАЛЕВА

«НЕЖНЕЙШЕМУ ОТЦУ ПРИЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕТИ...»

Не знаю, что — возможно, порок мировосприятия, сформировавшийся в годы критицизма, столь же беспощадного, как и торжествующая пошлость застоя, причиняет мне крайнее неудобство — видеть теневую сторону вещей. Именно поэтому, к примеру, оказавшись недавно в Ростове Великом, я в полумертвом (или полуживом?) Спасо-Яковлевском монастыре оторвался от группы экскурсантов, разглядывающих облупившиеся фрески гулко-пустых соборов, и забрел в разрушенный монастырский некрополь, ныне являющий собой ямины вскрытых могил и поверженные на землю гранитные надгробия. Там я, конечно, отыскал что хотел: разбитый памятник в виде колонны (если бы был фотоаппарат, помимо этой колонны, в кадр вместился бы кусок обглоданной временем крепостной башни) и на этой колонне выбитую эпитафию: «нежнейшему отцу признательные дети».

Легко поддавшись привычному сарказму, я про себя усмехнулся проделкам судьбы и шалостям детей, которые ниспровергают память об отце и — в соседней же церкви — выковыривают гвоздями глаза Сыну, приговаривая его, помимо распятия, еще и к слепоте, зияющей бельмами штукатурки на месте страдающих глаз.

Так видеть мир — большое неудобство и даже несчастье. Но к несчастью такого рода я готов более, чем к вранью о нашем благополучии. И хотя, как я уже сказал, это только порок восприятия (сколько художников видят мир прекрасным!), в нем есть своя правда, свой метод диагностики того, что с нами происходит.

Поэтому — две истории, две правды, два диагноза.

Пасха 90-го года. Пасхальная ночь, тихая улочка за бывшей Крестовской заставою, небогатая церковка, отодвинутая от проспекта Мира и окруженная кладбищенской древесной порослью, тихим шумом возвещающей раннюю весну. Наряд милиции у церковных ворот. Полупустая еще церковь, запах горячего воска, старушки, несколько истоных интеллектуалов, молчаливо путешествующих мыслью в божественной высоте. И чувство неудобства оттого, что, не будучи до конца неверующим, но и верующим определенно не будучи, со своим доморощенным деизмом вторгаюсь я в храм, где многие люди встречают самый светлый свой праздник в году. И оттого, что даже здесь не могу удержаться от проклятого своего скептицизма — мне кажется, что пасхальный Иисус в лучах своей славы и розовых венках похож на кремовый торт и что молоденький пономарь читает глупо и невдумчиво, а закончив чтение, проходит через зал, с нескрываемым кокетством демонстрируя свои ризы. Точь-в-точь как рабочий сцены при какой-нибудь известной рок-группе, который, помаячив среди музыкантов перед началом концерта, идет потом сквозь толпу поклонниц, пострелывая глазами и как бы спрашивая теперь видите, как я близок к тем, кому вы поклоняетесь?

Но все же вместе с другом я терпеливо ждал, полный искреннего желания понять — хотя бы и в свои двадцать девять, — что случается в эту странную ночь с душою, которая не может, не должна остаться равнодушной радости других людей, продолжающих, вопреки всему, что их окружает, верить в то, что человек добр. Что есть высшая, божественная свобода — творить это добро, хотя человек от этого не становится неуязвимым, как плотоядные боги Олимпа, а остается страдающим и ранимым, как сын Марии. В то, что есть особая, ничем неисчислимая ценность — чистота и доброта души, — совсем ничего не стоящая для тех, кто не вкусил ее, и так спасительно много значащая для тех, кто хоть раз в жизни ее изведал.

Прибывал народ. Верующие приходили вперемешку с любопытствующими, но в церкви все примолкали, подчиняясь торжественности праздника. Загорались все новые и новые свечи, и огни свечей странно и нежно подсвечивали лица людей, и от этого возникало ощущение их сопричастности общей радости, еще усиливающееся оттого, что зал на чтение молитвы отвечал по-своему единым человеческим вздохом. И я со странным чувством родства стал различать среди людей таких же, как я: в их лицах тоже была надежда и то же отчаяние от неумения причаститься тому братству, что заповедано Новым заветом (и теперь вдруг возвращается нам с энтузиазмом очередной пропагандистской кампании), к тому, что объединяет людей любовью, а не ненавистью друг к другу.

Вдруг что-то случилось, от задних рядов пробежала какая-то дрожь, и, проталкиваясь сквозь толпу, вперед полезли двое. Один белобрысый, лет шестнадцати, в кожаной куртке и рваных джинсах, другой чернявый, в чем-то дрянном, дешевом, тоже щенок. Шли они, словно нож, рассекая народ, расталкивая людей, не то пьяные, не то нанюхавшиеся, с белыми лицами и выцветшими, бессмысленными глазами, источающими такую агрессию, такую жарную ненависть ко всему чужому, что люди в испуге расступались перед ними. А мне — вот только бы смелости побольше — захотелось схватить белобрысого беса и вышвырнуть вон, захотелось в лицо ему крикнуть: «Ты не в пивной, щенок, понял, и если только ты сунешься сюда...»

Но они уже были у алтаря, и там началось, может быть, самое дикое: эти двое начали исступленно, безобразно, яростно, юродиво — трудно подобрать слово, — словно в каком-то трансе, креститься и кланяться. О чем и кого молили они? Что знали о Том, кого просят? За чем обращались к Нему?

Неизвестно. Вскоре какая-то церковная активистка привела другую, и их стали выгонять. Белобрысый вдруг на всю церковь завопил: «Пупоня, пошли отсюда!!!» И с тем же выражением отчуждения и злобы на лицах они двинулись прочь — и церковь исторгла их. Общество людей, жаждущих спасения, исторгло их — своих детей, своих выродков, в грехе зачатых пьяной ночью.

Мой друг, который, не дождавшись крестного хода, вышел покурить на воздух и в результате удачно купил бутылку водки в церковной сторожке, видел, как этих ребят подхватила милиция и затащила в автобус, стоящий у церковной ограды.

— Ох, и били же их, старина: автобус ходуном ходил...

Тем бы и кончилась эта история о праздничке прощения и любви — светлого Христова воскресения, если б недавно я не встретил этого белобрысого гаденыша у метро «Щербаковская» в компании таких же драных гаденышей и матерящихся стерв. С чувством обывательского страха я прошел мимо них, поскольку гаденыш поигрывал обрывком велосипедной цепи, явно намереваясь употребить ее в дело. Но выглядел я демократично, цепляться ко мне не стали и цепью, видно, достанется кому-то другому. Так что гаденыш, проспавший тогда у Бога, остался пока на свободе — дерзкий, ненавидящий и глухой, остался, скорее всего, чтобы сесть за какое-нибудь бездарное и жестокое преступление и навеки забыть Пасху 1990 года.

Зачем я все это написал? Только ли из-за склонности ума подмечать безобразное? Только ли для того, чтобы еще раз повторить не новую, хоть и не стареющую пока истину, что живем мы жестоко, бессмысленно жестоко, с гримасой страдания от собственной недоброты?

Нет. Но что-то повергнуто в нас, словно рухнувшая в траву колонна: «нежнейшему отцу...»

Первое мая 1990 года. Пустой тамбур электрички Москва—Загорск. В Пушкине вваливается на подламывающихся ногах парень лет тридцати трех с мальчиком не старше шести: громадная, дышащая влажным, горячим перегаром туша. Помутившийся взор, толстые сильные пальцы хватаются за стены. Он не видит меня. Он подходит к окну и садится на корточки. Смотрит, где сын. Тянет руку к нему, командует: «Присаживайся». Тот садится, следя за отцом страдающим и тревожным взором. Отец делает попытку встать, но не может. С досады вдруг с дикой силой бьет ребром ладони по закрытой двери.

— Не надо, пап, — осторожно, но твердо говорит мальчик.

Тот опять бьет так, что звенит весь тамбур.

— Не надо, а то ты меня точно побьешь.

Отец молчит, смотрит сперва на сына, потом на меня.

— Не бз, — говорит он мне. — Не бойсь, браток.

— Ничего, — малодушно говорю я. — Праздник же...

— Я разряжаюсь так, — говорит он. — Разряжаюсь. Я «афганец», понимаешь? Не могу я это вот все, — он повел мутным взором внутрь вагона, полного дачников, малышей с воздушными шарами и нагруженных сумками женщин. — Не могу-у...

Я вспоминаю одного своего не то чтобы друга, но и не так чтобы просто знакомого, который, вернувшись из Афгана, тоже почему-то «не мог», не мог жить нормально и медленно, медленно, с какой-то самоубийственной тоской то пил, то подкуривал, с солдатским наплевательством стряхивая пепел на паркет чужих квартир, покуда не вошел в смертельный штопор и не вышел оттуда покойником с перерезанными венами.

— На дачу едешь? — спрашивает вдруг этот парень.

— Нет, в Загорск, — говорю я.

— А у тебя, наверно, есть дача? — почему-то настойчиво спрашивает он.

— Нет, — честно говорю я.

— А-а, — удовлетворенно говорит он. — Я нажрался. Но сегодня же праздник. Наш праздник, рабочий. Не какой-нибудь. А я всю жизнь пахал, не знаю на кого, как и ты, браток...

Выяснилось, что ехать ему две остановки, до станции Правда, в пивбар — потому что на Мамонтовской пивной гадючник сгорел, а в Пушкине тоже почему-то его прикрыли. Пока поезд шел, парень, кажется, забыл, зачем и куда едет, и стал рассказывать про сына:

— Мой старший... Единственный. Я его воспитываю. Воспитываю. Я ему говорю: ты держись за себя, не верь никому, в случае чего — бей сразу по морде. По морде бей! Ты что, не мужик, что ли?!

Проехали Заветы Ильича, поезд подошел к Правде. Втайне желая избавиться от своего пьяного попутчика, я напомнил:

— Правда, браток...

Надо было видеть, каким взглядом окатил меня мальчик.

— Папа, там, наверно, уже нет пива... — взмолился он, цепляясь за поднимающегося отца.

Ужас и отчаяние бессилия были в его глазах.

Из окна отъезжающего поезда я увидел этого «афганца», в пьяном изнеможении сидящего на корточках на платформе. Начинался дождь. Рядом стоял мальчик. Я чувствовал себя сволочью.

«Нежнейшему отцу признательные дети...»

Кто их отец? Кто наш Отец? И достанет ли у нас сил найти в сердцах слова для признательности ему?

Василий ГОЛОВАНОВ

Первую часть см. в «ЛГ» от 25.IV—90 г.

Альбом «Л»

ВЧЕРА БЫЛА ВОЙНА

● *Восстановление Днепрогэса.*

Фото Г. ЗЕЛЬМЫ

● *На футбол.*

Фото И. ШАГИНА

СВИДЕТЕЛЬСТВА

ТАК МЫ ДЕЛАЛИ БОМБУ

В ДНИ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА ПРИ ПОДГОТОВКЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» И «ДОСЬЕ» ПРИШЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ И РАЗГОВАРИВАТЬ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛЮДЬМИ, ЗНАВШИМИ ЕГО В РАЗНОЕ ВРЕМЯ ЖИЗНИ. ОДНИМ ИЗ МОИХ СОБЕСЕДНИКОВ БЫЛ ПРОФЕССОР, ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЬТШУЛЕР, ДОЛГИЕ ГОДЫ ПРОРАБОТАВШИЙ В ИНСТИТУТЕ, ЗАНИМАВШЕМСЯ РАЗРАБОТКОЙ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕМ АТОМНОГО И ТЕРМОЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, ГДЕ, КАК ИЗВЕСТНО, РАБОТАЛ И А. Д. САХАРОВ. ПРЕДЛАГАЮ ЧИТАТЕЛЮ ЗАПИСЬ ЭТОЙ БЕСЕДЫ.

Олег МОРОЗ

О. М. Какими судьбами вы попали на «объект»?

Л. А. К этой работе меня привлекли в конце 1946 года. Заведующего лабораторией, в которой я работал, Вениамина Ароновича Цукермана пригласил Юлий Борисович Харитон. Он сказал довольно туманно, что исследовательскую работу мы оба сможем начать в Москве, но развернуть ее в полной мере можно будет в одном из институтов вне Москвы. Там, видимо, придется проработать года полтора-два. Эти полтора-два года обернулись для меня двадцатью двумя годами.

О. М. Догадывались вы, на какую работу вас приглашают? Что побудило вас дать согласие? Не приходили вам в голову какие-то пацифистские соображения? Хотя я понимаю, что слово «пацифизм» в приложении к советскому человеку той поры звучит нелепо...

Л. А. Наше согласие определилось, во-первых, тем, что нам были обещаны гораздо лучшие условия для научной работы, и, во-вторых, внутренним ощущением, что наше противостояние с мощнейшим противником после разгрома фашистской Германии не кончилось. Ощущение незащищенности особенно усилилось после Хиросимы и Нагасаки. Помню, однажды я шел по Москве с моим знакомым, участником войны (он командовал артиллерией корпуса). Был яркий солнечный день. Посмотрев на идущих навстречу москвичей, мой спутник неожиданно сказал, что на его глазах они превращаются в тени людей, испарившихся в атомном взрыве. Для всех, кто осознал реальности новой атомной эры, создание собственного атомного оружия, восстановление равновесия стало категорическим императивом.

О. М. Для этой работы довольно сурово отбирали по анкетным данным, в том числе по национальности. Как вам удалось преодолеть полосу препятствий?

Л. А. Конечно, определенное сито было, но все-таки создание бомбы считалось первоочередной государственной задачей, а потому на первый план выдвигались интересы дела.

Условия нам действительно создали прекрасные. В полуразрушенной стране это было похоже на чудо: таких условий у нас и сейчас практически нигде нет.

Мы входили в систему первого главного управления при Совете Министров СССР. Для решения поставленной задачи по всей стране был создан целый архипелаг институтов. «Белый» архипелаг в отличие от архипелага ГУЛАГа. На этом «белом» архипелаге собрали тысячи уцелевших после войны и репрессии высококвалифицированных ученых, конструкторов, инженеров, организаторов производства. Высшим руководителем был бывший нарком боеприпасов Борис Львович Ванников, его заместителем — Авраамий Павлович Завенягин, главным научным руководителем — Игорь Васильевич Курчатов.

В ту пору ходил такой стишок.

Богат и славен Бородá*,
Его «объекты» несчислимы
Ученых бродят там стада
Хотя и вольны, но хранимы

Наш «объект» находился в самом эпицентре событий.

Первое знакомство с ним, как я уже сказал, состоялось у меня в декабре 1946 года. Место моей будущей работы, где был «город заложен назло надменному соседу», отстояло от железнодорожной станции на несколько десятков километров. Этот путь мы проделали в автобусе, одетые в заботливо присланные тулупы. Мимо окон мелькали деревни, напоминавшие селения допетровской Руси.

По приезде на место мы увидели монастырские храмы и подворья, лесной массив, вкрапленные в лес финские домики, небольшой механический завод и неизбежных спутников эпохи — «зоны», заселенные представителями всех регионов страны, всех национальностей.

Местный фольклор включал рассказы о бесчисленных толпах богомольцев, которых обитавшие здесь некогда монахи кормили бесплатно, о посещении монастыря государем и о событии недавнем — случившемся здесь восстании большой группы заключенных ушедших в леса; руководил этим восстанием какой-то военный летчик. Вообще колонны зэков, проходившие по поселку утром на работы, а вечером обратно в зоны, были бьющей в глаза реальностью. На память приходили лермонтовские строки о «стране рабов, стране господ».

О. М. Как жили рабы, мы можем представить по солженицынскому «Архипелагу», а как жили вы?

Л. А. Конечно, на «объекте» существовало сильное социальное расслоение. Но даже заключенные жили здесь не так, как на главных островах их архипелага. Все-таки это было особое место, и среди заключенных совсем не было «политических». В основном это были так называемые «указники».

Если же говорить о специалистах, то они жили очень хорошо. Из полуголодной Москвы мы попали, можно сказать, в рай. Ведущим сотрудникам платили очень большую по тем временам зарплату. Никакой нужды наши семьи не испытывали. И снабжение было совсем другое. Так что все материальные вопросы сразу же были сняты.

Жили мы сначала в финских и в рубленых домах, а после — в двухэтажных коттеджах. Каждый коттедж — на две семьи.

Сахаров там жил с женой и детьми. Зельдович в основном один: у его жены была работа в Москве, с которой она не хотела расставаться.

В поселке были школы, детские сады, два кинотеатра. Был даже театр с приглашаемыми режиссерами. С какого-то момента там появился филиал МИФИ — Московского инженерно-физического института.

В первые годы мы очень страдали оттого, что выезд с «объекта» был страшно затруднен. Вспоминается такой эпизод. Начало 1949 года. Теоретики приходят к заключению, что надо провести испытания неких образцов. На высоком совещании речь идет о том, что требуется послать в Москву письмо. Я говорю, «В наших условиях послать письмо — это все равно что бросить бутылку с запиской в океан. Надо ехать». Но мои слова пропускают мимо ушей. И вот наступает июль — образцов нет. Только тогда меня посылают в Москву. Я иду прямо в кабинет к Ванникову. Узнав в чем дело, он устраивает трам-тарарам, так что стены трясутся, и все решается мгновенно.

О. М. Так что бардака и в ту пору хватало? Удивительно, что при этом удалось сделать бомбу.

Л. А. Ну, разве это бардак? Так трудности начальной поры. В обстановку бардака я попал, скорее, когда вернулся с «объекта» в Москву в 1969 году. А там, повторяю, атмосфера была очень благоприятная для работы. Это была обстановка сотрудничества и полного доверия экспериментаторов и теоретиков, крупных ученых и молодых специалистов. Все были воодушевлены сверхзадачей — восстановить мировое равновесие, обеспечить безопасность страны, создать условия, когда «любимый город может спать спокойно».

В целом образовавшееся сотрудничество напоминало реторту, в которой развивались цепные реакции идей. Работали от зари до зари. Наибольшую сложность и опасность представляла работа со взрывчатыми и радиоактивными веществами, а также, пожалуй, с секретными документами и деталями.

О. М. Насколько я знаю, режим секретности на «объекте» — это был не просто режим. Это был образ жизни, определявший манеру поведения, образ мыслей людей, их душевное состояние...

Л. А. В какой-то мере это так. Оставление без присмотра, а тем более утеря чего-то секретного неотвратимо влекли за собой тяжелые последствия, а иногда и гибель человека. Это было характерно не только для «малой земли». В Москве в одном из институтов, занимавшихся, помимо прочего, тематикой нашего «объекта», один из сотрудников по рассеянности переложил секретный материал из одной папки в другую. Забыв об этом и не сумев объяснить пропажу, он покончил с собой. На нашем «объекте» неразгаданным осталось самоубийство старшего научного сотрудника Дмитрия Евлампиевича Стельмаховича, не нашедшего выхода из режимно-конфликтной ситуации.

Меня самого одно время преследовал один и тот же сон, от которого я просыпался в холодном поту. Снилось мне, что я в Москве, иду Кропоткинской и несу в портфеле документы с грифами СС и ССОВ. И я чувствую, что я погиб, потому что не могу объяснить, как они там оказались.

Снять чрезмерное напряжение помогал юмор. Так, у себя в кабинете я повесил плакат, взятый в этом самом режимном отделе: «Внимание! Здесь не место для служебных разговоров».

К нескольким ученым, представлявшим для государства особую ценность, одно время были приставлены вооруженные телохранители, сопровождавшие их повсюду (после они были оставлены только у Юлия Борисовича Харитона — научного руководителя «объекта»). Естественно, это не прошло мимо внимания местных юмористов. Про Андрея Дмитриевича, например, были сочинены такие вирши (не очень приличные и нисколько не отражающие его наклонностей и привычек, но зато, как нам казалось, смешные).

Жил был мальчик Адя
Дали ему дядю.
День и ночь он Адю стережет.
Ходит дядя сзади
На пускает к б...
И благонадежность бережет.

О. М. Не уберегли благонадежность. Очень их Андрей Дмитриевич подвел. Как же, виделось уже: чистопородно русский, стопроцентно советский гений. Носитель лучших русско-советских качеств. А он что выкинул? Сначала в партию вступить отказался, а после и вовсе диссидентом сделался. Да не простым диссидентом — всемирно известным лидером свободомыслия! Вот уж обидел так обидел! В лучших чувствах, можно сказать, оскорбил.

Л. А. Да, на Андрея Дмитриевича делали ставку. Для начальства Сахаров был русским самородком, которого надо было поднимать как можно скорее. Поэтому для них действительно было сокрушительным ударом, когда он в своих «Размышлениях» выступил с совершенно неприемлемой для них программой. Были и такие суждения: вообще-то Андрей — парень хороший, но вот еврей его сбили с пути.

О. М. Атомная бомба была взорвана через два года после того, как вы начали работать на «объекте» — в августе 1949-го. А всего вы там проработали 22 года. Как понимаю, шло усовершенствование оружия?

Л. А. Конечно. Но кроме того, решались и сопутствующие научные проблемы. Так, в моем научном коллективе в ряде других лабораторий исследовались свойства вещества при сверхвысоких давлениях в миллионы и десятки миллионов атмосфер. Большинство этих работ опубликовано. В сущности было создано научное направление, в котором работы советских ученых нашли международное признание. Что касается оружия, то первый его вариант был самый примитивный и дорогой. В том, что он сработает, почти ни у кого не было сомнений: в сборках устройство доводили до состояния, близкого к критическому, при котором почти начиналась цепная реакция. Измерительная система была настолько чувствительна, что, когда к сборке подходил Б. Л. Ванников — мужчина довольно плотный, с избыточными, как говорится, жировыми отложениями, счетчики начинали буквально захлебываться: нейтроны отражались от его живота, и коэффициент усиления возрастал.

Я спросил Юлия Борисовича, почему же идут на самый примитивный вариант. Он объяснил: важно как можно скорее продемонстрировать, что бомба у нас имеется, кроме того известны размеры люка «боинга», сбросившего бомбу на Хиросиму, — наше устройство вполне проходит в этот люк.

Восторг по поводу первого успешного испытания был огромный. Все обнимались друг с другом, даже с Берией.

О. М. Часто слышишь, что на «объекте» в ту пору существовала атмосфера высокой нравственности. Не могу понять, что это означает. Детище Берии, созданное и обслуживаемое тысячами рабов-зэков, тотальная слежка и стукачество, в конце концов сама работа, нацеленная на страшное уничтожение, и вдруг — высокая нравственность...

Л. А. Прежде всего, мы ничего не знали о тех ужасах сталинизма, которые теперь общеизвестны. Из своего времени не выскочишь. Берия для всех, и для нас в том числе, был вторым человеком в стране и пользовался огромным авторитетом. О нашем отношении к создаваемому оружию уже говорилось выше. Самым болезненным и неприемлемым для многих и многих ученых было отрицание теории относительности и квантовой механики, генетики и кибернетики, борьба с космополитизмом. В этом отношении на «объекте» воздух был чистым. Это была заслуга руководителей и объяснялось также тем, что среди нас были Игорь Евгеньевич Тамм и Андрей Дмитриевич Сахаров — ученые абсолютной, несгибаемой порядочности.

О. М. Говорят, работая на «объекте», вы слыли человеком неуправляемым, что ли, вольнодумцем, смутьяном, несколько раз попадали в истории. Как вам это сходило с рук?

Л. А. Тут был такой удивительный феномен. Я хоть и всех себя, как многие считали, легкомысленно, неблагоразумно — все мои высказывания в частных разговорах не вызывали никакой реакции. Например, как-то мы с сотрудниками сидели в столовой, и с нами за столом был начальник политотдела, потом он стал называться секретарем горкома. От него мы услышали, что рабочие на нашем заводе бывает прямо у станка падают в обморок от недоедания. И тогда я возьми да скажи ему: «Где в уставе вашей партии сказано, что рабочие должны голодать?» Он чуть со стула не упал: «Вы что, с ума сошли?!» Можете себе представить в то время такие слова! Но ничего все сошло с рук.

О. М. Почему, как полагаете? Без сомнения, «объект» был нашпигован стукачами.

Л. А. Ясно, почему. Руководители режима сами же и отвечали за отбор сотрудников. И если бы выяснилось, что они допустили к работе какого-то неблагонадежного человека, им самим и досталось бы в первую очередь.

Но если я выступал где-то официально, соответствующие чиновники вынуждены были как-то реагировать, и я даже не могу в них бросить камень за это. Так, в 1951 году к нам приехала комиссия, которая стала знакомиться с общим состоянием дел на «объекте» с уровнем политического воспитания. Стали расспрашивать и меня, как у меня обстоит дело с политическим образованием. Конечно, мне надо было ответить, что хожу в политкружки, и этим ограничиться, но черт меня потянул за язык добавить: «Конечно, я не со всем согласен». Они сразу насторожились: «А с чем вы не согласны?» — «Я считаю, что прав не Лысенко, а его оппоненты — сторонники классической генетики. Его же высказывания совершенно безграмотны». И вот через недели-полторы было принято решение, что я должен уехать в не совсем ясном для меня направлении. К счастью, в ту пору на «объекте» оказался заместитель Ванникова Завенягин. И тут выяснилось, что даже в самых трудных обстоятельствах солидарность ученых может играть большую роль. Несколько моих коллег, в том числе А. Д. Сахаров, побывали у Завенягина и объяснили ему, что мое удаление с «объекта» — полная бессмыслица, которая нанесет ущерб делу. Моя высылка была отменена.

Через год, уже без всяких провинностей с моей стороны, меня снова решили выслать с «объекта». Ю. Б. Харитон вынужден был позвонить непосредственно Берии. Тот лишь спросил: «Он вам действительно нужен?» — Харитон подтвердил, что очень нужен, и больше вопросов не было.

Короче, попытки наказать меня за вольнодумство предпринимались неоднократно, но все они заканчивались неудачей. Отыгрались же на мне в 1969 году, когда партком отказался дать мне характеристику для выборов в члены-корреспонденты Академии наук.

О. М. Так что у вас были примерно те же принципы, что и у Сахарова?

Л. А. Да, но у него вольномыслие приобрело совершенно другие масштабы.

Сначала у Андрея Дмитриевича была иллюзия, что он сможет как-то воздействовать на самые высокие эшелоны власти. Он довольно часто сталкивался с этими людьми — не только с высшими военными, но и с государственными руководителями — с Хрущевым, допустим. Но в конце концов выяснилось, что влияние, которое он может на них оказать, крайне ограничено. Андрей Дмитриевич мне рассказывал с горечью, что для Хрущева слово «демократия» было совершенно непонятно, он говорил примерно так: «Я же хочу добра советскому народу. Если мне кто-нибудь посоветует что-нибудь полезное, то я это сделаю. Чего же еще нужно?» А то, что он может ошибаться, что правы могут быть его оппоненты, — это было вне его понимания.

И вот, как рассказывал мне Андрей Дмитриевич, в какой-то момент он понял, надо обращаться не к начальству, а к тем, кто тебя слушает. В 1968 году прозвучали его знаменитые «Размышления», изданные за рубежом общим тиражом 20 миллионов экземпляров.

О. М. Андрей Дмитриевич открещивался от звания «отца водородной бомбы», говорил, что это работа коллективная... Каково ваше мнение на этот счет?

Л. А. Это так и не так. Над основной идеей водородной бомбы Андрей Дмитриевич работал еще с несколькими сотрудниками. В деталях об этой работе они никогда не рассказывали, тем не менее никто из них не протестовал, когда именно Андрея Дмитриевича называли «отцом водородной бомбы».

О. М. Вы сказали, что возвращение с «объекта» в Москву в каком-то смысле было для вас холодным душем...

Л. А. Да, возвратясь, я испытал чувства, прямо противоположные тем, какие ощущал 22 года назад, переезжая из Москвы на «объект».

Для заключенных на «объекте» висел такой плакат.

Запомни эту пару строк:
Работай так, чтоб снизить срок.

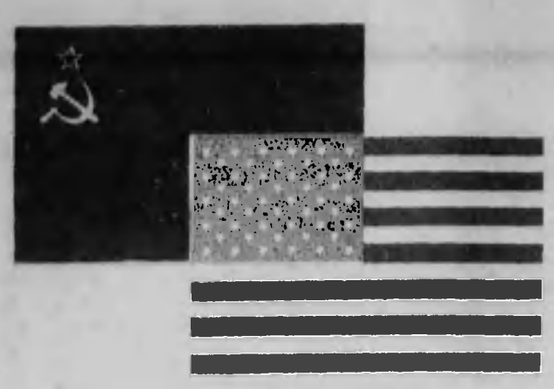
Мы, ученые, применяли это и к себе: за два года, с 1947-го по 1949-й, создали атомную бомбу. Довольно быстро была сделана также водородная бомба. Эта работа до сих пор являет собой образец, как надо решать очень трудную, глобальную задачу. Когда же в 1969-м я вернулся в Москву, ничего подобного я уже не видел. Ни концентрации сил, ни концентрации финансов.

Как-то в бытность мою на «объекте» мы отчитывались о работе лаборатории на ученом совете. В числе прочего я сказал, что мы начали изучать минералы и строение мантии Земли, а после в шутку добавил: мы, дескать, хотим убедиться, насколько прочен тот фундамент, на котором мы построили социализм и собираемся строить коммунизм. На это последовала мгновенная реакция Зельдовича: «Мы не сомневаемся в прочности этого фундамента».

Что касается меня, у меня такие сомнения были всегда. За последние два десятилетия моей жизни, проведенные вне «объекта», они только усилились.

* Прозвище И. В. Курчатова.

Сидя на различных совещаниях, посвященных ковке ядерного щита, Андрей Дмитриевич Сахаров обычно что-то в рассеянности рисовал на клочке бумаги. Два таких рисунка чудом сохранились: дружеский шарж на академика Я. Б. Зельдовича и автошарж. Рисунки предоставил редакции А. Семенов.



SUMMIT

КАК ВИДЯТ ВСТРЕЧУ В ВЕРХАХ:

- ЕВРОПЕЙСКИЕ КОММЕНТАТОРЫ
- СОВЕТСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ
- АМЕРИКАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТКА

КОНЕЦ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»

Около 6 тысяч американских и иностранных журналистов, в том числе 180 советских корреспондентов, прибыли в Вашингтон для освещения встречи президентов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Всевозможные мнения, различные оценки и прогнозы нередко менялись по ходу переговоров глав двух государств. На протяжении встречи ваш корреспондент беседовал с представителями западноевропейского журналистского корпуса. Что думают об этом событии в Европе?

— Мое первое впечатление от только начавшейся советско-американской встречи в верхах, — сказал ведущий информационной программы испанского телевидения «Антена-3» Хосе Мария Каррасколь, — крайне позитивное. Вызвано это тем, что нынешняя встреча между президентами М. Горбачевым и Дж. Бушем с самого начала представлялась нам как какое-то рутинное, обыденное явление. Ход переговоров, однако, говорит о серьезности намерений сторон, о готовности приложить все усилия для достижения взаимопонимания и договоренностей, а не превратить встречу в некое подобие фоторекламы двух великих людей.

Для нас, испанцев, далеко не безразличен обсуждающийся здесь вопрос о судьбе Европы. Но складывается впечатление, что за этой важнейшей проблемой как-то потерялись судьбы других регионов мира, в частности таких «горячих точек», как Центральная Америка, где политическое содействие двух великих держав, я думаю, было бы нелишним.

Для ветерана журналистики Ганса Ульриха Кемпски, прибывшего в Вашингтон от западногерманской газеты «Зюддойче цайтунг», наиболее характерным оказалось то, что за столом переговоров в американской столице встретились не главы двух противоборствующих сверхдержав, а добрые партнеры.

— За 31 год, в течение которых я практически всегда присутствовал на всех главных встречах в верхах, — отметил Ганс Ульрих, — я всего насмотрелся. Видел и взлеты, и падения... Несомненно, для меня наиболее важными являются вопросы, связанные с будущим Германии. Из всего комплекса проблем наиболее трудным для обеих сторон, конечно, представляется военный статус нового германского государства. Не случайно оба президента заявили, что для решения этой проблемы потребуется время, и мне кажется, что на поиск компромисса уйдет еще год-два. Я уверен, что вопрос Германии будет решен, и решен в интересах немцев. Встреча Горбачев — Буш это подтверждает.

Мозаика журналистских мнений не может быть все-таки одноцветной. И подтвердил это Олли Кивинен, обозреватель-международник финской газеты «Хельсингин саномат». Встреча, считает он, является своего рода послесловием к уже происшедшим событиям. Вопрос о стратегических вооружениях при всей своей важности на переговорах не получил развития. Ведь эта тема дебатируется уже второе десятилетие. Президенты продолжают обсуждать детали «Старта-1», а жизнь уже давно шагнула вперед и подсказывает, что пора бы делать конкретные шаги в сторону «Старта-2», а не топтаться на месте. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении Германии. События там развиваются настолько быстро, что дебаты в прежнем ключе выглядят погоней за уже отошедшим поездом.

Обеспокоенность за судьбу Европы поставил во главу своих суждений и журналист английской газеты «Гардиан» Джонатан Стил, ее корреспондент в Москве, специально командированный в Вашингтон для освещения встречи Горбачев — Буш. Будущее Европы, по его мнению, самая главная сейчас тема. И очень важно найти такие решения, которые удовлетворили бы все заинтересованные стороны. Судьбу Европейского континента нужно увязать не с военными блоками, а с мирным сообществом. Агрессивные союзы должны исчезнуть, уйти со сцены. Европейцам нужно жить под общей мирной крышей, где не будет места ни идеологической, ни тем более военной конфронтации.

— Встреча, как я ее вижу, явилась шагом в направлении создания такого общества на европейской земле, — сказал английский журналист.— Теперь нам остается надеяться на развитие и подкрепление договоренностей двух президентов шагами в избранном направлении на последующих встречах и переговорах, в Вене в частности.

Паскаль Сабас, специалист Франс Пресс по проблемам Пентагона и НАСА, главным считает тот факт, что президенты двух великих держав впервые одновременно заявили о завершении «холодной войны». Хотя перед сторонами еще и стоят серьезные проблемы, а возможно, даже противоречия, услышать такое из уст представителей соперников в «холодной войне», — великое достижение!

Французский журналист уверен, что нынешняя встреча в Вашингтоне будет по достоинству оценена в мире.

Взаимопонимание между М. Горбачевым и Дж. Бушем, по мнению итальянского журналиста Джульетто Кьеза, корреспондента газеты «Унита», прибывшего из Москвы в американскую столицу, — наиболее важный момент встречи.

— Президент Буш относится с глубоким доверием к Президенту Горбачеву, считает его главной политической фигурой, несмотря на все сложности, возникающие в Советском Союзе, — сказал Д. Кьеза. — Наиболее же интересно то, что позиция главы американского государства не менялась, несмотря ни на какое давление. Совершенно парадоксально складывается ситуация в США,— добавил он. — Президент и его администрация оказались более прогрессивными нежели местная печать и большинство специалистов и экспертов по Советскому Союзу. Это обстоятельство сделало задачу Горбачева на встрече в верхах очень сложной. Но, по-моему, он преуспел, преодолел все трудности. В отличие от тех американцев, которые все еще мыслят категориями времен «холодной войны» и конфронтации, советский Президент показал, что продвинулся намного вперед в осмыслении новых реальностей в мире.

Николай ОГНЕВ,
соб. корр. «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРК

АГРЕССИВНОСТЬ ИЛИ КУЛЬТУРА

Среди членов советской делегации, прибывших вместе с Президентом СССР М. С. Горбачевым в США, были дипломаты, военные эксперты, экономисты, политики. И среди них — глава Советского фонда культуры академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Его главной задачей было участие в открытии выставки древних рукописных русских книг в Библиотеке конгресса, выставки, в подготовке которой он сам участвовал. В американской столице экспозиция эта вызвала огромный интерес. Открыла ее Р. М. Горбачева.

— Дмитрий Сергеевич, какое место, на ваш взгляд, может занять нынешняя вашингтонская встреча советского и американского президентов в истории?

— Думаю, что это один из переломных моментов в нашей истории. Ведь история — это не только события, это еще и колоссальная эмоциональная сфера отношений. XX век проходил под знаком чрезвычайной агрессивности, проявившейся во всем — от военных приготовлений до национализма и терроризма. Человечество достигло вершины агрессивности, но, на мой взгляд, сейчас она идет на спад. Спад этот начался лет 5—6 назад, но теперь мы видим, что это отчетливая тенденция. Если бы опасный уровень агрессивности не пошел вниз, то в XXI веке мы бы попросту все погибли. Это трагедия, когда человеческий разум, человеческая душа заполняются агрессивностью как формой проявления личности. Вот он, некто — бесталанен, у него нет ничего за душой, но он в состоянии уничтожить бомбой людей и стать «знаменитым», войти в историю. Раньше творчеством являлись рыбная ловля, ремесла, даже охота, потому что все это требовало ума и наблюдательности. Когда же творчества не было — приходила агрессивность. Природа не терпит пустоты. Поэтому нужно помогать подлинной культуре, которая эту агрессивность снижает. Агрессия проникла даже в искусство. Сейчас важный момент — возвращение к классике в литературе, в музыке, во всех формах искусства. Я чувствую — такие настроения есть среди молодежи. Может быть, это не так уж и заметно. Потому что агрессивность очень шумлива, ее видно, а классическая культура скромна и тиха.

— Жажда гармонии, согласия с самим собой?

— Да. И жажда вечности. Тяга к вечности. А что вечно в нашей культуре? Красота. Венера Милосская никогда не устареет. Парфенон никогда не устареет. Они могут быть уничтожены, но как явление не устареют. Тогда как последняя марка какого-нибудь холодильника устаревает и исчезает бесследно. Я часто ощущаю этот зов вечности. На ночь, чтобы успокоиться, всегда читаю хотя бы 2—3 странички из моих любимых классических произведений. Очень люблю «Войну и мир», впрочем, на все страницы. Люблю Достоевского и могу читать его с любого места. И поэзию. Пушкин, Баратынский, Фет, Ахматова... Наше будущее, я думаю, зависит от того, насколько большое значение будет придаваться культуре, то есть тому, что препятствует дальнейшей агрессивности. Культура — это альтернатива агрессивности. Либо культура, либо агрессивность. Если победит агрессивность — человечество погибнет, если возобладает культура — победят человек, нравственность.

— Ваши размышления созвучны тем событиям, свидетелями которых мы были в дни вашингтонской встречи. Здесь как раз возобладала культура человеческого общения на самом высоком уровне власти. Здесь доминировало чувство ответственности, а ответственность, на мой взгляд,— часть культуры нравственной.

— Я считаю, что оба политических лидера сумели подняться над обыденностью и понять, что эта встреча будет иметь значение для целой эпохи. Оба президента оказались на очень большой высоте. На моральной высоте. Ведь подняться над злобой дня — это вопрос и моральный. Не буду говорить о том, что это была встреча дружеская. Об этом пишут во всех газетах, и в тут ничего нового не прибавлю. Но если я скажу, что это была встреча, на которой торжествовали принципы нравственности, то, может быть, выражу то, что не было замечено.

В выступлении М. С. Горбачева были новые мотивы. Он говорил о величии Андрея Дмитриевича Сахарова, его искренности, прямоте, бескомпромиссности. На меня это произвело сильное впечатление. Почему? Я увидел, что государственный деятель понимает, что нельзя опираться на людей, которые тебе только поддакивают, а нужно поддерживать таких, как Сахаров, всегда высказывающих свое мнение даже в ущерб личным интересам. Это очень важно! В Дж. Буше меня обрадовало то, что он не поддался влиянию временных обстоятельств (таких, скажем, как вопрос об эмиграции), что он верит: эти вопросы будут решены Горбачевым, что в таких вещах нельзя торопить, нельзя узлы мировой политики разрубать в одночасье, одним махом, как это пытались сделать литовцы. Взаимозависимость СССР и США настолько глубока, что выход из всех наших проблем надо искать путем переговоров, спокойных переговоров.

— Вы, вероятно, ощутили, находясь здесь, что американцы не только желают укрепления советско-американских отношений, но и заинтересованы в успехе наших реформ. Чем, на ваш взгляд, вызваны такие настроения?

— В последнее время стало абсолютно ясно, особенно в связи с остротой проблем экологии, что человечество едино, что воздух, испорченный заводами, так же, как вода в океане, испорченная нефтью, не знают границ. Надо жить общими человеческими интересами. Всечеловеческими. Плохой врач лечит вашу почку или легкое, а хороший— весь организм в связи с болезнью одного органа. Изменения в межгосударственных отношениях и есть понимание того, что ни одна болезнь не является болезнью одной страны. Нужно лечить весь земной шар. И договоры, подписанные сейчас в Вашингтоне, — тоже лечение всего организма человечества.

Уверен, что идее общечеловеческих ценностей послужило бы создание мирового культурного центра. Это был бы новый город в одном из небольших европейских государств, где каждая из стран мира могла бы построить свой университет по типу Оксфордского или Кембриджского. Трудно переоценить роль такого города в общении между народами. По сути дела, это одна из граней выдвинутой М. С. Горбачевым идеи общеевропейского дома.

— Вы выполнили свою миссию в Америке?

— Моя задача заключалась в том, чтобы разъяснить смысл выставки наших древних книг. Выставка была организована благодаря настойчивости директора Библиотеки конгресса профессора Биллингтона. Когда идея этой экспозиции была еще только выдвинута, никто у нас сомневался, будет ли она интересна американцам. А оказалось, что самое большое скопление интеллигенции было именно в Библиотеке конгресса при открытии выставки. Я приехал заранее, но долго не мог пробиться в здание — так много народу стояло у входа. Показ таких экспозиций очень важен, потому что представление о России как о некультурной и неграмотной стране существует не только в США, но даже у нас. Один из недавних президентов Академии наук СССР, помнится, начинал свои годичные собрания фразой: «Россия из неграмотной страны превратилась в страну передовой техники». Американцы, я думаю, поняли, что имеют дело с представителями тысячелетней культуры.

Эдгар ЧЕПОРОВ,
соб. корр. АПН и «ЛГ»

ВАШИНГТОН

Курсом на Америку

Сто двадцать советских курсантов и американских кадетов впервые отправятся в совместное четырехмесячное плавание из Одессы к берегам Америки на трехмачтовом фрегате «Дружба»

Спонсоры — Черноморское пароходство и американская компания «Одесса Марин энд Авиэйшн»

Фото А. ЛЕВИТИНА

ВЗГЛЯД ИЗ МИННЕСОТЫ

Почему Миннесота? Почему Горбачев приехал в глухую глубинку, в сердце американских прерий? Мы думали, что он хочет кое-что узнать об американском капитализме, однако наш штат, где проживают 4 миллиона человек, ближе к коммунизму, чем какой-либо другой район США. У нас шутят, что американцы имеют там народную республику Миннесота: множество сельскохозяйственных кооперативов, социалистические традиции наших предков, в подавляющем большинстве выходцев из Скандинавии, и, наконец (как будто этого мало), именно выходец из Миннесоты возглавляет Американскую коммунистическую партию.

Наш миннесотский губернатор Руди Перпич говорит, что выбор Горбачева определялся реальными и важными причинами. Среди них следующие.

Один из самых северных американских штатов, Миннесота по своим природным ресурсам и климату сходна со значительной частью европейской территории Советского Союза. У нас могут быть разумные деловые связи в области возделывания озимых зерновых культур, в лесной и горнодобывающей промышленности, а также в рыболовстве. Кроме того, в Миннесоте расположены штаб-квартиры многих компаний по переработке пищевых продуктов, способных помочь вашей стране наладить подготовку, хранение, доставку и продажу продуктов питания и решить проблемы нехватки и распределения продовольствия. Мы являемся также крупными производителями компьютеров, электронного и медицинского оборудования и лекарств, то есть того, в чем, как мы понимаем, нуждается ваша страна. Короче, нам заявили, что мы привлекаем внимание вашего президента тем, что у нас наблюдается этакая смесь городской и сельской жизни, современной и традиционной культуры, а также демократических принципов, подкрепленных прогрессивной политикой социального обеспечения. Но, возможно, все дело в том, что самолет вашего президента просто нуждался в дозаправке.

Каковы бы ни были причины визита Горбачева в Миннесоту, он приехал куда следовало.

Приятно, что в этом штате любят вашего президента и его жену Раису. Хуже, что немногие из нас знают, президентом чего он является — многие американцы, да будет вам известно, не могут ни на чем подолгу задерживать внимание в этом их трагедия — они могут понимать только телепередачи, а не саму жизнь, тем более не те мучительные трудности, которые вы испытываете в Советском Союзе. Но мы уважаем звания и в целом ведем себя прилично.

Нам в это воскресенье, безусловно, было вполне достаточно просто видеть вашего президента, хотя мы понимаем, что некоторые из вас недовольны им и проявляют нетерпение. Двадцать тысяч человек выстроились вдоль пятимильного маршрута кортежа автомобилей через столицу штата, хотя день был сырой, ветреный и такой холодный, что, казалось, вот-вот пойдет снег. Повсюду были приветственные лозунги, написанные по-русски, раздавались восторженные приветствия. Люди улыбались, приветственно махали руками, по толпе прокатывались волны ликования оттого, что мы являлись свидетелями редкого и прекрасного события. Миннесотцев особенно поражало, с каким обаянием Горбачев умеет общаться с толпой.

Однако наблюдались и заметные исключения из общего настроения. Главным образом это были выходцы из трех прибалтийских государств, а также с Украины, которые потратили последние две недели и сотни долларов, чтобы организовать демонстрации протеста против г-на Горбачева. Они приехали в США почти 50 лет назад как беженцы из Советского Союза. По меньшей мере 2000 миннесотцев восточноевропейского происхождения устроили в воскресенье протест против Горбачевых и советской политики.

Но большинство жителей Миннесоты очарованы Горбачевым, а главное — перспективой свободных и открытых отношений с советскими людьми. Посмотрите, чего добился Горбачев за шесть часов, проведенных в Миннесоте.

1. Британский миллионер Роберт Максвелл объявил в воскресенье о своей готовности предоставить половину из 100 миллионов долларов, необходимых для создания Института окружающей среды, который будет иметь отделения в Миннесоте и в Советском Союзе. Остальные 50 миллионов внесет Миннесота.

2. Миннесотская компьютерная компания «Контрол дэйта корпорейшн», которая более 20 лет продает в Советский Союз технику, объявила о своем намерении продать вам новый компьютер, по мощности в пять раз превышающий все, чем вы располагаете.

Эни БРАТААС

США

ЮЖНАЯ КОРЕЯ—ЛИДЕР В «ЧЕТВЕРКЕ ДРАКОНОВ»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о том, что такое Южная Корея, у меня сложилось уже на борту двухэтажного «Боинга-747» за 10 часов лета до сеульского аэропорта Кимпо «КАЛ» по-моему, сегодня ничем не отличается от своего японского партнера-соперника «ДЖАЛ», разве что дешевизной. Тот же уровень информационного обслуживания: 12 каналов трансляции (наушники одноразового пользования на каждом кресле) включают несколько музыкальных программ — на корейском, английском, японском, отдельные программы на разных европейских языках, а также три канала, обеспечивающих корейский, английский и японский текст фильмов, демонстрируемых в салоне на киноэкране. Наконец, готовность услужить неизменно улыбающихся юных стюардесс — подтянутых, неслышно ступающих, ловких и умелых.

И вот — Сеул. Один за другим проплывают величественные, современной архитектуры мосты, появляется все больше высотных зданий. Среди них лидирует 63-этажный «Билдинг-63», напоминающий один из токийских «интерн — биру» — «умных зданий», в форме юбки в районе Синдзюку. Еще несколько минут — и машина, последняя южнокорейская модель «Хюндая», крутыми виражами тенистой аллеи парка легко взлетает в гору, к гостинице «Шератон». Она удостоена сверхполного набора «звездочек»: помимо трех каналов национального телевидения, еще трех — кабельного (в отеле плата за него вносится в общий счет), постоянно работает общедоступный американский. Но он в первую очередь предназначен для контингента расположенных в Южной Корее военных без США — свидетельство трагичного разделения страны, остающихся и по сей день незалеченных ран «холодной войны».

Тридцать лет занимаюсь Японией, и все эти годы то и дело возникает тема американских военных баз. На этот раз проблема встала передо мной в Южной Корее. В целом перспективы очевидны: как было сказано ответственными южнокорейскими представителями, к концу 90-х американское присутствие на полуострове будет чисто символическим. Однако это ставит на повестку дня немало сложных проблем, в первую очередь — военного бюджета. Ведь южнокорейское экономическое чудо (впрочем, как и японское) не в последнюю очередь опирается на сравнительно невысокие военные расходы. И это в условиях постоянной, изнуряющей настороженности в отношении всего, что выше 38-й параллели...

Ситуация на Корейском полуострове, очевидно, свидетельствует о срочной необходимости урегулирования всех сфер и уровней отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе — военных, политических, экономических, культурных, человеческих. Не случайно поэтому столь радуют первые, пока еще робкие, с оглядкой назад и по сторонам, но доброго знамения шаги, которые делают навстречу друг другу СССР и Южная Корея. На сегодня это шаги к культурному и экономическому, а в перспективе и политическому сотрудничеству.

МОЖНО, конечно, спорить, на сколько лет Южная Корея, усвоившая «японскую модель», «отстает от Японии»: видимо, ровно на столько, на сколько окончание корейской войны отстает от завершения второй мировой. Признаков «отставания», во всяком случае, я заметил значительно меньше, чем доказательств стабильности, эффективности, прочности перспектив дальнейшего социально-экономического развития государства, лидирующего в «четверке драконов» Азии — Южная Корея», Тайвань, Сингапур, Гонконг.

Японские исследователи выдвинули концепцию восьми принципиальных этапов развития экономики. На первом из них силы общества преимущественно сконцентрированы на добывающих отраслях, на высшем, восьмом, приоритет у космических исследований, био- и генной инженерии. По такой градации Южная Корея, начинавшая в 60-х завоевание мира продукцией текстильной промышленности, к настоящему моменту, без сомнения, продвинулась за две трети шкалы, планомерно расширяя экспортную номенклатуру в автомобильной и электронной промышленности. В то же время ее «отставание» от Японии выражается в значительной пока еще заинтересованности в импорте сырья. Как и Япония, страна почти лишена собственных природных ресурсов, но продолжает развивать материалоемкие отрасли. Это открывает реальные перспективы взаимовыгодного сотрудничества с СССР: для нас это в числе прочего означает возможность получения прогрессивной технологии достаточно высокого уровня, общее представление о котором я составил, знакомясь с корпорацией «Самсунг».

«Самсунг» — «Три звезды» — объединяет 37 разнопрофильных компаний, которые производят текстиль и сахар, строят суда, гостиницы и универмаги, добиваются высокой прибыльности сельского хозяйства, страхового дела и строительного машиностроения. Но в мире «Три звезды» получили признание в первую очередь за широчайший спектр электронной продукции. Из 150 тысяч занятых (соотношение «синих» и «белых» воротничков — 50 на 50) 37 тысяч производят компьютерную технику, телевизоры, видеомагнитофоны и камеры, автоматизированное конторское оборудование, бытовую технику высшего класса.

«Самсунг» имеет отделения в США и Мексике, Англии, Португалии и Испании, в Таиланде и Малайзии. Завершается строительство четырех новых «заморских» предприятий, в том числе в Лондоне, скоро откроется завод по производству цветных телевизоров и видео в Венгрии.

История «Самсунга» восходит к 1938 году, когда ее основатель, тогда еще начинающий бедный торговец Ли Бёнг Чул, сумел уловить новые тенденции в мировом производстве. В этом ему помог друг — патриарх электроники Мацуита, создавший японскую школу управления производством. Ли не только внедрил многие элементы системы управления

МИР ВОКРУГ НАС

Владислав ЯНЕЛИС

АНГОЛЬСКИЙ УЗЕЛ

Сальдо африканской статьи нашего бюджета

15 ЛЕТ специальными литерными рейсами советские сухогрузы везут в Анголу оружие и боеприпасы.

15 лет с военных аэродромов Союза взлетают самолеты с военным оборудованием и держат курс туда же, в Анголу.

15 лет эту африканскую республику сотрясает война, у которой было начало, но никогда не будет победного конца. Потому что народ воюет сам с собой. Не бедные воюют с богатыми, а бедные воюют с бедными.

Что нам до этой войны в другом полушарии? Почему мы безропотно оплачиваем ее? Почему подставляем своих офицеров под пули противоборствующих сторон? Убеждены, что, взяв сторону Агостиньо Нето, помогаем правому делу? Что все, кого поражают советские реактивные установки «град» в неизвестной нам провинции Анголы Квандо-Кубанго, плохие люди, и только истребив их, ангольцы будут счастливы?

Не защищаю мятежников, как их именует официальная ангольская пресса, бандитов-унитовцев. Я мало что о них знаю. Но я видел своими глазами роскошные виллы, принадлежавшие когда-то португальской знати, и построенные недавно, в которых живет провинциальное руководство нынешнего режима, а неподалеку от них — жалкие хижины бедноты.

Видел американские и японские автомобили последних марок, на которых разъезжают военные комиссары провинций, и рахитичных, всегда голодных детей на обочинах этих дорог. Дети у дороги никогда не протянут руку за подачкой, они слишком горды. И поэтому мне их жалко вдвойне.

Ладно, предположим, ангольцы сами разберутся в своих социальных аномалиях. А вот как быть с нашими проблемами?

Советская военная миссия в Анголе всегда была представительной — несколько сот офицеров (в прежние времена переваливало и за тысячу.) Военные советники и военные специалисты. Как правило, весьма квалифицированные. Что, впрочем, никак не отражается на их окладах в валюте. Западные военные специалисты подобного ранга, если уж они работают по найму в другой стране, получают во много раз больше.

Видимо, наши довольствуются этим, справедливо полагая, что семьсот долларов в месяц в Анголе лучше четырехсот рублей в Костроме. Больше того, они добросовестно отрабатывают свои оклады, порой демонстрируя настоящее мужество и стойкость. Их не пугает риск оказаться в непосредственной близости от передовой под артобстрелом, они готовы сидеть по трое суток без воды, спать в землянках, быть невольными свидетелями жуткой оргии трупных мухоедов у останков павшего ангольского бойца, страдать от малярии и желтой лихорадки.

Наши офицеры, повторяю, мужественны и долготерпеливы. Но не надо думать, что они идут на определенные лишения в африканском зарубежье исключительно ради интернационалистской идеи. Я не смею упрекать их в отсутствии романтического энтузиазма, когда они едут в чужую страну на заработки.

Они все делали так, как должно, чтобы помочь одной стороне победить другую. Наши советники добросовестно учили ангольских коллег планировать военные операции, пользоваться современными средствами разведки и связи, строить оборону, наносить упреждающие удары, минировать дороги, организовывать подготовку резервов, даже вести документацию. Они больше десяти лет были тенями командиров ангольских бригад, соучаствуя в управлении подразделениями в бою.

Параллельно наши военспецы помогали ангольцам осваивать управление советскими зенитно-ракетными комплексами, самолетами и танками, бронетранспортерами и гаубицами. Бывший командир батальона откуда-нибудь из-под Гродно не считал для себя зазорным собственноручно ремонтировать двигатели БТР, менять масло в ступицах, хотя дома вряд ли стал бы заниматься подобной работой.

И все для того, чтобы помочь ФАПЛА победить. Но победа все ускользала. Военный успех на юге, стоивший огромных жертв, отзывался активизацией унитовцев на севере, уничтожение отряда сторонников Савимби в далекой восточной провинции аукалось с их диверсиями в окрестностях столицы.

Мы помогали правительственному режиму, УНИТА пользовалась поддержкой Запада.

Самые опасные периоды переживала республика в моменты вторжения войск ЮАР. Если бы не кубинские батальоны и не наша военная помощь, Луанда могла не выстоять.

Но вот юаровцы ушли. А победы все нет. Хотя по всем расчетам ангольского генштаба она должна была давно состояться. Наши же настроены далеко не так оптимистично.

Вспоминаю встречи в Анголе.

Менонге. Сверкнув черной полированной спинкой, с пучка обгоревших проводов стекла змея и юркнула куда-то под обломки крыла «Геркулеса». Советский подполковник Фомичев, специалист при главном инженере ангольской зенитно-ракетной бригады, просит в сторону не отходить: «Кругом мин понатыкано, да и всякой дряни ползает полно». Мы стоим у сбитого недавно унитовцами самолета, который еще пахнет гарью и смертью.

— Когда все это кончится? — спрашиваю Фомичева.

У него желтое от перенесенной малярии лицо, голубые печальные глаза. Он молчит, отворачивается, цедит сквозь зубы:

— Ваш самолет скоро уходит, не опоздайте.

Лубанго. Наша военная миссия. Бронетранспортер у ворот. Крошечный физгородок, крошечный огород на задах. Старший в миссии, он же советник 2-го командующего Южным фронтом, полковник Новицкий от тоски по родине разводит на огороде капусту. И представьте, растет. Я клещами вытягивал из Новицкого этот комментарий.

— Сокращая наше присутствие здесь, мы убрали своих советников из бригад. И все кончилось, порядка не стало. Службы как таковой нет. Боевое охранение запущено. Отношение к обслуживанию техники наплевательское. Они забывают заливать в двигатели масло... Ремонтной базы тоже нет.

Перебиваю:

— А воевать они хотят?

— Ну кто же хочет воевать?!

Год назад отзвуки нашего нового политического мышления докатились до Луанды. Военным сказали: «Все, никакой инициативы. Вы помогаете только в строительстве национальных вооруженных сил, подготовке военных кадров, война — дело самих ангольцев». Но хорошо из Москвы давать рекомендации, попробуй придерживаться их на месте.

В подготовке декабрьской наступательной операции «Зебра» участвовали наши советники. Их не было на передовой, но нити управления наступлением сходились в штаб фронта—в Квито-Кванавали, а там над картами и документами трудились десятки советских офицеров. Руководил ими очень хороший специалист, генерал-лейтенант Валерий Беляев. Систему продовольственного снабжения войск фронта разрабатывал полковник Александр Мороз, тоже знаток своего дела.

Он рассказывал мне, как составлял графики выхода и маршруты колонн с продовольствием, как закладывал базы в Менонге и Квито-Кванавали. Продукты были собраны ангольцами со всего мира: фасоль из США, рис из Индии, консервы из Голландии, мясо из Италии и Франции. Война — очень дорогое дело. Все это везли через саванну на советских «КрАЗах» и «Уралах». И они прекрасно себя показали по сравнению с западными грузовиками, у которых от перегрузок рассыпались мосты.

Как в этой ситуации расценивать деятельность наших военных советников? И как им вообще себя вести, если в ангольском генштабе их просят помочь подготовить операцию? Отказаться? Попробовать отговорить ангольских товарищей от наступления? Но ведь наши-то тоже люди военные и зарплату получать должны за то, чем обязаны заниматься как профессионалы.

Впрочем, никаких денег Ангола нашим военным советникам не платит. Так что держать их там или нет — зависит от нашего правительства. Кого содержит Ангола, так это советских военных специалистов. И из их зарплаты (в валюте) выкраивают валютное же содержание советникам.

Можем ли мы вот так все бросить и уйти из этой страны, которая уже девять раз просила отсрочить платежи своих долгов СССР?

Пятнадцать лет назад мы предложили правительству Анголы свою помощь. Тогдашнее руководство СССР полагало, что самолетами и танками, передаваемыми Анголе за символическую цену, а то и бесплатно, оно наставит эту африканскую страну на социалистический путь. Зачем он Анголе, которая не только кормила до этого себя, но и продавала продукты Европе, уже неважно.

Что из этого вышло, мы видим. Ангола не знает мира. Хозяйственные связи между провинциями прерваны. Во многих городах, в деревнях голод. Сотни тысяч людей погибли на фронтах и искалечены. Производство традиционной экспортной продукции — кофе упало в десять раз. Страна разорена войной.

И все больше ее людей склоняется к мысли о национальном примирении, договоре с унитовцами и их лидером Савимби.

А что же мы? Что приобрели мы, пятнадцать лет поддерживая МПЛА, неся немалые экономические потери, жертвуя здоровьем, а подчас и жизнью советских людей? Те обитатели Кремля, кому пришла в свое время охота разыграть ангольскую карту, давно покоятся у его стен. А подбивать итоги приходится другим. В чужом пиру похмелье.

За пятнадцать лет мы создали в Анголе африканский вариант Советской Армии, достаточно серьезную силу, но довольно громоздкую и, главное, не способную обойтись без нашего интеллектуального и материального донорства. Мы приучили ангольских военных к тому, что советские арсеналы всегда открыты для них, что наше оружие и техника даются или вовсе бесплатно, или по льготной цене с бесконечной отсрочкой платежей.

По моим оценкам, только за последние годы мы поставили Анголе примерно 600 танков, 60 самолетов-истребителей, 30 зенитно-ракетных комплексов ближнего и дальнего действия, 1000 артиллерийских орудий и систем, 800 минометов, несколько десятков боевых вертолетов, 200 бронетранспортеров, огромное количество грузовых автомашин, сотни тысяч единиц стрелкового оружия, десятки полевых хлебопекарен, сотни радиостанций и очень много другого военного имущества. Значительная часть техники — безвозмездный дар, остальное — со скидкой, то есть в два, а то и в три раза дешевле, чем на мировом рынке.

Из поставленных СССР самолетов и вертолетов половина вышла из строя не в боевых условиях, а из-за небрежности летного состава и плохого обслуживания, по тем же причинам потеряно около 30 процентов танков, 50 процентов БТР и так далее. И это при том, что в Анголе работают наши военные специалисты-эксплуатационники. А что будет, если их сократить? Во что через год-два превратится огромное количество боевой техники, особенно сложной — ЗРК, самолетов, узлов связи, систем ПВО? В груду бесполезного металла? Понимаете, в чем дело — мы стали заложниками собственной донорской политики в Анголе.

Я видел едва ли не в центре Луанды гигантское кладбище советских грузовых автомобилей. Их некому было ремонтировать, и сотни машин, которые еще могли бы служить и служить, обрекли на умирание и разграбление. У всех советских, кто впервые видит этот пантеон бесхозяйственности, ком подступает к горлу — столько добра пропало! Но что может сделать небольшая группа советских инженеров? Дай бог управиться с текущим ремонтом.

За последние год-два наша политика в Анголе стала реалистичнее. В переговорах с ангольцами мы не скрываем своих трудностей, даем понять, что мы танки и БТР делаем из металла, которого остро не хватает собственной экономике, и поэтому неплохо бы упорядочить дальнейшие взаимные расчеты. Нам в ответ: мы пятнадцать лет шли за вами и надеялись только на вас, нельзя же вот так, сразу, прорывать каналы военной помощи, это не по-братски. Мы мягко намекаем: пора прекращать войну, искать мирные пути урегулирования обстановки. Нам: да, конечно, в принципе надо, но УНИТА опять обманет, сорвет договоренность, хотя сейчас в военном отношении она и слабее.

Тут много всяких нюансов. Надо, например, понять, что в Анголе за пятнадцать лет войны возникла особая каста людей, для которых война — средство самоутверждения и благополучия. Воровство на военных складах — такая же закономерность, как сезонные дожди... Образцы всего, что получает армия из продовольствия и имущества, можно найти на местных рынках. Бороться с этим бессмысленно. Разворовывались продукты даже в пути от складов на фронт, чуть ли не под обстрелом.

Но я вновь спрашиваю: что приобретает наш народ, отрывавший от себя многие годы самое необходимое для поддержки африканских национально-освободительных движений, как принято называть порой простую смену политических вывесок? Что, кроме чувства морального удовлетворения от интернациональной помощи, о масштабах и целях которой мы до последнего времени не знали? Оговорюсь: я не имею в виду помощь медикаментами, палатками, одеялами и продовольствием тем, кого постигло стихийное бедствие. Это особая статья расходов, которую обязаны предусматривать в своем бюджете все мало-мальски обеспеченные страны.

Против ли я военной помощи развивающимся странам? Да, если они используют эту помощь для гражданских междоусобиц. Ибо тогда эта помощь уже не народам, а режимам. Просто я знаю, сколько труда нужно для изготовления одного только боевого самолета, чтобы отдавать его за просто так, да еще ради не всегда ясных политических целей.

Я за нормальный военный бизнес.

Вам нужны самолеты для пограничного патрулирования? Пожалуйста, платите, скажем, 20 миллионов за штуку. Вам нужны танки, чтобы чувствовать себя увереннее перед лицом надвигающегося регионального конфликта? Пожалуйста, один стоит примерно миллион долларов. Дорого? Американские машины такого типа стоят дороже. Что, вы утверждаете, что продавать оружие аморально? Но мы давно продаем его и зарабатывали в год, как утверждают зарубежные источники, на этом около 8 миллиардов инвалютных рублей. И весь мир это знает. Так что, на мой взгляд, аморально отдавать оружие бесплатно, потому что это такой же товар на мировом рынке, как и все остальное. И если его не купят у нас, его купят у Израиля, Франции или Америки.

Можно было бы понять даже такой выморочный военный «бизнес», какой существует между СССР и Анголой. Если бы страна-покупатель шла на какие-то уступки в иных областях. Но, увы, нам урезают квоты на вылов рыбы у берегов Анголы. Предлагают невыгодные условия на производство нефтеразведки. Наши самолеты заправляются в Луанде последними. Ангольская сторона считает в порядке вещей нарушать условия приема советских специалистов. Им не дают положенного транспорта, они живут в домах без мебели, не обеспечены продуктами по умеренным ценам и т. д. Военное и гражданское руководство Анголы может на час и больше опаздывать на торжественные приемы, организуемые советской стороной.

Ладно, пусть, будем считать, что это несущественно. Мы сами виноваты в том, что нами помыкают. Что советские специалисты перебиваются на кухне у соседей. Все это — наша проклятая бедность. А от нее: попал за границу — терпи, это единственный шанс вылезти из нищеты.

А может, и потому тоже мы бедны, что не умеем считать? Что, импортируя свою идеологию, десятилетиями подкрепляли это нелепыми, с точки зрения здравого смысла, баснословно дорогими дарами? Взять тот же мемориальный комплекс Агостиньо Нето в Луанде. Кто-то из наших тогдашних политических мэтров сделал широкий жест: объявил, что СССР построит 127-метровый колосс на берегу океана в знак дружбы и солидарности. Это было в 1982 году. Памятник, строительство которого потребовало переброски миллионов кубов грунта, гигантского количества бетона и металла, по сию пору не закончен. (Вновь «незавершенка»!) Говорят, нам это уже стоило 40 миллионов долларов, и одно упоминание об этом вызывает у наших посольских нервный тик.

И все-таки что дальше? Как развязать ангольский узел, который мы сами так старательно затягивали на своем бюджете? А с ним, возможно, и другие узлы в разных частях света. Не могу отделаться от крамольной мысли — не окажем ли мы, развязав их, добрую услугу не только своему народу, но и другим народам, безмерно уставшим от войн?

Дети Никарагуа

Париж называют «столицей фотографии». Четыре крупнейших фотоагентства мира сосредоточены здесь, так что газетам, журналам вовсе нет нужды всякий раз посылать своего фотокорреспондента с «иллюстрацией события» — достаточно послать курьера в одно из этих агентств.

Сегодня мы представляем несколько работ молодого фотокорреспондента агентства Магнум Сильви Фрост. Ей двадцать восемь лет. Ее фоторепортажи из Никарагуа, Сальвадора, Эквадора, Перу, Венесуэлы, Мексики, с Галапагосских островов обошли мировую печать. На этих снимках запечатлены дети Никарагуа.

на своих предприятиях, но и пошел дальше. Учитывая опыт профсоюзной борьбы в Японии, он предпочел опередить события: вместо организации профсоюзов (в рамках корпорации их лишь два — в газете и страховой компании в соответствии с требованиями конституции) Ли ввел систему договорных отношений. Задачей договорного механизма является предотвращение трудовых конфликтов, ухудшающих социальный климат, наносящих вред как самому производству, так и работникам. К аналогичной системе, по существу, пришла и Япония, что проявилось в формировании и деятельности «Рэнго», прежних профобъединений, включая боевитый Сохио.

Еще два года назад 70 процентов электронной продукции «Самсунга» шло на экспорт, сейчас же эта цифра снизилась до 53 процентов — результат расширения внутреннего рынка, роста покупательной способности населения. Улучшилось материальное положение и работающих в самой компании: за последние три года их заработки выросли вдвое, так что в текущем году рост оплаты труда решено ограничить 10 процентами.

О дальновидности основателя «Самсунга» я подумал, знакомясь с еще одним его детищем—«Деревней Дракона», вариантом Диснейленда, включающим также и миниатюрную сафари, он отмечен многими оригинальными чертами в соответствии с традиционной символикой названия: дракон — символ императорской власти, всего высшего, благородного.

Строительство деревни, включая организацию обслуживающего ее сельскохозяйственного производства и ремесленничества, началось по инициативе Ли еще в 1970-м, когда «Самсунг» делал свои первые шаги. В год открытия — 1977-й — вряд ли кто-либо мог пророчить ей нынешнее значение как в жизни компании, так и в жизни целого региона страны. Находящаяся для нас за семью печатями рыночная экономика в числе прочих имеет и такой секрет: тратя капитал, ты по большей части сеешь семена его будущего роста. В прошлом году «Деревню Дракона» посетили 4,7 млн. человек — представителей трех поколений «самсунговцев», и не только их, поскольку уже давно сюда везут своих детишек, внучат жители близлежащих и совсем отдаленных от драконовских «владений».

Дивиденды от капиталов, некогда вложенных Ли, не ограничиваются прибылью компании и местного производства. В день, когда меня любезно пригласили в гости к Дракону, повсюду в огромном зеленом парке разнообразных аттракционов, заполнивших уютную лощину между невысокими горами, слышался радостный гомон и смех, цвели улыбки на лицах всех возрастов. Среди природы, в общении со сказкой, со своими близкими и дальними естественным образом рождалась общая благожелательность — основа здорового социального климата, конструктивной атмосферы для творческих планов, надежд и труда.

Я поинтересовался планами корпорации. Заведующий отделом информации предприятия «Сувеон» — электронной ветви «Самсунга» — Чэ Ил Янг не сомневается в возможности компании уже в 90-е годы занять место среди ведущих корпораций мира — Ай Би Эм, Сони, Тосиба, Мацусита.

— Мне по душе «агрессивность» наших бизнесменов, но все же следует быть более реалистичными, — так началось интервью в одном из мозговых центров страны — Институте развития Южной Кореи, где я встретился с его президентом профессором Ко Бон Хо.

— Наша цель состоит не в том, чтобы «догнать Японию». К началу нового тысячелетия мы должны войти в сообщество развитых стран, построить общество среднего достатка — единственно прочную базу социальной стабильности и движения вперед.

— Как вы смотрите на развитие нашего двустороннего сотрудничества, на перспективы интеграции Советского Союза в АТР?

— В целом я оптимистичен в оценке возможностей экономической кооперации в регионе, в том числе и между нашими странами, например, в развитии Сибири. И Япония, и мы нуждаемся в ресурсах, так что наши страны могут быть полезны друг другу. К сожалению, мир развивается не по законам экономических приоритетов, есть еще не устраненные препятствия.

Послевоенные проекты развития Южной Кореи носили чрезвычайно смелый, рискованный характер, в основном ориентировались на совместные предприятия — с американцами и японцами. И сейчас мы не можем не учитывать интересов наших партнеров, от которых к тому же в значительной степени зависим как от главных импортеров нашей продукции. Однако я уверен: в перспективе и США, и Япония будут приветствовать наше сотрудничество с СССР. Ведь мир стремительно меняется: возьмите германский вопрос, Восточную Европу, перестройку. Мы выходим из состояния холодной войны. И в двусторонних отношениях крепнут новые тенденции: два года назад наш товарооборот оценивался в 200 миллионов долларов, а в этом — уже перевалил за миллиард. В перспективе — развитие совместных предприятий. Мы еще не производим таких хороших товаров, как Япония, Англия, ФРГ, но делаем добротную и более дешевую продукцию...

— Перспективно ли сотрудничество по линии: наши исследования — ваша технология?

— Это многообещающая область, особенно сейчас, когда США, Япония, страны ЕЭС становятся все более протекционистскими в отношении своих НИОКР. С учетом такой тенденции наше правительство приняло решение увеличить расходы на собственные научные разработки с 2,2 до 5 процентов ВНП. Вы имеете значительные достижения в сфере научных исследований, но вот в области практической реализации дело, кажется, обстоит хуже... И здесь мы опять же можем дополнять друг друга.

— Как вы смотрите на будущее развитие мира, в чем видите роль вашей страны как члена мирового сообщества?

— Мы заинтересованы в системе кооперации между странами АТР с учетом того, что США, Канада и Мексика уже интегрированы. Но мы бы не хотели иметь в региона жесткие связи, как это наблюдается в Европе, типа «рынка-92». Наша позиция заключается в поддержке принципов свободной торговли, поэтому, хотя мы и не против «одной шляпы» на голове Европы, но не хотели бы столкнуться с ЕЭС как закрытым рынком.

Конструктивный путь развития — это торговля, совместные предприятия, совместные научные исследования и разработки. В основе всего лежат глобальные контакты между людьми. Люди занимаются бизнесом, торговлей, проводят научные исследования. Люди создают общественный климат.

Сейчас много говорится о формировании трех мировых центров. Я считаю, что три центра — это лишь промежуточный этап в процессе глобализации. Именно в ней будущее человечества. И роль Южной Кореи я вижу в открытии всему миру по-своему уникального опыта модернизации — опыта стремительного социально-экономического развития земледельческой, крестьянской, к тому же полностью лишенной природных ресурсов страны, разоренной войной и за три десятилетия поднявшейся на ноги, обретшей уверенность в собственных силах, надежду на будущее. Возможно, наш опыт пригодится и советской перестройке...

Южнокорейский опыт никак не может быть не замечен на том пути, по которому мы делаем первые шаги. Тем более что эта страна хотя и рванула вперед, но все же не настолько, чтобы совсем скрыться из глаз, и поэтому может служить нам своего рода ближайшим ориентиром. Да и в менее утилитарном, общечеловеческом смысле опыт Южной Кореи мне представляется чрезвычайно значимым в решении, например, вечной — и столь злободневной для нас — проблемы гармоничного сосуществования традиции и современности. Но это уже особая статья.

Владислав ДУНАЕВ,
соб. корр. АПН — для «ЛГ»

СЕУЛ

ЯВЛЕНИЕ

Василий РОСЛЯКОВ

РАССКАЗ

ЕЛЕНА БЕКБУЛАТОВНА была человеком, в некотором роде из ряда вон выходящим, — она была писательница. После института иностранных языков она выглядела счастливым ребенком с алыми губками и румяными щечками. Через два года, поработав в Интуристе, она принесла в издательство свою первую повесть — «Красный гид». А по выходе ее в свет Елена Бекбулатовна вступила в Союз писателей, что называется, на белом коне.

Все начиналось, как в сказке. По «Красному гиду» был снят фильм, критики поздравляли читателя с появлением в литературе юного и высокоодаренного прозаика. Сам Фадеев прикладывался к ручке и спрашивал участливо: ну, как пишется, и так далее. Константин Симонов не проходил мимо, кланялся.

Так продолжалось сравнительно много лет. Елена Бекбулатовна успела за это время создать в самой себе некий полуфантастический образ современной Жорж Санд. Стала ходить в сапогах и брюках, сапоги женские, разумеется, но в то же время они были как бы вроде и мужские.

А вот дальше дело как-то не пошло. Не то чтобы стали ее забывать, а как бы привыкать стали и все меньше замечать. Знали, что есть она, что хороший прозаик, что появляются ее какие-то новые сочинения, но интереса ни к ним, ни к самой Елене Бекбулатовне не проявляли. А Жорж-то Санд жил в ней по-прежнему, и сама Елена Бекбулатовна не теряла к себе уважения. Напротив, понятия о себе разгорались в ней с необычайной силой, полыхали во всю мочь. Бывало, ночи напролет не смыкала глаз, разжигала в себе мысль, пришпоривала воображение, рисовала неправдоподобные, фантастические картины, которые приносили ей на какое-то время зыбкое удовлетворение.

В одну из таких ночей, после двухдневного писательского сборища, где просияли наряду со старыми и новые имена, рожденные перестройкой, и где ей опять не нашлось места, — в одну из таких ночей она не просто томилась, как часто бывало, бессонницей, а сжигала себя мучительными фантазиями, надо думать уже заболевшего ума. Елена Бекбулатовна впала в такие прострации, что явь путалась с коротким сном фантазии — со сновидениями. Эта ночь как бы увенчивала ее страдания последних лет, вознаграждала за долгое терпение, так что поднявшись с постели, когда за окном уже полыхало упоительное утро, Елена Бекбулатовна не сразу могла сообразить, отчего она так счастлива, отчего так поет ее способная еще к цветению душа, отчего такая легкость во всем теле.

Вспомнила, что вследствие выступления своих коллег, оказавшихся нынче на виду, она легла в грустном, даже угнетенном расположении духа. Одна посредственность вызывала в ней великодушное презрение, другая озадачивала, третья, занимавшая высокое кресло, вообще не останавливала внимания, она знала наперед, что может сказать этот натужный чревовещатель, набивший руку на верноподданических писаниях, четвертая... Да ну их к чертям собачьим!

Словом, Елена Бекбулатовна легла в постель совершенно угнетенной и благородно негодующей. Затем почти незаметно ее воображение обратилось к самой себе, к собственной персоне, которую, теперь это уже очевидно для всех, литература потеряла где-то по дороге к своим сияющим вершинам.

Елена Бекбулатовна стала обдумывать себя.

Ну чего им надо? Как еще писать? — мысленно обращалась она к ним. Ко всем! К писателям, критикам, читателям. Ведь у нее все неординарно, все с особенным личностным оттенком, со своей интонацией, ничего проходного, все отмечено талантом!

Елена Бекбулатовна распаляла себя, переворачивалась с боку на бок, откидывала одеяло, потом снова натягивала его до подбородка. Ночная свежесть проникала в открытое окно и приносила в спальню не только запахи цветения, но и холодок, заставлявший поеживаться и натягивать одеяло.

А нет ли, думала Елена Бекбулатовна, нет ли в этом забвении какой-нибудь ее вины, ее неверных шагов или просчетов? Может, она держит себя слишком независимо и этим раздражает людей, может, ей не прощают ее неучастия во всевозможных массовых акциях, в этих дурацких декадах, поездках, выступлениях и семинарах? Ведь она даже не помнит, когда последний раз выходила на трибуну. А могла бы. Сколько раз даже подумывала об этом. Но всегда ее останавливало что-то. То ли гордость, то ли робость, то ли высокомерное желание не походить на тех, кто проявляет активность и несет свою глупость на суд общественности, на трибуну.

И все-таки в этой отстраненности, в этом неучастии не всегда лежит истина, здравый смысл. Может, хоть изредка ей показываться на людях, подниматься на трибуну или попробовать пробиться куда-нибудь за «круглый стол», позволить себе что-то иное в этом роде. Зря, конечно, она относится ко всему этому так высокомерно. Ну, вот хотя бы... хотя бы в Малом зале, перед своими товарищами, перед прозаиками. Вышла бы на подмостки, не к столу президиума, который внизу, перед сценой, а вот именно на подмостки, на сцену, где стоит рояль и маленький столик со стульями. Вышла бы... Только зачем? Как это — взять и выйти? Нет, это невозможно. Но почему? Могли бы пригласить по-товарищески отчитаться перед коллективом, рассказать о работе, о творческих планах, поговорить об опыте и трудностях своих. Разве этого не бывает? Бывает. Ну вот выходит она, в сапогах, в черных брючках в обтяжечку, в мужской косоворотке, в ослепительно белой, рассказывает. Рассказывает о последних романах, как пришла к ним, вернее, как они пришли к ней, эти романы, две последние повести, как они зародились — в ее душе, разумеется, а не в голове. Сперва в душе, а потом уже в голове. Словом, говорит интересно, нешаблонно, выстраданными словами, добытыми из самых глубин. Зал набит до отказа, слушает, впитывает каждое слово, каждое движение ее, следит за жестом, за взглядом темных глаз, притененных к тому же ресницами. Она это чувствует каждой своей клеткой, возбуждается еще сильнее и говорит еще ярче. Откуда только берутся мысли, ослепительные фигуры красноречия, сакраментальные паузы, когда слышно, как зарождается мысль и как стучит сердце зала?

Вот он, то есть зал, совершенно замирает, потом нарастает оживление, по нему прокатывается волна за волной и, наконец, — девятый вал. Буря восторгов. Аплодисменты. Горящие глаза, устремленные к ней, к ее божественной фигуре в почти мужских сапогах, но без трубки.

Сердце бьется часто и сильно. Но нет. Этого мало. Этого недостаточно. Нельзя уходить, нельзя так вот сразу расставаться с этим разгорающимся триумфом. Елена Бекбулатовна, выждав несколько бурных минут, поднимает оголенную до плеча руку, просит тишины. Говорит с благодарной улыбкой, что, между прочим, она еще пишет и стихи, когда они приходят к ней и не дают заниматься никакими другими делами, пока не лягут на бумагу.

Господи! Кто из сидящих в зале хоть когда-нибудь в жизни читал или слушал такие стихи?!. Пушкин? Лермонтов с Блоком? Нет! Там чистая классика. Тут нечто другое, ни на что не похожее. Зал не дышит, пока Елена Бекбулатовна разворачивает неслыханно прекрасный и невиданно глубокий поэтический образ. Вот развернула и в последней строфе вбивает в сердце залу золотой, из чистого золота гвоздь. Только ахнули в ответ. Ахнули со стоном.

Елена Бекбулатовна, достигнув умопомрачительного сияния и блеска, легким шагом подходит к роялю. Представьте себе, садится за рояль. От первых же аккордов зал буквально цепенеет. Нет, это не Мария Гринберг, и не Илза Граубинь, и даже не Александр Борисович Гольденвейзер в дни своей молодости. Это живая Клара Вик с Людвигом ван Бетховеном и Фридериком Шопеном.

Люди стали задыхаться. От восторга. И когда Елена Бекбулатовна перешла от бурной части к анданте-кантабиле, все заплакали.

Елена Бекбулатовна поднялась, бесшумно закрыла крышку рояля, подошла к рампе и с божественной улыбкой поклонилась публике. Зал безмолвствовал. Елена Бекбулатовна ждала, загадочно улыбалась в полупоклоне. И дождалась. Ее тряхнуло обвалом восторга.

Вот тогда-то она и шагнула в зал. Подняла обнаженную до плеча руку, налитую нежной тяжестью, и сделала шаг со сцены. Шагнула в зал. И пошла, медленно пошла по воздуху, над головами окаменевших товарищей своих прозаиков. Среди них не было ни одного простого человека. Все были избранниками судьбы, писателями, инженерами, как говорится, человеческих душ. Были тут и мастера научно-фантастического жанра, которые знали все или почти все тайны современного научного мира. Одним словом, все без исключения знали, что такого, то есть хождения по воздуху, не бывает и быть не должно. Поэтому они окаменели и не решались поднять глаз, взглянуть туда, где воздушно проплывала над ними прекрасная Елена Бекбулатовна. Она приблизилась к последним рядам, мягко опустилась на пол, открыла дверь. Зал не оглянулся: он не знал, что ему делать — вставать или сидеть дальше.

Однако не будем преувеличивать. Не тот век. Некоторые даже направились к выходу, чтобы увидеть как бы заново Елену Бекбулатовну, хотелось увидеть ее обыкновенной женщиной, как все люди, может быть, расхаживающей по натертому паркету и, возможно даже, разговаривающей с кем-нибудь из своих коллег о каких-нибудь будничных делах. Но увы! Ее уже не было нигде в этом благословенном Доме литераторов, который многое видывал на своем веку, самого необыкновенного, но такого, это уж я говорю вам со всей ответственностью, не видел никогда.

Елена Бекбулатовна, вылетев стрелой, схватила первый попавшийся таксомотор и, возбужденная до предела, укатила домой. Удалилась победительницей, Афиной-Палладой. В свою скромную двухкомнатную квартиру, которую оставил ей благородный муж-режиссер после развода.

Но, господи! Кто не знает нашей публики! Не прошло и часа, ну, может быть, чуть больше, как о выступлении Елены Бекбулатовны знала вся Москва. Весь великий город без малейшего исключения. То есть я хочу сказать, что о женщине-феномене слух дошел и до Кремля, до правительственных кругов, до самого Президента. В ту минуту он сидел в президиуме Съезда народных депутатов. Председательствующий прочитал записку, поступившую из левого крыла президиума, склонился к Президенту и сказал на ухо:

— Академия наук имеет сообщить вам чрезвычайную новость.

Президент нахмурил брови и ответил шепотом:

— Попросите в комнату президиума.

— Товарищ Президент, — сказал Главный академик, — только что поступило из первых рук сообщение, что у нас, в нашей стране, в Центральном Доме литераторов некая женщина, член Союза писателей, по имени Елена Бекбулатовна, продемонстрировала способность передвигаться по воздуху. Шагнула со сцены, прошла над головами писателей к выходу и исчезла. Разумеется, это, строго говоря, ненаучно, вопреки всем законам, известным науке, но факт остается фактом. Я распорядился бросить все силы для объяснения феномена. Какие могут быть указания с вашей стороны? Дело ведь нешуточное.

Президент привычно вскинул голову, снял очки, протер их платком и снова водрузил на место, подтолкнув указательным пальцем. Потом задумался, глядя мимо Главного академика. И вдруг, повеселев лицом, сказал:

— А нельзя ли ее пригласить сюда, на Съезд? Чего нам таиться? Гласность так гласность. Пусть люди сами увидят. Давайте, действуйте. И прямо ко мне.

Долго ли, коротко, но Елена Бекбулатовна была доставлена в Кремль и вот уже стояла перед руководителем страны.

Моложавый Президент доброжелательно оглядел Елену Бекбулатовну, улыбнулся, спросил, как она чувствует себя и не удивилась ли приглашению. Елена Бекбулатовна так заволновалась, так растрогалась ласковым приемом, что стала немножечко заикаться.

— Вы не волнуйтесь, Елена Бекбулатовна. Сейчас я представлю вас нашим депутатам, вкратце расскажете им о сути дела и продемонстрируете свое искусство.

Елена Бекбулатовна слегка пожала плечами и от стеснительности немножечко покраснела.

— Стоит ли отвлекать всех от дела?

— Очень даже стоит, — успокоил ее Президент. — Вы не представляете, как это важно для нашего государства и, не побоюсь сказать, для всего человечества.

Он провел Елену Бекбулатовну в президиум, посадил рядом. Потом наклонился к председательствующему, что-то пошептал, и тот кивнул головой. Президент страны поднимал немного председателя, встал на его место к микрофону.

— Товарищи депутаты, — сказал он, и в зале мгновенно воцарилась глубокая тишина. — Прошу извинить меня за нарушение регламента. Я хочу познакомить вас с членом Союза писателей, с женщиной-феноменом. — Президент назвал фамилию и улыбнулся в сторону Елены Бекбулатовны, поднял ее жестом, подождал, пока она подойдет к нему, взял ее за руку и вместе с ней выступил на авансцену.

Женщина-феномен была прекрасна, ослепительно хороша собой. Темные глаза ее излучали в огромный зал мягкий, слегка таинственный свет.

В КОНЦЕ НОМЕРА

— Дорогие товарищи депутаты. — В зале все уже знали о московском чуде, поэтому смотрели на сцену завороженно. — Товарищи депутаты, — повторила Елена Бекбулатовна. — товарищ Президент сказал все правильно, но по доброте своей сильно преувеличил мои заслуги. Ничего особенного я делать не умею, все, что я делаю, очень просто и доступно каждому. — Она посмотрела на Президента, стоявшего рядом, протянула ему божественную руку и прибавила: — Смотрите, как это все просто.

Елена Бекбулатовна прикоснулась к его пальцам, чуть заметно оперлась на носочки и легко взмыла вместе с Президентом страны над землей. Они медленно шли, а лучше сказать — плыли над головами депутатов, слегка перебирая ногами, над академиками и доярками, над космонавтами и председателями колхозов, рабочими, художниками и кооператорами, чабанами и партийными работниками, над шахтерами и музыкантами, сталеварами, героями труда и героями Великой Отечественной, над ветеранами партии и юными комсомольцами, над всем народом, заполнявшим Большой зал Кремлевского Дворца. Они медленно продвигались в воздухе к балкону. Лицо Елены Бекбулатовны было исполнено скромной строгости и красоты. Президент светился улыбкой.

Сделав круг, парящие, не торопясь, величественно возвратились к трибуне.

— Вот, — сказал Президент и развел руками. — К этому мне добавить нечего. Вы все видели сами.

Потом он повернулся к Елене Бекбулатовне и легонько похлопал в ладоши, поаплодировал. Зал поддержал Президента всей своей мощью. Депутаты встали.

На этом чрезвычайная часть Съезда закончилась. Говорить о чем-то другом согласно повестке дня никому не представлялось возможным. Принято предложение заседание перенести на следующий день.

В кулуарах министр обороны сказал Президенту:

— Не кажется ли вам, что мы несколько поторопились с этой женщиной? Может быть, следовало бы подержать в секрете? Задействовать сначала? Освоить?

— Я думаю, мы поступили правильно. Во всех отношениях. Пусть видит мир: у нас от человечества секретов нет. А задействовать необходимо. Надо поручить Академии наук.

Было созвано экстренное заседание Президентского совета. Что там говорилось — неизвестно. Тут фантазия Елены Бекбулатовны притормозилась. И наступило утро. Она сидела теперь и разглядывала в зеркало свое лицо и медленно, шаг за шагом, возвращалась к реальности, к будням нашего бытия. И, как всегда бывает с женщинами, после пережитого потрясения, почти недоступного торжества радости Елена Бекбулатовна бережно разгладила морщины у глаз и залилась слезами. Теперь ей больше не хотелось ничего.

Рисунок Ф. ШАНЕЦКОГО

Илья СУСЛОВ

ЗАРУБЕЖЬЕ «КЛУБА ДС»

Да, свое зарубежье есть и у «Клуба ДС». Одним из основателей этого уникального «Клуба» был Илья Суслов, которому шестнадцатая страница «ЛГ» немало была обязана своим расцветом. Семнадцать лет назад И. Суслов переселился в США, где без отрыва от основного производства (грузчик, продавец, переводчик, диктор, редактор) стал писать и издавать книги. Несколько фрагментов из них, связанных с нашей 16-й полосой, администрация предлагает вниманию читателей.

Зарубежный Илья Суслов в «Клубе ДС» публикуется впервые.

АДМИНИСТРАЦИЯ «КЛУБА ДС»

Телевизор

На моей двери в редакции висела табличка «Евгений Сазонов». В эту комнату входить было опасно: там сидели остряки. Опаснее всех в этом отношении был художник шестнадцатой полосы Вагрич Бахчанян. Как только он появлялся, я всегда говорил ему: «Бах, я умоляю тебя, когда входят посторонние, не открывай своего чудовищного рта. Нас из-за тебя пересажают. Обещаешь?» Бах был исключительно талантливым и изобретательным иллюстратором рассказов, появлявшихся на 16-й полосе «Литгазеты». Он отвечал: «Я постараюсь, Илья Петрович». Но у него ничего не получалось.

В нашей комнате стоял телевизор. И однажды выступал Брежнев. Мы слушали. В комнату вошел старик К. из соседнего отдела. У меня с ним были хорошие отношения. В 37-м году его взяли прямо в кабинете редакции, и он отсидел в лагерях чуть ли не 18 лет.

— Кто выступает? — спросил К.

— Райкин, — сказал Бахчанян.

— Что вы говорите! — обрадовался К. и пошел к телевизору.

Брежнев в эту минуту был очень похож на одну из масок Райкина с его неправдоподобными бровями. Но К. услышал брежневское: «Трудящие усей страны с огромным воодушевлением устретили...» — и выскочил с изменившимся лицом из комнаты.

— Ну, кто тебя тянул за язык, Бах? — строго сказал я. — Сколько раз я всех вас просил не открывать свои пасти при посторонних. Бах, я не могу тебе доверять.

— Доверяй, но расстреляй, — сказал Бах.

Дверь приоткрылась. К. поманил меня пальцем в коридор.

— Дождались, кретины, — сказал я и пошел к нему.

К. был очень возмущен.

— Слушали, — сказал он. — У тебя черт знает что творится! Ты слышал, как этот тип сказал о Брежневе?

— Что он сказал?

— Он сказал, что это Райкин! Ты знаешь, что за это может быть? В мои времена за такое...

— Тебе послышалось, — сказал я, — я ничего не слышал такого.

— Как не слышал?

— Тебе послышалось.

— Что ты мне рассказываешь! Этот бородатый, ты за него все время заступаешься. В Венгрии тоже все началось с «клуба Петефи».

К. спутал Бахчанян не был бородатый. Бородатый был другой. Владик.

— Пойдем выясним.

Мы зашли ко мне.

— Что тут происходит? — сказал я очень, очень строго. — Ты, Владик, зачем сказал про Брежнева, что он Райкин? Что это за выходка?

— Илья Петрович! — взвыл изумленный Владик. — Христом Богом клянусь, я ничего не говорил. Как можно про Брежнева Леонида Ильича такое сказать! Клянусь мамой, детьми моими нерожденными клянусь, клянусь своим подорванным здоровьем! Я клянусь.

— Не морочь голову, Владик. Ты с перепоя мог сморозить эту неуместную, глупую шутку, а теперь на нас настучат.

— Я не собираюсь, — сказал К.

— Спасибо.

— С какого перепоя? — обиженно спросил Владик. — Я и выпил-то всего бутылку. Максимум две.

И все обошлось.

А Вагрич Бахчанян теперь живет в Нью-Йорке.

Площадь круга

Илюхе, которого я очень люблю,
а он, дурак, ко мне не ходит!
Юрий РЯШЕНЦЕВ

С Юрой Ряшенцевым я дружил многие годы. Он был чертовски талантливый поэт и переводчик. Всю жизнь я просил его:

— Юра, займись гражданской поэзией! С твоей техникой и пониманием поэзии ты затянешь за пояс и Евтушенко, и Вознесенского!

— Нет, — отвечал он, — это не мое. Я просто поэт. Не бывает гражданских поэтов. Бывает гражданская смерть, гражданская война бывает.

— Но ведь я хочу для тебя славы!

— Не морочь голову, — говорил Юра. — Слава приходит не к гражданам, а к мастерам. Если я стану мастером, я и добьюсь того, что ты суетно называешь славой. И никакие тенденциозные стихи в этом не помогут.

Мы вели эти разговоры в его квартире, за столом, за которым, по некоторым предположениям, убили Распутина. Стол этот стоял в его квартире с незапамятных времен, когда В. И. Ленин разрешил именитым чекистам реквизировать для своих нужд мебель из дворцов. Отец Юры, старый чекист, ведший, по слухам, дело поэта Гумилева, взял себе мебель из дворца князя Юсупова. Юриному папе это не помогло, потому что его тоже ликвидировали в тридцатых годах. Юра представлял собой ярчайшую иллюстрацию к конфликту поколений. Гумилев был одним из его любимых поэтов.

Я помню пыльную Анапу, куда мы однажды отправились с Юркой летом. Мы были молоды и пили белое крестьянское вино. На каком-то столбе висела вывеска, которую мы никак не могли прочесть. Вывеска висела высоко, и мы никак не могли составить буквы. «Не в... не ело... не влю...» — черт ее знает! Юра рассердился и полез на столб. Он сорвал с верхотуры эту ржавую железку и спустился вниз, как акробат. Там было написано: «Не влезай, убьет!»

Я сберег эту прелесть и привез в Москву. Она висела над моей кроватью долгие годы моего холостячества к смущению подруг, иногда приходивших ко мне «навести уют», как они говорили. Жаль, не взял ее с собой в Америку. Да теперь уж что!.. Старый, женатый... Как там у Гумилева? «Женаты мы, любовь нас не волнует...»

Первый сборник стихов Ряшенцева вышел в 1967 году. Он назывался «Очаг». Там было, между прочим, и стихотворение, посвященное мне:

Праздник. Танцы на площади

Илье СУСЛОВУ

Как мы кружимся — и я, и он, и все!
Вместо солнца — просто белка в колесе.

Над толпою — как мембрана — медный бас,
он прогрызывает, прогрызывает нас,
как пластинку, как пластинку, как тогда —
в патефонные далекие года.

Площадь круга... Площадь круга... Два пи эр —
— Где вы служите, подруги?
— В АПН.
— Вам не кажется, что мы сейчас в Гель-Гью?
— Вы банальны, друг мой. Грина не терплю.

Грины, Громы и Эльмары — все потом!
Солнце машет нам оранжевым хвостом.

Где часы и где минуты, где века?
Лишь полоска на руке от ремешка.

— Вам не кажется, что все идет кругом?
— Мы сейчас столкнемся.
— С другом иль с врагом?
— Все мы кружимся — Господь нас пронеси —
все немножечко вокруг своей оси.

На большом на барабане целый час,
как на лобном месте, распинают вальс.
— Загорел на вашей ручке ремешок...
Что со мной? Во мне проснулся пастушок,
и сусар, который спит во мне давно,
и комп еще проснуться суждено.

— Вам не кажется, что мне пора домой?
— О, конечно! Но нельзя же по прямой,
и вращенье в этой солнечной гульбе —
лучший способ возвращения к себе.

У этого стихотворения своя история, связанная с другим литературным именем — с именем пародиста Александра Иванова...

Я уважаю Суслова И. П.,
Интеллигента, гада и т. п.
Ал. Иванов

Саша Иванов был длинный и язвительный человек. Он обладал способностью вытащить у поэта самую слабую строчку и с ее помощью не оставить от автора камня на камне. Вот что он сделал с Юрой Ряшенцевым по поводу стихотворения, приведенного выше:

Юрию Ряшенцеву

Заколдованный круг

Площадь круга... Площадь круга...
Два пи эр —
Где вы служите, подруга?
В АПН.

Говорит моя подруга, чуть дыша:
— Где учился ты, голуба, в ЦИШ?*

Чашу знаний осушил ты не до дна.
Два пи эр — не площадь круга, а длина,
И не круга, а окружности притом.
Учат классе это, кажется, в шестом.

Ну поэты! Удивительный народ!
И наука их, как видно, не берет.
Их и банальности никак не упрекнешь,
Никаким ключом их тайн не отомкнешь.

Все б резвиться им, голубчикам, дерзать.
Образованность все хочут показать...

* ЦИШ — церковноприходская школа.

Главный редактор Ф. БУРЛАЦКИЙ

Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Ю. ДРУНИНА, Ю. ЗАРЕЧКИН, В. КАРПОВ, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), А. ЛАТЫНИНА, В. МОЕВ (отв. секретарь), Ю. ПОРОЙКОВ (первый зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, С. СЕЛИВАНОВА, В. СОКОЛОВ, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Ведущий редактор Е. КРИВИЦКИЙ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва К-54, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП-3, Москва К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

А — 00578 Номер подписан к печати 4/VI 90 г. Типография «Литературной газеты» Москва, Ц., Цветной бульвар, 30 Зак. 413 ИНДЕКС 50067